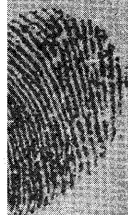
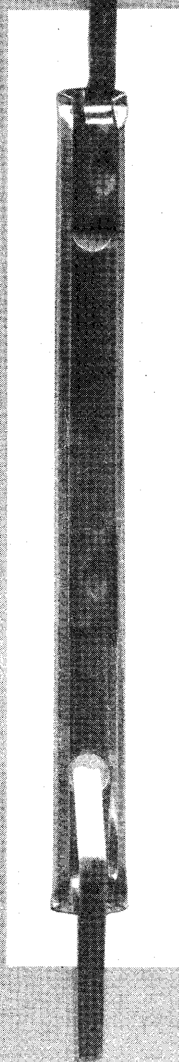
БГ

Для служебного пользования

МЕСЯЦ июль № 6 2002 год

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Бомба двойного назначения

Главный обвиняемый в убийстве руководителя службы Госконтроля по Могилевской области Евгения Миколуцкого свидетельствует...

Стр. 8–9

Власть — в кулаке

Подробности уголовного дела №147, которое было возбуждено Шкловским РОВД в отношении Александра Григорьевича Лукашенко

Стр.4

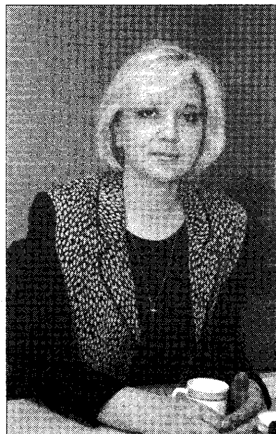
Травля Быкова

Гонения на народного писателя Беларуси продолжаются уже более сорока лет

Стр. 16–17

ПРОШУ СЛОВА

Еще раз о превратностях любви

Все почему-то решили, что Борис Ельцин приезжал в Беларусь специально для того, чтобы помирить Лукашенко и Путина. Товарищи, надо читать газеты! О том, что первый президент России приедет в нашу страну, было объявлено приблизительно за месяц до того, как Путин предложил в союзных отношениях перейти на раздельное питание и отделять котлеты от мух. Базис и надстройку Путин определил просто по учебнику: политика политикой, на нее всегда мухи садятся, а вот экономика позволяет есть котлеты. Потому Беларуси надо определиться: либо она девица на выданье, либо давно обвенчана. А официальному Минску и погулять хочется, и замуж невтерпеж. Ельцин по пути на отдых в дорогие его сердцу Вискули вынес великодушный вердикт в том смысле, что размолвки между молодыми демократиями дело обычное, помирятся. Я бы не стала торопиться со столь однозначным выводом.

Мы много раз слышали, что российско-белорусский союз переходит на качественно иной уровень, но по большому счету ничего не менялось. И вот сейчас, без всяких громких заявлений, к этому рубежу подошли. Совершенно очевидно, что ко второму президентскому сроку Владимир Путин намерен прийти с имиджем влиятельного и уважаемого в мире политика. Россия Ельцина, в которой шли внутренние преобразования, должна отличаться от России Путина, которая, подкрасив бланш от чеченской войны тональной пудрой, во всей красе выходит в люди. И вы хотите сказать, что она пойдет под ручку с оскандалившейся синеокой подружкой? Да никогда!

Авторитет Путина в мире завязан на «белорусский вопрос» (мы не то чтобы кому-то очень мешаем, мы просто стали какой-то бородавкой на теле Европы, которую желательно бы удалить, дабы не разрасталась), и, судя по всему, он это понимает. Помирить Индию с Пакистаном — нереально, встать между Палестиной и Израилем — глупо, а вот ликвидировать последнего европейского диктатора — самое то. Путин сейчас наверняка прикидывает, что может сделать Россия, дабы дистанцироваться от Лукашенко. Вариантов не много. Первый: изымаем из союзного договора пункт о единой валюте, возвращаем деньги, которые Беларусь получила в виде кредитов на подготовку введения единого российского рубля, и расходимся по своим песочницам. Вариант второй: принимаем Беларусь под свое братское крыло и защиту, и никого в мире уже не будет интересовать, что там мелет языком лидер 90-го субъекта Российской Федерации. Штатные глашатаи Кремля (в частности, Михаил Леонтьев в программе «Однако») уже объявили, что место друга России в Беларуси свободно. Теперь, как я понимаю, наша политически активная прослойка натопчет мозоли, пытаясь занять вакантное место.

Лукашенко списали со счетов, и это очевидно. Если ничего не изменится — для него это настоящая, всамделишняя, реальная трагедия. Надежды на третий срок можно похоронить, надежды на московский этап карьеры — тем более. Сколько бы здесь, в Минске, ни говорили о том, что злые люди наговаривают Путину на нашего лидера, очевидно, что вопрос о преемнике Лукашенко из виртуального превращается в реальный. В отличие от Бориса Ельцина, имевшего политический интерес к союзу с Беларусью, Путин Советский Союз не разваливал, поэтому его политика — это эффективная экономика. Нашим политическим деятелям, возможно, стоит поберечь свои ступни, поскольку очевидно, что на посту президента Беларуси Кремль сегодня устроит только удачливый топ-менеджер, управленец, человек, знакомый с реальным бизнесом и его теневыми потоками. А дружить с Россией мы так или иначе будем: это же обычное дело, когда горячая любовь перерастает в милую дружбу.

Редактор Светлана КАЛИНКИНА

РЕЙТИНГ

Победа генерала

Отрываясь от телевизоров между трансляциями чемпионата мира по футболу, мы в июне все-таки имели возможность следить и за футболом политическим. Опасная игра у ворот соперника — мы продемонстрировали всему миру мощь белорусской армии на учениях «Березина-2002». Длинный пас — и больше недели было посвящено белорусско-сирийской дружбе. Пререкания с судьей — и Владимир Путин предъявил Александру Лукашенко красную карточку. И наконец, всю последнюю неделю месяца мы осваивались на скамейке запасных. Кто же главный герой?..

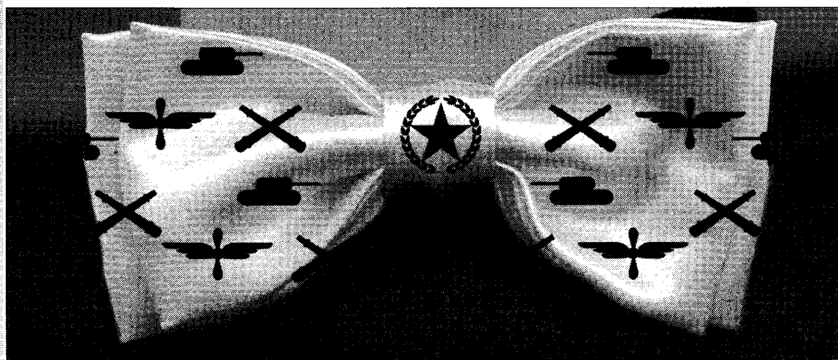
Выделить в июне кого-либо из белорусских политиков в качестве лидера политического рейтинга оказалось чрезвычайно сложно. Куда проще говорить о «потерпевших»: из них можно составить длинный список. Начнем с председателя Национальной телерадиокомпании Егора Рыбакова, который умудрился «проспать» трансляцию начала футбольного чемпионата, в результате чего страна превратилась в сплошную толпу разгневанных болельщиков. Следующий в списке — заместитель главы президентской администрации Леонид Козик. Он лично курировал подготовку белорусского варианта Конституционного акта союзного государства, и вариант этот оказался таким, что гневом пышет не только Владимир Путин, но и большой друг белорусского народа Пал Палыч Бородин. Понятное дело, что Козик в межгосударственном строительстве — ни в зуб ногой, он всего лишь выполнял «высший наказ», но формально этот прокол может быть адресован ему. Наконец, вице-премьер Александр Попков понес большие потери в борьбе с Управлением делами президента Галины Журавковой и Министерством торговли Александра Куличкова. Попков вынужден был уйти в скоропостижный отпуск, и на этом его карьера в правительстве может завершиться (подробности читайте в одном из материалов этого номера).

Итак, проигравшие известны. С победителями дело обстоит сложнее. Безусловные и очевидные плюсы по итогам июня может записать в свой актив лишь министр обороны Леонид Мальцев. Похоже, действия Мальцева по военной реформе (даже несмотря на недовольство оскорбленных и обиженных офицеров, чьи части расформировываются, передислоцируются и так далее) получили поддержку на самом высоком уровне. Впервые за многие годы представителей армии уравняли в зарплатах с офицерами МВД, что означает просто-таки слом государственных приоритетов в силовой политике. Уже упоминавшиеся учения «Березина-2002» стали первыми комплексными учениями, где под армейским руководством действовали представители всех силовых подразделений страны, в том числе МВД и Министерства по чрезвычайным ситуациям. И наконец, Мальцеву удалось пробить президентский указ, согласно которому из запаса на воинскую службу будут призваны офицеры (этим министр надеется решить проблему нехватки кадров среднего командного состава). Непопулярные действия Мальцева получают одобрение на самом верху. И это, как ни странно, не единственный подобный пример.

Президент Национальной академии наук — сомнительного уровня ученый, но высокого профессионализма администратор Михаил Мясникович — тоже, похоже, получил свободное поле для маневра. По итогам июня можно констатировать, что Мясникович добился обязательного включения НАН РБ в программы визитов зарубежных делегаций, и ведет эти переговоры небезуспешно. Программа реформирования академической науки, поначалу воспринятая в штыки многими академическими институтами, находит все больше сторонников. Мясникович стал появляться на людях, охотно проводит пресс-конференции и чувствует себя куда более уверенно, чем на посту главы президентской администрации. Есть, правда, одно «но», которое не позволяет нам считать Михаила Владимировича безусловным фаворитом. Комитет государственного контроля начал полномасштабную проверку системы Министерства жилищно-коммунального хозяйства — сферы, которую долгие годы и весьма плотно курировал г-н Мясникович. Результаты этой проверки могут быть непредсказуемыми.

Сомнительного качества, но все-таки победу может праздновать и главный государственный идеолог Иван Корендо. Во-первых, его вариант Государственного гимна, поначалу не фигурировавший ни в каких конкурсных документах, оказался допущенным к финалу. И тут все, естественно, вспомнили, что Корнедо не только заместитель главы Администрации президента, но и поэт. Во-вторых, отныне в стране отменены независимые политические социсследования — следовательно, «статистические показатели эффективности работы Корендо» (коей, как вы понимаете, является рейтинг президента и органов власти) оказались под его личным контролем. Наконец, в связи с тем, что президентская вертикаль начала подготовку к выборам в местные Советы и курирует эту работу лично заместитель главы президентской администрации по идеологии, его роль и значимость во властной иерархии существенно возрастают.

И все-таки июньскую победу мы отдаем генералу Мальцеву. Хотя бы потому, что войска под его руководством действительно победили условного противника.

СЛУХИ

По слухам, неуверенно чувствует себя на посту губернатора Могилевской области Борис Батура. Аккурат перед проведением республиканского совещания с участием президента страны он вроде бы поделился с доверенными людьми своими сомнениями по поводу перспектив собственного пребывания в должности. Напомним, что по выполнению экономических показателей область далеко не лидер, однако рейтинг доверия губернатору в Могилеве чрезвычайно высок. Батуру даже называли лидером среди руководителей по популярности в народе. И вот результат.

Говорят, серьезные проблемы возникли во взаимоотношениях Беларуси с «Газпромом». Российскую компанию якобы категорически не устраивает, как идет продвижение проекта по созданию на базе «Белтрансгаза» совместного предприятия. К 1 июля наша страна должна была сформулировать свои предложения по данному поводу. И хотя на момент подготовки этого номера в печать окончательный вариант предложений еще не был известен, по сведениям из наших источников, Беларусь отвергла идею россиян, чтобы взнос «Газпрома» был зачтен суммой, которую наша страна должна поставщику газа.

Если эти предположения подтвердятся, то накануне осени страна может столкнуться с серьезной энергетической проблемой, поскольку второй импортер газа в Беларусь — компания «Итера» — уже объявил о сокращении поставок.

Реорганизации будут подвергнуты в ближайшее время Министерство внутренних дел, Комитет государственной безопасности и Прокуратура республики. По слухам, в первую очередь идея реформирования может коснуться спецподразделений (даже в Совете безопасности считают, что их сейчас в Беларуси необоснованно много) и ряда управлений, нацеленных на борьбу с оргпреступностью и коррупцией. На сегодняшний день каждое из силовых ведомств считает своим долгом доложиться по поводу этой популярной темы, но реально до суда доходят только мелкие взяточники.

Идея, конечно, похвальна, однако настораживает, что борьбу с коррупцией в высших эшелонах власти уже однажды структурировали. В результате целое управление из Совета безопасности ушло следом за Виктором Шейманом в республиканскую Прокуратуру. Результат — налицо.

Уволить по собственному желанию

Тихий прозелит Попков

Антон СТРЕЛЬЦОВ

В предыдущие годы имя вице-премьера Александра Попкова, главного в Беларуси по колхозам, в различных мониторингах белорусской прессы всплывало только в период посевных-уборочных. Журналисты, читая в официальных сообщениях эпитафии погибшему урожаю и рассматривая картины Рембрандта с их продовольственным изобилием, лениво гадали, сколько еще Попков продержится в своем кресле.

IREX/ProMedia

Вице-премьер оставит хлебное место

Гадали до очередных «Дожинок», когда их организатор, улыбающийся и весь в национальных «конюшинках», под туш награждал немногочисленных победителей стихии. Партизанскими наскоками и подпольщицкими диверсиями, которые в крови у нашего народа, этим героям удавалось-таки что-то отбить у становящегося из года в год все свирепее и безжалостнее врага. Судя по комментариям белорусских официальных лиц, включая и самого Попкова, этот безжалостный враг посевов и поголовья крупного рогатого скота избрал нашу синеокую родину своей главной базой. Разве что цунами в его рядах нет.

Заложник небесной канцелярии

Так и проходила чиновничья жизнь Александра Попкова в Минске, начавшаяся в далеком ноябре 1998 года. От посевной до «Дожинок». Осенью он снова обманывал все прогнозы о своей отставке и снова готовил технику на следующий год. За это время сменилось два премьер-министра. Попков пережил с десяток своих коллег по кабинету, ушедших с вице-премьерских хлебов на хлеба губернаторские, а кто и куда подальше.

Рейтинг Попкова подскочил только накануне президентских выборов 2001 года. Вице-премьер неожиданно ворвался в топ-лист 50 ведущих политиков Беларуси. Правда, не очень понятно, что стало тому причиной. Попков всегда старался держаться подальше от политики. К разряду его «политических» монологов можно отнести разве что матюги в отношении колорадских жуков.

После выборов 2001 года, в очередной раз пережив кадровые пертурбации в аппарате Совмина, Попков снова привлек к себе внимание прессы. Он стал реформатором в рамках объявленного в стране курса на либерализацию. Причем на него была возложена архиважная часть этого курса — реформировать за 2001-2005 годы колхозы и совхозы. Попков подготовил программу мер, что-то начал делать, часто выходя в народ и на СМИ, чтобы объяснить, как колхозники будут хорошо жить, когда им повысят закупочные цены и они смогут продавать свою продукцию сами. Как нальются колосья и пойдет приплод... Что у нас традиционно сильное сельское хозяйство и нет никакой нужды по примеру эфиопских фермеров разводить виверр (мускусных кошек) для увеличения положительного внешнеторгового сальдо... Как это прекрасно, что мы сохранили колхозы и что «собственность на землю не является главным критерием в решении аграрных вопросов». Без этой цитаты из Попкова можно было бы сказать, что в Беларуси даже появился новый Столыпин...

Но, увы, реформаторов, будь то Столыпин или Попков, не всегда понимают. Президент не оценил пламенных речей вице-премьера и на памятном совещании в правительстве пообещал «без обид», что снимет его, если тот не гарантирует показателей уже через два месяца. До новой встречи с президентом остался всего месяц, который может стать последним в карьере Попкова и многих других членов правительства. Некоторые, предчувствуя это, уже покинули правительство по собственному желанию. Так поступил бывший министр экономики Шимов, ушедший на преподавательские хлеба — ректором в нархоз. Некоторые активно ищут пути отступления. Вот и по Попкову упорно муссируется информация, что он займет недавно освободившийся пост посла в Варшаве. Возможно, это и произойдет, если на то будет воля президента. Ведь вся предыдущая деятельность Попкова, включая его карьеру в Минске, тесно связана с именем Лукашенко.

С боем взяли город Минск, город весь прошли...

Лукашенко и Попков — земляки, что и объясняет появление последнего в высшем свете. Клан Попковых, людей очень известных, происходит из постоянно плавающей в результате административных делений между Шкловским и Дрибинским районами деревушки. Братья Александра Андреевича, уважаемые люди, сами по себе сумели добиться должностей и положения в обществе. Например, брат Александра Попкова Василий (его уже нет в живых) был в свое время председателем Белыничского, Горецкого райисполкомов, потом — проректором Белорусской сельхозакадемии в Горках. А Николай Андреевич сейчас вместе с братом — вице-премьером — думает о судьбах АПК страны на посту заместителя министра сельского хозяйства и продовольствия.

Что касается самого Александра Андреевича, то свой трудовой путь он начал после той же Горецкой сельхозакадемии (кстати, это альма-матер и Лукашенко) в должности главного агронома в одном из колхозов. Через некоторое время, как тогда водилось, пошел по партийной линии и окончил Высшую партийную школу в Минске. С 1983-го по 1991 год Александр Попков — председатель Шкловского райисполкома, в 1990-1991 годах был к тому же 1-м секретарем местного райкома партии. Люди, знавшие Попкова в качестве начальника района, характеризуют его как прагматичного и деловитого руководителя. Указания давал четко, без всяких там эмоций.

Харизмы в отличие от своего бывшего подначаленного, директора совхоза «Городец» Александра Лукашенко, у Попкова явно не было. С партийной карьерой ему тоже не повезло — первая ступенька здесь оказалась для него и последней. 1-м секретарем Попков стал в разгар антипартийной кампании и развала самой партии. Тем не менее, несмотря на то, что все его коллеги по партии разбежались в поисках лучшего места работы, как вспоминают местные жители, он долгое время еще продолжал приходить на работу в положенное время и сидел в райкоме до конца рабочего дня. Один. Партийное воспитание заложило в нем очень важную черту, рассмотренную позже Лукашенко, когда он пригласил Попкова в Минск. Эту черту характера, заключающуюся в безграничной преданности своему хозяину, сформулировал и проводил в жизнь основатель иезуитского ордена Игнатий Лойола: «Как труп в руках начальства».

Конечно, Попков был вынужден по приказу партии бороться с этим выскочкой Лукашенко, который посмел перейти дорогу самому Кебичу. Но при этом он просто честно исполнял команды хозяина. Как только хозяин поменялся, а партия почила в бозе, Попков «сменил ориентацию». Стал прозелитом нового режима. Таким людям, как Попков, необходимо кому-то подчиняться. А прозелит, как известно, всегда отличается действительно искренней преданностью принявшему его новому хозяину. Это Попков полностью доказал уже в ранге вице-премьера, когда даже себе в ущерб фактически подчинил курируемую им пищевую отрасль интересам управляющей делами президента Галине Журавковой. И когда (на этот раз с пользой для себя) отказался самостоятельно принять решение по продаже «Балтике» контрольного пакета «Криницы».

К тому же в решениях кадровых вопросов Лукашенко просматривается одна характерная черта. Он часто приближает к себе своих бывших начальников, тем самым подсознательно отыгрываясь на них за свои обиды в прошлом. Так, например, поступала российская императрица Екатерина II. Когда при ней в XVIII веке могущество вечного соперника России, Речи Посполитой, было сломлено и часть этого государства вошла в состав Российской империи, она приспособила трон последнего короля Речи Посполитой Станислава Понятовского под царственный клозет, приказав просверлить в его сиденье отверстие.

Правда, до своего появления в Минске у Александра Андреевича была еще работа в качестве директора торгового предприятия «Шкловское». Фактически — тот же совхоз в 15 километрах от Шклова с центром в Гавядах. Только жили и работали там переселенцы из чернобыльской зоны — из Славгорода. Это был достаточно тяжелый участок работы для Александра Попкова — на любую попытку директора приказать работать у его подчиненных был один ответ: «Мы — чернобыльцы». Даже в местной школе на вопрос: «Почему двойка по географии?» — ответ был тот же.

В тяжелом для Лукашенко 1996-м, когда его начали покидать соратники, президент вспомнил о бывшем председателе Шкловского райисполкома. В июне Попков возглавил Круглянский район, родину многих выдающихся деятелей новейшей истории Беларуси: бывшего управляющего делами президента Ивана Титенкова, экс-директора МТЗ Михаила Леонова. Район не бог весть что — 20 тыс. человек, льнозавод да и все. Но Попков проявил себя — развернул бурное по здешним меркам жилищное строительство. Другое дело, что в этом ему помогали из государственного и областного бюджетов, но у местного населения Попков остался в памяти как хороший начальник. Возможно, поэтому и оппозиционного движения здесь никакого не было и нет. Сидел Александр Попков днем в председательском кресле, а вечером — под охраной собаки в своем доме в Круглом до ноября 1998-го. Незадолго до этого в отставку ушел вице-премьер по сельскохозяйственным делам Гаркун. Правда, в качестве возможного его преемника в то время чаще звучала фамилия витебского губернатора Андрейченко. Но для Попкова был вытащен главный козырь — шкловский.

Варшавская улица на Запад нас ведет

В принципе этот же козырь может быть вытащен для Александра Андреевича через месяц — во время похода правительства на ковер к президенту. Правда, козырь, как показывает история, не всегда бьет туза. Да и, судя по всему, сам Попков уже притомился на ниве своей многолетней работы на пользу государству. Лучшей, наверное, благодарностью для Попкова было бы отпустить его послом в Польшу, как в свое время отпустили в Литву Гаркуна. Путь в послы — это такая накатанная дорога для вице-премьеров по АПК. И тихий Попков с еще большей благодарностью к президенту отправится в путь, произнося при этом нечто подобное:

Когда сгорю я без остатка
В огне общественной нужды,
Идущий следом вспомнит кратко
Мои невнятные труды.

Одно только может удержать президента от этого шага: кем заменить Александра Андреевича на таком нелегком посту? И как ему остаться без такого преданного человека?

В архив

Власть — в кулаке

Подробности уголовного дела N147, которое было возбуждено Шкловским РОВД в отношении Александра Лукашенко

Сергей ИВАНОВ

Белые пятна в биографиях белорусских политиков — тема насколько интересная, настолько и стремная. А уж если тетушку президента найдешь, о которой высокопоставленный племянник и думать давно забыл, то гневу народному предела не будет. Тем не менее мы продолжаем уточнять биографию первого президента Беларуси. И настаиваем, что официальное жизнеописание Александра Лукашенко далеко не полное. По нашему убеждению, народ должен знать о своих героях все.

Такие вот дела...

Уголовное дело за N147 в отношении будущего президента Беларуси было возбуждено Шкловским районным отделом внутренних дел 25 октября 1989 года. Основанием для его заведения послужило обращение в милицию механизатора совхоза «Городец» Владимира Бандуркова. В своем заявлении Бандурков указал, что 22 октября 1989 года директор совхоза Александр Лукашенко его избил. По словам потерпевшего, Лукашенко подъехал к нему в деревню Кривель и стал ругать: мол, почему ты здесь... После чего директор якобы ударил Бандуркова по лицу. Тот упал. Уже лежачего работника Лукашенко будто бы пнул по ноге. «Когда я начал подниматься, то встать на эту ногу было невозможно», — уточнил в своем заявлении Бандурков.

Правдивость слов тракториста, судя по выпискам из уголовного дела, тогда подтвердили три свидетеля. Однако не исключено, что когда ситуация приобрела политический масштаб, они отказались от своих слов. Впрочем, мы будем разбираться в событиях, которые могли стоить карьеры молодому директору совхоза, без учета «шелухи», нанесенной на них временем.

Итак, некто гражданин Подольский, один из свидетелей, рассказал следователю об этом примерно так: «22 октября... мне помогал Бандурков. После работы мы выпили две бутылки вина «Агдам» и сидели на лавочке. Когда стемнело, к нам подъехал на «УАЗе» Лукашенко А.Г. и стал ругать нас. Затем ударил Бандуркова кулаком в лицо, а когда тот упал и стал подниматься, то ударил его ногой по ноге».

Спустя несколько дней в Шкловский РОВД было подано еще одно заявление, в котором просили найти управу на директора — от механизатора Ивана Богунова. Этот жаловался на следующее: мол, директор «подскочил ко мне и ударил по шее, а потом схватил за воротник». Причем Богунов пояснил: «Директор ударил меня по шее с силой».

Боец районного масштаба

В 1987 году Александру Лукашенко с подачи первого секретаря Могилевского обкома партии Василия Леонова доверили директорскую должность в совхозе «Городец». Как вспоминают бывшие работники Шкловского райкома, молодой, ретивый и говорливый Лукашенко всех достал своими просьбами доверить ему какой-нибудь колхоз. Будущий президент (тогда, впрочем, он и помыслить не мог о такой должности) твердо знал, что для карьерного роста необходимо поруководить хоть каким-либо коллективом. И своего добился.

Вряд ли Лукашенко можно было назвать крепким хозяйственником (это теперь, когда он стал президентом страны, совхоз «Городец» похорошел), но бойцом идеологического фронта он был отличным. А если к твердым убеждениям добавляется политическая активность, то получается, как известно, гремучая революционная смесь. Многие, кто знал[illegible]енко в то время, признают, [illegible]испеченного директора при[illegible]и мало интересовали — с[illegible]я в политику. И в пылу азарта дерзнул перейти дорогу тогда всемогущему Вячеславу Кебичу, решив конкурировать с ним на выборах в Верховный Совет СССР. Этого районное начальство простить ему не могло: шкловским властям хорошие отношения с Вячеславом Францевичем Кебичем, председателем Госплана республики, были весьма выгодны, а «выскочка» Лукашенко из-за своих чрезмерных амбиций мог все испортить. Ну какой от него был толк для экономики района, а Кебич он и есть Кебич...

И тут как подарок свыше появились со своими заявлениями побитые механизаторы. В общем, история с неожиданным возбуждением уголовного дела в самый пик политической кампании смахивала на «подставу». Тем более, слухи раздувались один ужаснее другого...

Вот что вспоминает об этом периоде бывшая журналистка районного радио, а ныне политэмигрантка Ольга Павлова, автор запрещенной в Беларуси книги «Шкловские страсти»: «Еще до личного знакомства с Александром Григорьевичем Лукашенко много слышала о нем. Шклов лихорадило разговорами о том, что директор совхоза «Городец» Лукашенко побил тракториста Владимира Бандуркова. Володя любил приложиться к бутылке. Однажды пьяненьким его и застал директор. Александр Григорьевич был очень строгий на этот счет. А еще — быстрый на расправу. Он вытащил Володю из трактора, избил его, да так, что сломал бедолаге ногу. Много усилий потом пришлось приложить Лукашенко, чтобы замять скандал и не допустить дело до суда».

Насчет «приложения усилий» Павлова попала в точку. Лукашенко действительно оказался в патовой ситуации: из-за обиды каких-то рабочих все его наполеоновские планы могли в зародыше накрыться медным тазом, а сам он «за превышение власти» оказаться не в удобном депутатском кресле, а на нарах. Несколькими годами раньше, возможно, так бы и случилось — свернули бы его в бараний рог. Но будущему первому белорусскому президенту повезло со временем: на дворе был 1990 год — расцвет перестройки и гласности. Номенклатура хирела на глазах. И Лукашенко пошел ва-банк. Он и его соратники сумели обернуть ситуацию в свою пользу. «Смотрите, люди добрые, как принципиальному независимому кандидату райкомовские мафиози палки в колеса тыкают», — агитировали лукашенковские сторонники. Вступились тогда за опального руководителя и СМИ. В общем, немного проиграв Кебичу на выборах в Верховный Совет СССР, уже в 1990 году Александр Лукашенко без особых осложнений получил мандат народного депутата Верховного Совета БССР.

«Клиент» улетел

«А что же дело N147?» — спросите вы. А оно было преспокойно прекращено, причем на таких основаниях, что нынешним руководителям и не снились. Судите сами.

«Прокуратурой Могилевской области срок следствия по данному уголовному делу не продлен на том основании, что не было получено согласие Городецкого сельсовета на привлечение Лукашенко к уголовной ответственности и данное решение не отменено районным Советом. Учитывая вышеизложенное, а также то, что срок следствия по данному уголовному делу истек, а привлечь к уголовной ответственности Лукашенко А.Г. без согласия Верховного Совета БССР невозможно, руководствуясь ст.5[1] УПК БССР, суд постановил: уголовное дело по факту превышения власти... производством прекратить».

Был состав преступления в действиях Александра Лукашенко или не был, бил он механизаторов или не бил, сломал он трактористу ногу или нет, клеветали на него или не клеветали — все это уже не имело юридического значения. Дело было прекращено, а спустя какое-то время прекратил свое существование и Советский Союз. И в появившемся на карте мира новом государстве под названием Республика Беларусь Александр Лукашенко был уже не подозреваемым в рукоприкладстве директором, а председателем Временной комиссии по борьбе с коррупцией, созданной в Верховном Совете. И первым, на кого Александр Лукашенко навесил ярлык «коррупционера», оказался... начальник Шкловского РОВД Анатолий Якимцов.

Депутат Лукашенко при каждом удобном и не очень случае вспоминал подполковника Якимцова, обвиняя его в самовольном захвате участка земли себе под дачу, а также в том, что милицейский начальник заставлял вкалывать на этом участке «батраков» — заключенных, содержащихся при местной комендатуре. Трижды различные следователи по особо важным делам возбуждали под давлением неугомонного депутата уголовные дела в отношении Якимцова и трижды прекращали их за отсутствием состава преступления. В результате такого прессинга Анатолий Якимцов вынужден был покинуть занимаемую должность. Не исключено, что Лукашенко мстил за возбужденное против него уголовное дело. А оно, кстати, в 1993 году, в самый разгар «антикоррупционной» деятельности Александра Лукашенко, вновь напомнило о себе. Конечно, никто из государственных чиновников не осмелился извлечь «скелет из шкафа». Но оно появилось на страницах печати. Собкор газеты «Сельская жизнь» Анатолий Гуляев (ныне — один из наиболее известных оппозиционных журналистов), бывший друг и соратник Александра Лукашенко, опубликовал большую статью, посвященную «грозе шкловских мафиози». В ней он попытался на конкретных примерах объяснить людям, что вся борьба Лукашенко с коррупцией — не более чем демагогия и паразитизм на болячках народа. Среди прочего упомянул Анатолий Гуляев и уголовное дело за N147, к которому в 1989 году имел непосредственное отношение. «Самостоятельное расследование, предпринятое мной по просьбе Александра Лукашенко, привело к совершенно неожиданному результату: еще 6 механизаторов дали подтверждения, что испытывали на себе кулак директора», — написал тогда Анатолий Гуляев.

Через несколько дней Лукашенко дал ответ, в котором объяснился и по поводу заявлений механизаторов: «Правильно, было такое в цепи многих действий, направленных против меня людьми, услуживающими райкомам партии». Депутат сослался и на то, что Владимир Бандурков спустя полгода после инцидента сам попал в тюрьму за избиение человека.

И все-таки, наверно, Лукашенко чувствовал свою вину перед механизатором. Так, семье Бандуркова он построил в Кривеле кирпичный дом — не за счет личных, конечно же, средств, а за счет совхозных. В этом доме семейство Владимира Бандуркова проживает и по сей день. Правда, с определенного времени вспоминать при чужаках о случае, произошедшем более 12 лет назад, Владимир решительно отказывается: мол, кто старое помянет, тому не то что глаз вон — башку оторвут. Не беремся утверждать со стопроцентной гарантией, но, скорее всего, надежно похоронены и оригиналы дела N147. И даже в самом Шклове большинство населения о нем либо забыло, либо помнит не как реальную историю, а как одну из многочисленных баек о президенте, которые здесь могут рассказывать часами...

В.Корочаев/Reuters

Чем больше узнаю людей, тем больше нравятся собаки

Следить за развитием

Особые счеты

Георгий ДАНЬ, Сергей САЦУК

По результатам проверки концерна «Белнефтехим» Комитетом государственного контроля РБ было возбуждено 64 уголовных дела. Именно такую информацию в свое время донесли до президента чиновники КГК РБ, решившие показать, как они хорошо работают и как плохо обстоят дела в концерне. Глава государства одобрительно кивнул головой и, привычно покосившись на телекамеры, грозно велел: «Наказать!» Главу концерна Ивана Бамбизу молва провожала в лучшем случае в отставку, в худшем — на нары. Но прошло время, и стало понятно, что наказывать практически некого. Буря, поднятая в нефтяном море Анатолием Тозиком, улеглась, и на поверхности стал отчетливо виден дутый флот в количестве тех самых 64 кораблей, безнадежно штурмующих «Белнефтехим»...

Все покровители белорусской нефтехимии уже покинули свои посты, но Бамбиза (слева) не сдается

Раскачка

Официально масштабную проверку концерна Комитет госконтроля начал в середине января нынешнего года. На самом же деле предприятия «Белнефтехима» проверялись комитетом практически непрерывно. Черное золото имеет вредное свойство утекать прямо сквозь пальцы, поэтому оставить его без присмотра КГК РБ просто не мог. Именно потому, что комитет был прекрасно информирован о состоянии дел в отрасли, реально проверка вылилась в дополнение и уточнение уже имеющихся данных. По той же причине в результаты проверки были внесены сведения о нарушениях, выявленных еще год назад. В связи с этим возникает вопрос: кому и зачем понадобилось поднимать на поверхность успевшую осесть на дно муть?

Ответ достаточно прозаичен. Как нам удалось узнать, широкомасштабная проверка концерна (а по сути, систематизация и анализ уже имевшегося компромата) началась с... обиды управделами президента Галины Журавковой. Экономка обширного «шкловского поместья» неожиданно расширила свои интересы и стала пропихивать на рынок поставки нефтепродуктов нескольких коммерческих структур, в том числе и небезызвестной компании «Белвнешторгинвест». Однако руководитель концерна «Белнефтехим» тихий Иван Бамбиза самым странным образом взбунтовался и не захотел выделять квоты новым игрокам. Тут и началось... Само собой, Галина Журавкова пожаловалась лично барину. Тот рассудил исходя из интересов собственного управления делами, и Бамбизе ничего не оставалось, как выделить квоты. Правда, теперь пришла его очередь обижаться. Новым поставщикам начали чинить различные препоны: то сроки поставки обозначат невыполнимые, то к качеству нефти придерутся, то цены назначат неприемлемые... Конфликт пошел по новому кругу.

Итоги проверки концерна были преподнесены главе государства под соответствующим соусом. Сначала ему сообщили, что «в ходе проверки установлены факты негосударственного подхода к использованию средств при закупке нефти». Потом стало известно о «полном отсутствии контроля за использованием средств, вложенных в уставные фонды предприятий, и грубых нарушениях законодательства при переработке нефти». К этому добавились «невыполнение доведенных правительством показателей социально-экономического развития, выпуск продукции с низкой конкурентоспособностью». И т.д. и т.п.

Проверяющие в выводах не церемонились. По их мнению, концерн часто вел закупки нефти по более высоким ценам, чем те, которые сложились на тот момент на рынке. Из-за этого «Белнефтехим» якобы потерял в 2000 году 10,5 млн долларов, а в 2001-м — 8 миллионов. Как доложили Лукашенко, «основным препятствием для снижения цен на ввозимую в республику нефть является поддерживаемое концерном монопольное положение компаний «Сургутнефтегаз» и «Славнефть» при поставках нефти на ПО «Нафтан» и ОАО «Мозырский нефтеперерабатывающий завод».

Каким образом поддерживалась эта самая монополия, Александру Григорьевичу тоже шепнуть не забыли. По нашим данным, в том варианте итогового доклада, который лег на стол президенту, обиженным коммерческим структурам было отведено два листа. Однако это был «эксклюзивный вариант» доклада: чтобы лишний раз не привлекать внимание к «шкловскому поместью», в широкие массы финансовых контролеров и сотрудников правоохранительных структур история обиженных коммерческих фирм не попала. Для них лишь декларировалось, что «выявлены случаи, когда концерн, разрешив коммерческим структурам поставлять в республику нефть по более низким ценам, чем закупал сам, создавал такие условия, чтобы поставки не состоялись».

Компра

Само собой, и примеры закупки нефти по более высоким ценам тоже нашлись. Так, в 2001 году концерн без проведения тендера приобрел 210 тыс. т нефти у ОАО «Сургутнефтегаз» по цене 120 долларов за тонну. Причем деньги на эту закупку в размере 25 млн долларов были выделены из республиканского бюджета. Наверное, именно поэтому контролеры сделали особый упор на то обстоятельство, что цена на нефть, поставляемую в республику из России другими импортерами, в тот период составляла 108-116 долларов. Таким образом, по мнению КГК РБ, при поставке 210 тыс. т нефти концерн потерял как минимум 840 тыс. долларов.

Впрочем, это мелочи. «Довески» нарушений куда ощутимее, хотя и играют второстепенную роль в начатой игре. Например, с середины 2000 года белорусская нефть перерабатывается только в Мозыре, что позволило МНПЗ диктовать свои условия поставщику — ПО «Белоруснефть». Как выяснили контролеры, за 2000-2001 годы на ОАО «МНПЗ» искусственно завышали затраты топлива на переработку белорусской нефти, из-за чего ПО «Белоруснефть» недополучило около 5,9 млн долларов.

Очень большие претензии у КГК РБ к экспорту нефтепродуктов, который осуществляет концерн. За 2000-2001 годы «Белнефтехим» отгрузил на экспорт 1,074 млн т нефтепродуктов на общую сумму 176,6 млн долларов. Вроде бы неплохие показатели. Однако если в количественном отношении экспорт за 2001 год по сравнению с 2000-м увеличился на 5%, то в денежном уменьшился на 15%. При этом следует учитывать, что при экспорте нефтепродуктов концерн освобождается от уплаты налогов: по идее, это должно способствовать получению более высокой прибыли. На практике же оказалось все наоборот: чем больше экспорта — тем меньше прибыли, а бюджет недосчитался огромных сумм от уплаты акцизов. Внимание контролеров привлек, к примеру, такой факт: в декабре 2000 года концерн отгрузил на экспорт компаниям «Осман Трейдинг Лтд» и «Сантана Трейдинг Лтд» 72 тыс. т мазута по цене 106,19 доллара за тонну. В том же декабре по импортным договорам с компанией «Проскейл Холдинг Лтд» Мозырский НПЗ закупил 38 тыс. т мазута по средней цене 152 доллара за тонну. Иными словами, если бы концерн поставил мазут не на экспорт, а для нужд белорусского предприятия, то даже с учетом 20% НДС экономия составила бы около 740 тыс. долларов.

Аналогичная ситуация сложилась и в деловых отношениях между могилевским и светлогорским ПО «Химволокно». Так, если в 2000 году могилевчане поставили в Светлогорск около 48% всего необходимого объема полиэтилен-терефталата, то в 2001-м — всего 22%. Остальную часть недостающего сырья светлогорское ПО «Химволокно» вынуждено было приобретать по реимпорту по значительно более высоким ценам. По подсчетам проверяющих, в результате, мягко говоря, несогласованности работы двух предприятий концерн потерял в 2001 году более 600 тыс. долларов.

...Дела подшиваются

Это — самые «ударные» нарушения, выявленные проверкой КГК РБ. Между тем уголовные дела возбуждались совсем по другим эпизодам, значительно более мелким. И само собой, уголовных дел было вовсе не 64 и даже не 32, о которых сейчас говорит КГК РБ, а гораздо меньше.

Для начала следует пояснить, откуда взялась цифра 64, кто ее вывел и кому она была нужна.

Втирать очки у нас умеют так, как, наверное, нигде в мире. Например, в феврале текущего года проверяющие из КГК РБ обнаружили, что с 26 сентября по 26 октября 2001 года ОДО «Альконт» закупало в Смоленске и поставляла на светлогорское ПО «Химволокно» бензин А-76, используя для расчетов бартерные схемы. То есть в обмен на бензин ОДО «Альконт» получало продукцию светлогорского объединения. Естественно, никакие платежи по банковским счетам не проходили, кроме того, у фирмы не было лицензии на торговлю бензином. По выявленным фактам 7 февраля 2002 года Светлогорский межрайотдел ДФР КГК РБ возбудил уголовное дело по ст.233 ч.2 УК РБ («Незаконная предпринимательская деятельность»). На очередную партию бензина, которая составляла 28 тыс. литров, а также на продукцию объединения, которая предназначалась в уплату за предыдущую поставку, был наложен арест.

Но проверка продолжалась, и 22 февраля 2002 года контролеры узнали, что документы ОДО «Альконт» — липовые. Некий умелец просто подделал печати и штампы фирмы и занялся бизнесом. По этому факту опять же было возбуждено уголовное дело. Итого — два дела. Позже их, естественно, объединят в одно, но ведомство Тозика уже заработало лишнюю галочку.

Приблизительно так же «собирали» и остальные дела. Например, в Новополоцке было обнаружено семь поддельных товарно-транспортных накладных на одну партию бензина. Уголовные дела возбудили по каждой. А чтобы от количества в глазах рябило — в отчет КГК РБ включили даже те дела, которые были возбуждены до проверки, а также те, которые возбуждались борцами с организованной и экономической преступностью абсолютно автономно и без всякой связи с КГК РБ.

А теперь попробуем хотя бы приблизительно подсчитать, сколько же на самом деле уголовных дел было возбуждено по результатам проверки комитета.

Дважды два — 64?

Одно дело расследуется в Могилеве. Там в результате проверок, организованных КГК РБ, было выявлено, что с могилевским ПО «Химволокно» работает московская фирма, которая не открыла в Беларуси свое представительство и соответственно не платит налогов. В отношении должностных лиц фирмы было возбуждено уголовное дело по ст.243 ч.2 УК РБ («Уклонение от уплаты налогов») и начислено дополнительных налогов на сумму 27 млн белорусских рублей, а также экономических санкций на 84 миллиона. Уголовное дело было возбуждено 28 марта. Однако 18 мая оно уже было приостановлено: москвичи обещали оплатить все санкции, и если это произойдет, они по амнистии будут освобождены от уголовной ответственности.

Еще одно дело расследуется в Светлогорске. О нем мы рассказывали выше и добавим лишь, что в настоящее время ведется розыск подозреваемого, который подделал документы ОДО «Альконт».

С января по настоящее время три уголовных дела расследовано в Мозыре. За безлицензионную торговлю нефтепродуктами были привлечены к ответственности должностные лица ООО «Арена» (ст.233 ч.2 УК РБ), индивидуальный предприниматель Виктор Гранько (сначала ст.233, а затем еще и ст.235 УК РБ), а также индивидуальный предприниматель Павел Пинчук, которому помимо ст.233 вменена в вину еще и ст.209 УК РБ («Мошенничество»), так как он выдавал за мазут нефтяное топливо. Помимо этого, по нашим сведениям, в производстве Мозырского межрайотдела ДФР КГК РБ находится еще два аналогичных дела. То есть всего пять, причем только два из них были возбуждены непосредственно по результатам проверки КГК РБ, остальные — собственная разработка отдела.

В ближайшее время в суд будет отправлено уголовное дело, которое расследовала Витебская прокуратура. Оно тоже касается безлицензионной торговли нефтепродуктами, но на этот раз в Новополоцке. Кроме того, в Витебске находится в производстве уголовное дело по злоупотреблению служебным положением, где главными подозреваемыми проходят один из замов генерального директора ПО «Нафтан» и еще одно должностное лицо объединения, имя которого следователи пока не раскрывают. Обвинение подозреваемым еще не предъявлялось, так как дело находится в стадии дополнительных финансовых проверок, поэтому сейчас трудно сказать, что из него получится.

Два уголовных дела в отношении коммерческих структур, занимающихся безлицензионной торговлей нефтепродуктами, расследует в Новополоцке и ДФР КГК РБ.

Вот, пожалуй, и все. Из 64 уголовных дел нам, приложив немало усилий, удалось найти только 11. При этом лишь одно из них касается непосредственно предприятия концерна «Белнефтехим», а остальные относятся к деятельности различных коммерческих структур, за которые Иван Бамбиза просто не может нести ответственности. Для мрачности красок можно, конечно, добавить уголовное дело, расследуемое гомельскими борцами с оргпреступностью и коррупцией. Обвиняемыми по нему проходят семь человек, среди которых немало бывших должностных лиц светлогорского ПО «Химволокно», которые проворачивали там дела вместе с бывшим заместителем директора Валерием Надеждиным, приговоренным недавно к шести годам лишения свободы. Но даже если причислить это дело к заслугам КГК РБ, на выходе цифры никак не сходятся. Можно попробовать использовать опыт советских статистов, любивших ставить повышающие коэффициенты и умножать реальную цифру на 2, однако и в этом случае никак не получится ни 32, ни тем более 64... Поэтому отдадим должное КГК РБ — так, как считают там, никто не умеет.

Допросить с пристрастием

Вездесущий Олег

Евгений МИРОНОВ

По нашим сведениям, не дожидаясь окончательных предложений от холдинга Олега Дерипаски по инвестициям в Минский автомобильный завод, Комитет государственной безопасности дал отрицательное заключение о возможности такого сотрудничества. В белорусском КГБ считают, что вместе с этим инвестором в нашу страну может прийти крупный российский криминал. Парадокс заключается в том, что Олег Дерипаска — один из самых влиятельных и богатых белорусов постсоветского пространства на сегодняшний день.

Олег Дерипаска

Молодой человек лет двадцати — худенький, в фуфайке и старых ботинках — громко кричал у проходной Саянского алюминиевого завода: «Куплю акции, расчет на месте!» Российские журналисты не раз напоминали олигарху Дерипаске эти эпизоды его биографии. Но наверняка многие из них хотели бы повторить этот «подвиг»: ведь спустя несколько месяцев неприметный молодой человек появился на СаАЗе в костюме от Черутти и в качестве нового генерального директора. И было ему тогда 26 лет.

Олег Дерипаска тщательно скрывает свою биографию, поэтому, несмотря на многочисленные публикации в прессе, известно о нем совсем немного. Родился 2 января 1968 года в небольшом городе Дзержинске Горьковской области, белорус. Рос без отца, и мать была для него непререкаемым авторитетом. Школу закончил с отличием в Усть-Лабинске Красноярского края. После службы в армии (ракетные войска стратегического назначения в Забайкальском военном округе) поступил на физический факультет Московского государственного университета. Кстати, факт учебы Дерипаски в МГУ недоброжелатели ставят под сомнение, поскольку на свои запросы в архив ведущего вуза России получили ответ: «Сведениями не располагаем». Однако, как потом выяснилось, без санкции самого Дерипаски ни одно из учреждений, с которым сталкивала его судьба, не выдает о нем никаких справок.

Еще во время учебы в МГУ Дерипаска работал финансовым директором ТОО «Военная инвестиционная страховая компания». Естественно, ничего военного в этой компании не было — она представляла из себя типичную для начала 1990-х контору «купи-продай». С 1992-го Дерипаска — брокер на Российской товарно-сырьевой бирже. Он занимался исключительно посреднической торговлей. Причем торговал всем, в том числе и акциями алюминиевых заводов. Основатель РТСБ Константин Боровой позже признавался: «Дерипаска показался мне настоящим япли. Молодой профессионал, образованный управленец, владеет современными технологиями менеджмента…» Вроде бы именно с подачи Борового братья Лев и Михаил Черные поручили Дерипаске скупить для них контрольный пакет акций Саянского алюминиевого завода — крупнейшего алюминиевого предприятия России. Под шумок Дерипаска прикупил акций и себе.

Ко времени, когда на СаАЗе должны были избрать нового гендиректора, в активе Дерипаски были не только пресловутые акции, но и слух о скорой свадьбе молодого человека и дочери тогда всемогущего вице-премьера Олега Сосковца. Дерипаска слух никак не комментировал, только таинственно улыбался. Однако сейчас почти все уверены, что именно из-за того, что за спиной Дерипаски замаячил потенциальный VIP-тесть, представители Черных на СаАЗе принял решение о назначении гендиректором молодого брокера. Кстати, позже выяснилось, что дочь Сосковца уже надежно замужем, но что-либо менять было поздно.

В какой момент Дерипаска захотел стать полноправным хозяином завода, достоверно неизвестно. Но, воспользовавшись тем, что между братьями Черными пробежала черная кошка, он начал свою игру. К тому времени расклад собственности на заводе был таким: 39% акций принадлежало Дерипаске, 15% — государству, 37,5% — трем зарубежным компаниям братьев Черных. Сговорившись с младшим из братьев — Михаилом, Дерипаска срочно собрал совет акционеров и протолкнул решение о дополнительной эмиссии акций. По странному стечению обстоятельств представители Льва Черного были уведомлены о собрании с большим опозданием, а потому на нем не присутствовали. Потерпевшая сторона стала апеллировать к другому потерпевшему — государству. Дерипаска, не долго думая, отдал государству 10% из своего пакета (на 10 млн долларов) и оказался полноправным хозяином СаАЗа.

Впоследствии саянский завод стал главным предприятием в транснациональной ФПГ «Сибирский алюминий», организованной и возглавляемой Дерипаской с 1997 года. В 1998-м группа за небольшую сумму выкупила контрольный пакет акций «Самарской металлургической компании» (САМЕКО), затем — контрольный пакет акций самарского авиастроительного предприятия «Авиакор». Помимо этого, Дерипаска является учредителем целого ряда фирм: «Киев-алюминпродукт», «Рос-алюминпродукт», «Красноярск-алюминпродукт» и т.д., а также нескольких десятков компаний в Японии, Лихтенштейне, Словакии, на Кипре и Виргинских островах… Но главное детище Дерипаски — группа «Сибирский алюминий». А это:

— Саянский алюминиевый завод;

— Самарский металлургический завод (ведущий производитель алюминиевого проката);

— завод «Саянская фольга» (выпускает бытовую фольгу и упаковку на ее основе);

— завод «Абаканвагонмаш» (единственный в России производитель крупнотоннажных железнодорожных контейнеров грузовых платформ специального назначения);

— ОАО «Ростар» (производитель алюминиевой баночной тары для напитков);

— ОАО «Дозакл» (алюминиевая консервная лента);

— Канакерский алюминиевый завод в Армении;

— Николаевский глиноземный завод в Украине;

— бокситовые рудники в Италии и Гвинее;

— «Ингосстрах»;

— холдинг «Роспромавто»;

— Московский завод по обработке цветных металлов.

Помимо этого, Дерипаске принадлежат фирмы «Экоинжиниринг», «Доннефтепродукт», «Молибден», «Медиаресурсхолдинг». Сколько компаний контролирует «Сибал», поставляя сырье и сбывая готовую продукцию, подсчитать сложно. Начиная с 1999 года компания заявляет к налогообложению совокупный годовой доход в миллиарды долларов.

Легче всего было бы сказать, что Дерипаска — этакий Фунт, свадебный генерал, а его бизнес сделан совершенно другими людьми. Но это не так. В отличие от первых российских олигархов, ему ничего не доставалось даром в виде бесплатной приватизации, участия в залоговых аукционах или управления куском государственного бюджета. Дерипаска собственным примером развенчал миф о толерантных белорусах. Он жесткий и жестокий руководитель, почти во всех подразделениях группы лично является либо генеральным директором, либо президентом. В «Сибале» шутят, что из персонала Дерипаска «давит сало»: рабочий день у всего топ-менеджмента — не менее 10 часов в день.

Однако как управленец Дерипаска обладает одним серьезным недостатком: он не способен делегировать ответственность, поэтому все контролирует сам. Журнал «Профиль» как-то писал: «У Олега Дерипаски особая манера говорить: ровно, без интонаций. Друзья шутят: «Конечно, если держать в голове информацию от зарплаты главного бухгалтера до сводок с последних биржевых торгов — голова начнет давать сбои…» И еще цитата из той же статьи: «Система компаний, управляемых Дерипаской, работает как четко отлаженная машина. Слово хозяина тут закон. Если Дерипаска любит пить зеленый чай — эту привычку приобретает весь высший менеджмент».

Осведомленные источники включают в команду Дерипаски:

— Андрея Михайловича Карклина (считается главным разработчиком большинства рискованных схем группы, в настоящее время вроде бы имеет собственный бизнес);

— Петра Ивановича Синьшинова (руководит угольным направлением бизнеса);

— Владимира Александровича Эренбурга (внук писателя Ильи Эренбурга, был доверенным лицом Путина на выборах в 2000 году);

— Искандера Кахрамоновича Махмудова (глава Уральской горно-обогатительной компании — медного холдинга России);

— Александра Станиславовича Булыгина (генеральный директор объединенной компании «Сибирский алюминий» и исполнительный директор «Русского алюминия»);

— Андрея Игоревича Мельниченко (президент МДМ-банка).

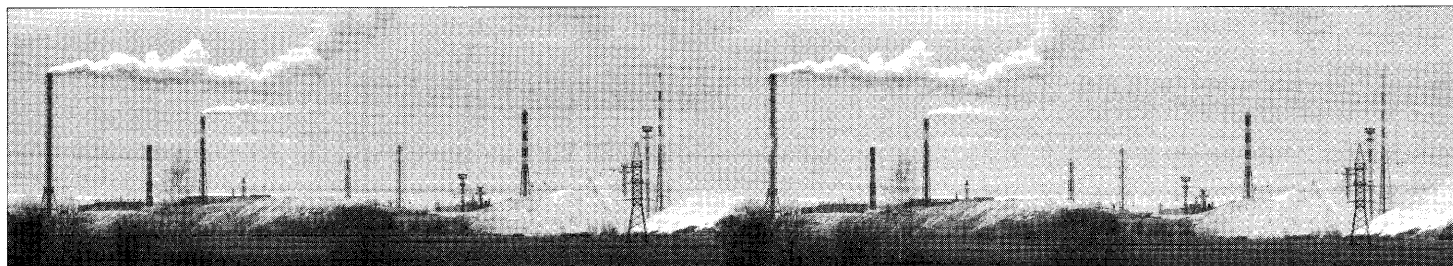
Последний, кстати, заслуживает нашего особого внимания хотя бы потому, что является уроженцем славного города Гомеля.

При упоминании МДМ-банка (или банка «Московский деловой мир») у людей, интересующихся бизнесом и политикой, сразу всплывает в памяти круглолицый Александр Мамут, председатель наблюдательного совета банка. Возможно, потому, что этот молодой человек в свое время «засветился» работой в администрации президента Ельцина и тем, что оказался в клане Абрамович — Березовский. Мельниченко особо не светится. Но именно он реально руководит «околокремлевским» банком (так в России называют МДМ). Через МДМ-банк проходит часть экспортных сделок «Росвооружения» и Минатома, с ним работают «Сибирский алюминий», Братский алюминиевый завод, Уральская горно-металлургическая компания, Качканарский ГОК, «Кузбассразрезуголь», «ЛУКойл», «Итера»… Короче, Дерипаска и Мельниченко, два белоруса, которым еще далеко до сорока, нашли общий язык (Дерипаска, кстати, является членом совета директоров МДМ-банка).

На сегодняшний день главная задача Олега Дерипаски — выйти из производителей сырья в производители конечного, а потому более дорогого продукта. И особый интерес в этой связи для самого молодого из российских олигархов представляет автомобильная промышленность. Поначалу Дерипаска сунулся на ВАЗ, но потом резко передумал и полюбил грузовики. Сегодня он уже реально контролирует КрАЗ и заявляет о своих претензиях на Минский автомобильный завод. О том, что интерес к автопрому у Дерипаски серьезный, свидетельствует тот факт, что «Сибал» стал скупать сопутствующие производства.

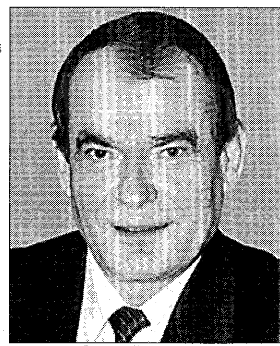
Белорусам все это не очень нравится. Они подсчитали, чем обернулся переход под контроль Олега Дерипаски алюминиевой отрасли. Итог таков: в 1992-1996 годах (период первого алюминиевого передела) были убиты или погибли при загадочных обстоятельствах около 50 менеджеров высшего звена коммерческих структур, имеющих отношение к алюминию. Впоследствии ушли в мир иной еще около 20 представителей криминальных и околокриминальных структур, боровшихся за контроль над алюминиевыми заводами Красноярска и Саянска. Многие из самых громких уголовных дел, которые сейчас расследует прокуратура России, так или иначе связаны с фамилией Олега Дерипаски. Наиболее известные из них имеют красноярский «шлейф». Напомним, что весной 1998 года Дерипаска вместе с председателем совета директоров Красноярского алюминиевого завода Анатолием Быковым занимался обеспечением губернаторской кампании Александра Лебедя. Позже Быков оказался в тюрьме, а контроль над заводом за это время перешел к Дерипаске. Другой пример. В бытность борьбы Дерипаски за СаАЗ ходили слухи, что ему звонил криминальный авторитет Татаринцев (кличка Татарин) и предупреждал: «Ты — труп». После этого на квартире Татарина обнаружили склад оружия, его самого объявили в розыск через Интерпол и в результате задержали в Греции. Еще один пример, заставляющий задуматься о странном стечении обстоятельств. Дерипаска одно время вел переговоры с главой МИКОМа Михаилом Живило о возможной продаже акций Новокузнецкого алюминиевого завода. Живило отказал. Сейчас он разыскивается российской прокуратурой по подозрению в причастности к подготовке покушения на губернатора Амана Тулеева. Список можно продолжать.

Долгие годы Дерипаска проповедовал в своей компании принцип: «Никакой личной жизни». Но год назад он от этого принципа отступил, женившись на дочери бывшего главы президентской администрации Полине Юмашевой. Сам Валентин Юмашев, как известно, женился на дочери Бориса Ельцина — Татьяне Дьяченко. Тылы прикрыты, и Дерипаска вновь может рваться вперед. Хотя будущее своему сыну Петру (в честь деда Олега Владимировича) он уже обеспечил. И ему, и внукам, и правнукам…

Дать что-нибудь

Гуинплен-трансформер

Виталий Курашик

Надежда СЕРГЕЕВА

Виталий Курашик — шахтер, мэр Евпатории, строитель госдач, председатель Совмина Крыма, первый посол Беларуси в Украине

В самые критические моменты своей жизни он всегда улыбался. Его олимпийское спокойствие и голливудская улыбка всегда и на всех — от журналистов до президентов — действовали безотказно. А еще его можно назвать непотопляемым, поскольку Виталий Курашик на протяжении всей своей карьеры умудрился ни разу не сломать себе шею, находясь в эпицентре горячих политических событий. Впрочем, у таких людей хребет обычно довольно гибкий, что позволяет им избежать тяжелых производственных травм. Сам же Виталий Владимирович объясняет «феномен Курашика» своей верностью принципам: не делать людям зла, при возможности помогать, а при отсутствии таковой — не мешать.

Теперь Курашик на пенсии и, как это принято, пишет мемуары. Недавно в Киеве вышла книга первого посла Беларуси в Украине «Я не хочу судьбу иную», где он без ложной скромности живописует советское воплощение американской мечты: от нищего белорусского паренька, подавшегося в Украину в шахтеры, до председателя Совета министров Крыма. А затем и метаморфозу, которая может произойти только в странах с, мягко говоря, переходной экономикой. Это когда гражданин Украины волевым решением глав государств превращается в Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Беларусь в Украине.

«Кочегарка» вместо МГИМО

Итак, по версии Курашика, увлечение дипломатией пришло к нему именно из легендарной шахтерской юности, в которой помимо занятий легкой атлетикой юный комсомолец почему-то занялся чтением книг по дипломатическому протоколу:

— Не знаю, почему я читал книги по дипломатии. Наверное, считал, что дипломатия поможет мне выжить. Когда стал послом, меня все спрашивали, в каком году я закончил МГИМО, а я отвечал, что мое МГИМО — шахта «Кочегарка».

— Как относились к такому, согласитесь, странному для молодого шахтера хобби ваши коллеги?

— Все время подтрунивали надо мной и подсовывали детективы. А я до сих пор не читаю такую литературу...

«Взятие» Крыма

Работа под землей продолжалась не очень долго, и вскоре предприимчивый молодой человек, набравшись азбучных истин у Молочкова и прочих столпов диппротокола, шагнул на широкую и извилистую дорогу партийного функционера. Поруководив в Донецкой области, он был назначен мэром Евпатории. Тем более что в это время жена Виталия Владимировича нуждалась в лечебном крымском воздухе. Курашик сделал для Евпатории немало, хотя поначалу никак не мог привыкнуть к отсутствию в курортном городке крупных промышленных предприятий. Однако он быстро освоился и стал расти. Не буду перечислять все его многочисленные должности. К горбачевским временам наш герой стал крупной фигурой в Крыму — председателем Совета министров. К этой должности помимо всего прочего прилагалось постоянное участие в курортных тусовках советских и украинских партийных боссов. Со всеми вытекающими. К чести Курашика надо сказать, что за организацией отдыха больших людей он все-таки не забывал о Крыме. И находил подходящие моменты для решения жизненно важных для региона проблем. В частности, обеспечения водой и электроэнергией. А еще умел в случае чего отвести гром и молнию сильных мира сего, прибегая к безотказной помощи погребов Массандры. В крымском периоде жизни Курашика было немало скользких ситуаций. Одной из них стала знаменитая история с Горбачевым, арестованным гэкачепистами на даче в Крыму. Тогда Виталий Курашик уже был главой Совмина Крыма. Казалось бы, из таких передряг не выбираются...

Картошка важней президента

— О ГКЧП в своей книге вы пишете, что это была «грандиозная авантюра и обман всего СССР».

— Конечно. Как я мог говорить, что Горбачев арестован на своей даче, когда мне, председателю Совмина Крыма, докладывали пограничники с моря об обстановке на даче «Форос»? Кстати, по всем документам этот объект назывался «Заря». Конечно, я был в курсе всех дел, особенно когда на даче был Горбачев, потому что отвечал буквально за все. Даже за холодное море... Туда постоянно завозились продукты. В хозяйственные ворота все время сновали машины. Какая же это изоляция? Ведь рядом с дачей — причал и теплоход «Крым», есть еще и вертолетная площадка... Наверное, лучше всех о том, что там происходило на самом деле, расскажут сотрудники, которые находились в доме с Горбачевым. Кстати, они до сих пор возмущаются его словами о каком-то старом приемнике, по которому Горбачев якобы услышал заявление ГКЧП. Я отвечал за строительство этой дачи и знаю, что там все радио- и телеоборудование было ультрасовременным. Никакой изоляции не было! Его невозможно было изолировать. Хотя вся страна верила в это. А потом была объявлена «охота на ведьм». И Генпрокуратура каждого второго руководителя в Крыму пыталась сделать гэкачепистом. А как я мог не выполнить приказ из Киева или Москвы, скажем, усилить охрану телецентра? Хорошо, что прокурор Крыма, который пришел ко мне, прекрасно знал, чем я занимался в эти дни на самом деле.

— И чем же?

— Заготавливал картофель для Крыма. А на даче — московская охрана. Туда без приглашения никто не ездил. Мы лишь провожали и встречали. А потом Руцкой прилетел на Ту-134 с автоматчиками и опереточно спас президента. Все это было чистой воды авантюрой.

— За ней стоял Горбачев?

— Ну а кто же еще? Мне казалось, что он согласился с теми мерами, которые предложил ГКЧП, а потом увидел их слабость и сделал их всех гэкачепистами. Кстати, в обращении ГКЧП ничего плохого не было: призыв к дисциплине и порядку. Большинство людей в стране хотело этого. Порядок — это не только репрессивные меры. Надо иметь законы и исполнять их.

«Не зря же я книги читал»

Видимо, нервная работа, частые перелеты между Киевом и Симферополем и серьезная борьба за власть в Крыму привели Курашика к решению сделать интереснейший кульбит в своей карьере, который даже можно назвать уникальным.

— Как же все-таки вы — гражданин Украины — умудрились стать послом Беларуси, в которой прожили-то всего первые 12 лет своей жизни?

— Работая в Крыму, я постоянно поддерживал связь с Беларусью. В Минске похоронен мой отец. Руководители Беларуси знали, что есть такой белорус, который возглавляет правительство Крыма. Мною гордились на родине... В 1993 году, когда я совмещал должность главы Совмина и депутата Верховной Рады, тогдашний глава парламента Украины Иван Плющ взял меня в состав делегации в Стамбул на юбилейное заседание меджлиса Турции. Туда пригласили около ста парламентских делегаций из разных стран. В том числе из Беларуси во главе со Станиславом Шушкевичем.

В это время уже полтора года в Беларуси работал посол Украины, а Минск никак не мог остановиться на кандидатуре посла. Ведь нужен был человек, который хорошо знал Украину. Тем более что посол назначается на короткий срок — 3-4 года. Это я почему-то так долго был. Почти восемь лет. Мы сидели, разговаривали, Шушкевич видел, как ко мне уважительно относится Плющ. Поэтому решил посоветоваться со мной относительно посла. Мол, может, вы согласитесь стать нашим представителем или кого-то на эту должность подскажете. Я тогда ответил неопределенно: «Подумаю. Может, и я соглашусь». Мною двигали два момента: во-первых, там я родился, в Беларуси отец похоронен, а во-вторых, решил испытать себя. Не зря же я всю жизнь книги по дипломатии читал?!

Станислав Станиславович тогда подумал, что я почти согласился, и когда я приехал из Турции, мне пришла телеграмма от министра иностранных дел Беларуси Кравченко. Надо было лететь в Минск. Я прилетел. Мне всегда было приятно бывать там. Тогда еще Лукашенко не был президентом. Высшим должностным лицом являлся председатель Верховного Совета Беларуси, а послов назначали на президиуме ВС. И вот я сразу и попал на президиум. Мне дали ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла и решением президиума назначили послом в Украине. Но самая большая проблема была — объявить об этом в Киеве. Ведь я должен был уйти со своей должности.

Кучма привык ко мне

— В Киеве не знали о ваших переговорах и решении президиума Верховного Совета Беларуси?

— В том-то и дело, что нет. Сначала меня в Минске назначили послом, а потом я объявил об этом в Киеве. Мне белорусы просто не дали опомниться. Все дружно проголосовали «за». И теперь слово было за Украиной.

К счастью, там поняли меня. Я зашел к Леониду Макаровичу Кравчуку и объяснил, что я остаюсь здесь. Я свой. Что вам лучше? В Украине прошла вся моя жизнь, разве я могу что-то сделать во вред этой стране? Президент сразу согласился. Сложнее было с Кучмой, который тогда был премьером. Я объяснил ему, что буду работать на два государства: на увеличение товарооборота, на улучшение связей. А Кучма уже привык ко мне как к председателю правительства Крыма и спрашивает: «А с кем же я буду работать?» Тогда я считался как бы членом правительства Украины, находился на всех заседаниях Кабинета министров. Но мне удалось убедить и Леонида Даниловича, что мой переход в послы — это нормально. Вот в МИД Украины было сложнее.

— Да уж, дипломаты, наверное, как никто понимали всю абсурдность ситуации...

— Зленко, который тогда был министром иностранных дел, не очень хотел этого, но напрямую со мной беседовал карьерный дипломат, тогдашний замминистра Николай Макаревич. «Зачем тебе это нужно?» — спрашивает он. «Я принял решение. Я хочу», — отвечаю ему. Макаревич гнет свое, мол, давай мы тебя отправим в другую страну послом от Украины, а я ему говорю, что дал слово Беларуси. И кстати, никакого абсурда. Ведь и я, и в МИД хорошо знали: в Венской конвенции написано, что послом может быть гражданин государства, которое его направляет, а дальше через запятую: «и иного государства по согласованию двух сторон».

Кстати, долго не могли понять в самой Украине, кто я. Все считали меня послом Украины в Беларуси. Первые годы все всё путали и были убеждены, что я живу в Минске. Но я терпеливо объяснял, что я — посол Беларуси. Тогда знакомые, конечно, удивлялись: как же так? Ну вот так! Для белорусов это тоже было выгодно. Ведь я, ни минуты не раздумывая, приступил к работе и сразу стал что-то делать. Начинал с нуля.

— С чего начинается посольство?

— С гостиницы. Купил всем машины, квартиры. Дипломаты меняются, а квартиры переходят от одних к другим, так как являются собственностью Беларуси, и не надо платить бешеные деньги за аренду. Чего ж белорусам возражать? Они были довольны. В годы моей работы рос и товарооборот. Я начал связывать Крым и Беларусь. Белорусы начали больше отдыхать в Крыму.

Не нужно бояться Лукашенко

— Как же вам удалось пережить тот громкий скандал с отзывом приглашения Лукашенко на саммит в Ялту?

— Плохая была ситуация. Самые черные дни в моей дипломатической жизни. Ведь окружение Лукашенко говорило, что если Курашик не решит этот вопрос, то его никто не решит. Мне пришлось встретиться с Леонидом Даниловичем. Кучма мне объяснил, что другие главы государств против приезда на встречу Лукашенко. Я не верил, что все так плохо, потому что ведь за полгода до саммита в Минск поступило официальное приглашение. А потом его отозвали... Мне кажется, это было тяжелым шагом для украинского руководства — сказать «нет» соседу. Я сумел объяснить Лукашенко все обстоятельства этого дела. Скандал произошел, кстати, перед президентскими выборами в Украине. И когда Кучму избрали президентом, я первый предложил Лукашенко все-таки прибыть на инаугурацию. Он приехал и убедился, что это правильный шаг. Задача дипломата не разрушать мосты, а строить. Так что мне простили этот скандал, ведь были другие вещи, которые никто кроме меня не смог бы сделать. Тот же санаторий «Беларусь». Думаете, легко было сделать его собственностью Беларуси? Появились белорусские товары: мебель, ковры, телевизоры, трикотаж.

— В чем феномен Лукашенко?

— Его сила в его силе. Он молодой, решительный, требовательный. А главное, его не надо бояться.

— А в чем слабости батьки?

— Какие слабости? Он молодой человек! Занимается спортом. Когда приехал в Крым поздравлять Кучму с юбилеем, он нас всех на госдаче поднял рано утром и заставил играть в футбол. Я на воротах стоял. У меня не было спортивной обуви. Пришлось босиком стоять на воротах и кричать ему: «Куда вы бьете!» Гоняли тогда до седьмого пота.

Вместо эпилога

Виталий Курашик по-прежнему бодр и весел. Как человек старой закваски, он сознательно и целенаправленно поддерживает старые связи, никогда не забывая поздравить всех знакомых с любым праздником, не говоря уже о днях рождения. Этот человек, как обычно, полон оптимизма, и его вечная улыбка, так же как и многолетняя выучка держать удар, надо сказать, вызывает уважение. Разговаривая с ним, я вспомнила одну пресс-конференцию в посольстве Беларуси, когда кто-то из журналистов зло обозвал Курашика «Гуинпленом» — человеком, который всегда смеется. Тогда действительно элило, что в ответ на острые вопросы о ситуации в Беларуси, о незаконно разогнанном парламенте посол безмятежно улыбался: «Ну что вы все об одном и том же! Вот поезжайте в Минск, у нас там такие хорошие книги продают!»

— Мне нравится быть нестандартным! Почему я должен быть типичным и похожим на всех? Я проработал более восьми лет послом. Мне не надоело, но я опять захотел чего-то нового. Вот пошел в коммерческие структуры. В дипакадемию преподавать студентам искусство дипломатии.

— Уж совсем нестандартно было бы, если бы вы по окончании дипмиссии в Украине стали послом Украины в Минске.

— А я и там смог бы. Хотя на официальном уровне мне этого не предлагали. И думаю, что это уже невозможно. Да, наверное, и не хочу...

Рассмотреть и представить проект решения

Бомба двойного

Нашему корреспонденту удалось обвиняемым по делу об убийстве

Александр АЛЕКСАНДРОВИЧ

«Я хочу, чтобы вы знали...» — такими словами начал свой рассказ человек, обвиненный в одном из самых громких преступлений, совершенных в современной Беларуси. Виктор Янчевский в составе группы из нескольких человек был приговорен белорусским судом к 11 годам лишения свободы за подготовку покушения на президента страны и убийство руководителя службы Госконтроля по Могилевской области Евгения Миколуцкого.

Убийство Миколуцкого — первое громкое дело времен Лукашенко

...Утром 6 октября 1997 года в Могилеве произошел оглушительный взрыв, на долгое время поставивший крест на спокойной жизни города на Днепре. При выходе из дома осколками фугасного снаряда был убит Евгений Миколуцкий, возглавлявший в области службу Госконтроля. Осколки снаряда тяжело ранили и его супругу Аллу.

Жизнелюбивый Ткачев

Прибывший на похороны в Могилев президент дал силовикам карт-бланш на поиск преступников. И очень скоро внимание следствия привлек Валерий Ткачев, проработавший 20 лет в оперативно-техническом отделе Могилевского УКГБ (хотя правильнее было бы сказать, что он и не выпадал из поля зрения бывших коллег). Очень быстро органы сочли, что оснований для взятия Ткачева под стражу более чем достаточно, и его арестовали. А через короткое время Валерий Ткачев при неясных обстоятельствах покончил с собой в камере следственного изолятора.

В самоубийство бизнесмена и вчерашнего сотрудника КГБ поверили не все — слишком жизнелюбивым человеком слыл Ткачев. Тем более что давняя взаимная неприязнь местного КГБ и бывшего сотрудника была хорошо известна. Так, сразу после увольнения из органов «по служебному несоответствию» Ткачев попал в заключение. Как признавался позже, от него требовали компромат на Василия Леонова и Вячеслава Кебича. Однако громкая история закончилась пшиком: Ткачев никого не сдал. Или почти пшиком — у него в кармане «нашли» несколько патронов. Правда, ни понятых, ни самого обвиняемого в тот момент рядом не оказалось, но на такие мелочи у нас никогда внимания не обращали — и два года, проведенные под стражей, стали наказанием «за патроны».

Однако на этом недоразумения между местным КГБ и Ткачевым не закончились. Через несколько лет средь бела дня тогда уже бизнесмена Ткачева на центральной улице города — Пионерской — попытались избить и ограбить неизвестные. Каково же было изумление Ткачева и работников милиции, которые совместными усилиями задержали нападавших, — грабителями оказались два сотрудника Комитета госбезопасности. Позже после ряда невнятных отписок «выяснилось», что никто никого не грабил, а представители КГБ «обеспечивали мероприятия по обеспечению безопасности охраняемого лица», то бишь президента, который в то время был в Могилеве, но далеко не на Пионерской. На том, сами понимаете, дело и кончилось.

Попавший после покушения на Миколуцкого в оперативную разработку Ткачев, знавший и о «наружке», и о «прослушке», вел себя совершенно неадекватно для человека, отдавшего два десятка лет органам. Он в открытую уходил из-под наблюдения, сам гонялся за преследователями, по телефону бранил гэбэшников за нежелание работать... Словом, резвился напропалую. Не перестал резвиться и в тюрьме: бывший оперативник-технотделец не мог не понимать, что такого «бандита», как он, слушать не перестанут, а потому делал зарядочку, шутил, бодрился и думать не думал ни о чем трагическом. За несколько дней до гибели он даже позвонил из СИЗО жене. Ничего настораживающего в голосе мужа она не уловила.

Два покушения

Напомним, что покушений, по версии следствия, должно было быть два. И убийство Миколуцкого, судя по материалам дела, помогло органам предотвратить еще более громкое покушение — на главу государства. Для достижения успеха, как уверяет следствие, у банды Ткачева имелись все технические и боевые возможности, включая, например, пистолет-пулемет ППШ, автоматы АКМС и АКСУ, пистолет ТТ, маузер, парабеллум, другое огнестрельное оружие, огромное количество тротила, детонаторов, гранат (хотя мало кто видел сей впечатляющий арсенал)... Так что, по большому счету, непонятным осталось одно: почему это с Миколуцким расправились при помощи мощного, но старого и не дающего никаких гарантий фугаса? Застрелили бы — и вся недолга...

Суд был закрытым. Журналистов впустили в зал заседаний только на несколько минут в момент оглашения приговора. Поскольку Ткачева уже не было в живых, главным в группе исполнителей был признан Виктор Янчевский. Сейчас он отбывает «отмеренные» ему одиннадцать лет в Волковыске, и нам удалось с ним связаться. Вмешательство редакции в текст этого рассказа ограничивается лишь небольшими сокращениями и необходимым редактированием.

От первого лица

— Я хочу, чтобы вы знали, почему засекретили тома дела и сделали закрытым суд, кто, как и почему сфабриковал это, почему меня сделали виновным, прикрываясь ширмой этого оружия. Даже из дела видно, что оружие ко мне имеет такое же отношение, как и к ним, а к кое-кому из них — даже большее. Обвинения опираются на голословные показания Гаврилова (еще один член банды. — **А.А.**), которые тот выдумал, а потом в суде отказался от своих слов. Гаврилов говорил, что с Ткачевым и Янчевским два или три раза ездил то ли осенью 1996-го, то ли весной 1997 года в Минск, где Ткачев снимал квартиру на ул. Радужной. Что происходило дальше, он рассказывает так: «Приезжали, Ткачев мне предлагал сканером прослушивать эфир, а сам в этой квартире никогда не ночевал, уезжал. Янчевский на ночь тоже куда-то уходил и возвращался под утро. Утром уезжали в Могилев». Однако даже Гаврилов говорил, что никакой спецтехники, оружия, взрывчатых веществ для таких поездок мы не брали. У следствия всюду допуски: мол, если что-то и брали, то могли скрывать.

Обвинения в покушении на президента — это полный бред. Я даже выписал для себя показания Гаврилова (том 20, стр. 253): «Я хочу уточнить свои показания, что готовится теракт в отношении президента. Когда я просмотрел по телевизору выступление президента в Могилеве при похоронах Миколуцкого, то слышал, что совершение теракта, возможно, связано с готовящимся терактом в отношении президента. После высказываний президента у меня возникла мысль, что к этому причастны Ткачев с Янчевским».

Когда меня допрашивали по показаниям Гаврилова, я сказал, что не видел никакой квартиры, не бывал там, предложил поискать в квартире отпечатки моих пальцев. Всех жильцов опрашивали — они сказали, что никакого Янчевского никогда не видели. Мне предлагали сказать, что я ездил в дом на Радужной с Ткачевым и Гавриловым, что Ткачев обращался ко мне с различными просьбами, а о своих целях не говорил. Меня убеждали, что тогда я буду только свидетелем против Ткачева: мол, все равно его уже нет в живых. Но я отказался им подыгрывать. Однако в обвинении категорично написали: Янчевский ночью ходил по маршруту президента, выбирал места для закладки бомбы. Потом, как я понимаю, они дали задание своим специалистам выбрать место, где террористы могли подложить бомбу. Те выбрали два места: мост через реку Свислочь (на него нужно 150 кг тротила) и какую-то трубу — на нее, мол, меньше. После этого нам в обвинении написали, что мы собирались заложить бомбу в трубе. Я пытался доказать очевидное. Для чего мне ночью ходить по проспекту Машерова и искать место для закладки бомбы, ведь «аусвайс» в Минске, слава богу, никто не требует и нет необходимости ходить ночью?.. Зачем снимать квартиру и смотреть на проспект через окно, если можно сидеть на лавочке и наблюдать?.. Слушать меня никто не хотел.

Далее Гаврилов говорил, что в районе квартиры испытывали пейджерную сигнализацию для охраны автомашины, которая подает радиосигнал (такие сигнализации продаются в Минске). Так вот, Гаврилов выдвинул идею, что если к такой сигнализации подключить детонатор, то это можно использовать как средство для взрыва. Еще он говорил, что у Ткачева видел три такие системы и что тот ему сказал, будто их нужно испытать на дальность... Словом, бред какой-то.

После суда кто-то из адвокатов сказал мне: не нужно очень обижаться на судью, мол, он все понял, но оправдать меня в сложившейся ситуации было нельзя.

Гаврилов... Как бы сказать... Склонен к фантазированию... Во время следствия он рассказывал, что Ткачев попросил его вмонтировать в чемодан-дипломат кнопку. Из этого он сделал предположение, что Ткачев мог использовать «дипломат» для подачи сигнала (как в фильмах про кнопки для запуска ядерных ракет). Или другой пример. В гараже Ткачева был найден пиропатрон — и опять Гаврилов делает предположение (и это используют как улику), что Ткачев мог положить его к себе в автомашину и взорвать на ходу... В свое время Гаврилов делал выписки из книги по ядерной физике и во дворе всем доказывал, что может в домашних условиях изготовить ядерную бомбу. Мы тогда просто смеялись. А позже, испугавшись, что, узнав об этих увлечениях, следствие повесит на него теракт (Гаврилов сам признался), он оговорил Ткачева.

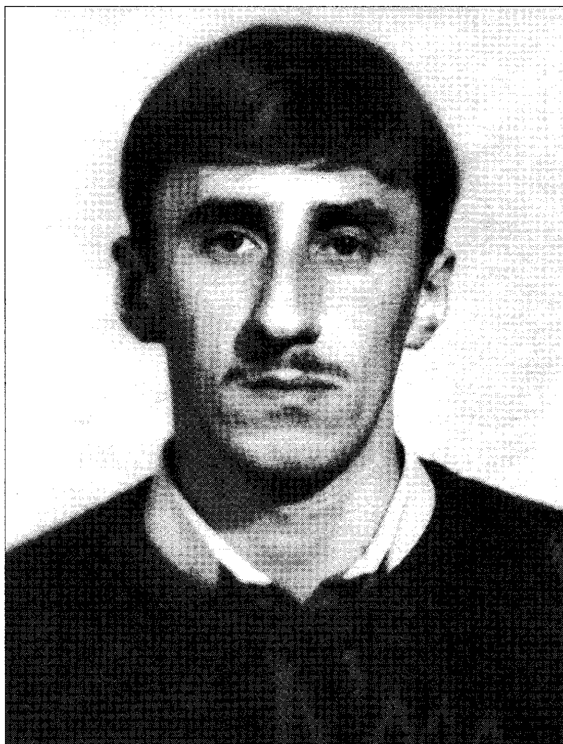
Что же касается меня, то я сразу утверждал, что обвинять меня смешно. Следователи соглашались. Но говорили: мол, сделаем так, что все будет правдоподобно. Так и говорили: «Будешь гнить на зоне, потому что не желаешь помочь обвинить Ткачева». Мне так объясняли: «Ты Ткачеву огород садил — это помощь по хозяйству, но потянет на участника банды». А я работу для Ткачева выполнял за плату (как и для многих других людей), потому что своим трудом зарабатывал себе на жизнь. И уж если на то пошло, скажу, что при такой логике в близких отношениях с Ткачевым можно обвинить и генерала Лопатика (генерал Лопатик возглавлял следствие. — **А.А.**). Как-то я увидел у Ткачева нарезной многозарядный карабин, спросил: откуда? Он сказал, что многие мечтают получить разрешение, а дает специальные бумаги лично Лопатик, и что он ему дал дозвол и на карабин, и на тонирование стекол автомобиля.

С Валерием Ткачевым я познакомился в 1989 году на охоте. Мы встречались от случая к случаю.

Действия

связаться с главным

Евгения Миколуцкого

Виктор Янчевский

Валерий Ткачев

Иногда я помогал ему по хозяйству, занимался строительными работами у него на даче. За помощь он всегда со мной рассчитывался. Доверительных отношений у нас не было, да и не могло быть: у него свой круг знакомых, у меня — свой. Своими проблемами со мной он никогда не делился. Иногда Ткачев помогал мне найти подработку. Ресторан, где заведовал Сергей Грудино, требовал ремонта, так Ткачев сказал, что я хороший парень и в качестве работника мне можно доверять. Мне в обвинении позже так и записали: «Пользовался у Ткачева особым доверием...»

Если говорить о конфликте Ткачева с силовыми структурами, то основной причиной было вот что: он считал, что закон должен быть обязательным для всех, и хотел заставить с законом считаться. Ткачев как-то рассказал, что собрал большой материал о деятельности руководства силовых структур Могилева, упоминал, что эти люди контролируют целые преступные системы, открыли фирмы на подставных лиц, скупают и продают квартиры, машины... Я хотел узнать подробнее, но он не рассказывал, говорил, мол, остальное тебе не надо знать.

После покушения на Миколуцкого он как-то заехал ко мне. На мой вопрос, кто и зачем за ним следит (он предупредил меня об этом по телефону из машины), ответил: ты тут сидишь со своими досками на крыше и не знаешь, что в городе делается, а в Могилеве что-то вроде военного положения. Он считал, что «наружка» за ним приставлена из-за того, что те, на кого он собирал компромат, почувствовали неладное. Я так понял, что Ткачев сам проводил какое-то расследование по взрыву. А я вообще не знал, кто такой Миколуцкий, это мне позже жена рассказала. Знал (и то по слухам) только одно: что Ткачев со многими знался и мог решить любой вопрос. То же самое я слышал позже и про Миколуцкого — мол, за 3 минуты он мог решить самые сложные проблемы. Чем они могли друг другу помешать?.. Я задавал этот вопрос в суде, но мне не ответили. Позже в статье, подписанной прокурором Мотульковым, я прочитал, что Миколуцкий мешал Ткачеву заниматься спиртом. В деле (это абсолютно точно) ничего об этом нет. Если исходить из того, что есть в материалах дела, то легче поверить, что Миколуцкий мешал Ткачеву возить из Африки финики. Кстати, в обвинительном заключении написали, что Миколуцкого взорвали якобы для дестабилизации положения в области, и под этим подпись поставил тот же Мотульков.

Сделать из Ткачева убийцу было выгодно всем. И тут удача улыбнулась органам — Ткачев снимал квартиру поблизости от «президентской трассы». Правда, жильцы из двух квартир по соседству с той, которую Ткачев снимал в Минске, говорили, что постоянно слышали по ночам охи-ахи, смех, женские голоса и так далее... Кажется, все понятно. И сам Ткачев, кстати, не скрывал от следствия, что снимал квартиру для того, чтобы водить туда женщин. Но кому из них, 17-летних, приятно признаться, что проводили время с 50-летним Ткачевым, особенно если и следствие не настаивает?..

Меня часто били, вымогая признание в том, что Ткачев хотел совершить покушение на президента. Из Минска приехал какой-то важный чин (фамилия, кажется, Островский) и говорил, что, мол, власть — это мы, а ты, видно, плохо понимаешь, какая мы власть. Он мне объяснял, что я им не нужен, нужны такие, как Ткачев, Леонов и их окружение. Наши показания искажали как хотели. Писали домысел, потом, опираясь на него, как на факт, — другой домысел. Постепенно получалась цепь. Здесь, в Волковыске, я разговорился с человеком, который работал раньше то ли прокурором, то ли следователем. Не зная, кто я, он много подробностей рассказал о том, как вели это дело. Если верить ему, они знали, что не Ткачев причастен к убийству Миколуцкого, но выбора не было.

О преступной деятельности Ткачева, поверьте, в деле нет никакой информации. Единственное, что есть — упоминание Гаврилова о том, что Ткачев возил с собой сканер, который ловил все частоты без исключения. Сканеры эти продаются в России. Ткачев действительно прослушивал чиновников и все интересное записывал на диктофон, надеясь опубликовать. В деле, кстати, есть показания корреспондента Дубовика, который утверждает, что ему было велено не брать материалы у Ткачева «с учетом личности». Как рассказал следствию Гаврилов, однажды Ткачев записал разговор Миколуцкого с каким-то директором, и Миколуцкий якобы просил для себя дубленку и мягкую мебель. Ткачев записал разговор и объяснил, что делает это, потому что понял: еще один человек берет взятки. Гаврилов и следствие посчитали, что этот факт свидетельствует о подготовке Ткачевым теракта против Миколуцкого.

Кстати, Ткачев жил в одном дворе с Миколуцким. Интересно, кто еще решился бы взорвать бомбу во дворе дома, где живет, а потом бегать по крыше дома, где его все знают? Из материалов дела известно, что на месте, где была привязана бомба, обнаружены отпечатки пальцев. Ни мне, ни Ткачеву, ни «членам нашей банды», ни жильцам дома они не принадлежат. На веревке, которой привязывали фугас, нашли запах и следы пота — образцы хранятся в лаборатории. Никому из нас они тоже не принадлежат. Вроде бы оправдательная экспертиза. Но, по мнению следствия, это ничего не значит, так как... запах мог выветриться!

Никто из следственной группы мне напрямую не говорил, что Ткачева убили, но как все радовались, что он мертв! Когда я читал материалы дела в той части, где описана смерть Ткачева, то меня, помню, многое удивило и озадачило. Как, например, человек мог повеситься, не сделав петлю? В деле написано, что тесемка от простыни одним концом была привязана к верхнему шконарю, два раза обмотана вокруг шеи, а за другой конец Ткачев тянул сам и так удавился... На голове у него врачи зафиксировали кровоподтеки от ударов, в крови — много всяких лекарственных препаратов. Хотя я помню, как Ткачев говорил, что никогда не пьет таблетки, даже если болеет. И еще. Опять же из материалов дела. На протяжении двух месяцев камера Ткачева непрерывно прослушивалась, и эти разговоры составляют в деле целый том N32. Но за два дня до смерти прослушивание было снято. Думаю, это наводит на какие-то мысли...

Заметки на полях

Рассказ Виктора Янчевского мы привели далеко не полностью. Однако думаем, что читателям небезынтересно будет узнать, что только после закрытия дела, по которому Янчевскому предъявлялись обвинения в покушении на президента и бандитизме, следствие будто о чем-то вспомнило. Янчевского повезли в УВД и как бы случайно завели в кабинет, где находилась Алла Миколуцкая... Так в деле появилось обвинение в покушении на Миколуцкого в составе банды, хотя до этого Алла Миколуцкая никогда не опознавала Янчевского. Впрочем, в конце концов она, похоже, догадалась, что следствие и суд решают какие-то свои задачи, и в суде требовала: покажите мне убийц мужа, а не этих отморозков. Еще Алла Миколуцкая говорила о том, что после взрыва была в сознании и все помнит. Что через три-пять минут после взрыва в подъезде появился начальник КГБ, которого она просила оказать помощь, но все гэбэшники переступали через нее и бежали в квартиру искать какую-то черную папку мужа...

«Высокоградусные» предпосылки

В деле об убийстве Миколуцкого по сей день остается очень много белых пятен. Поиск заказчиков этого убийства продолжается. Формально и безуспешно. В 1997-м, как, впрочем, и в последующие годы, никто из охранников правопорядка так и не решился признать допущенные следствием ошибки. Как нам удалось выяснить, незадолго до покушения Миколуцкий занимался проверкой Бобруйского гидролизного завода. По одной из версий, к этому крупному предприятию по производству спирта госконтролера привлекли большие левые поставки высокоградусного сырья на мини-заводы, которые были разбросаны по всей Могилевской области и занимались выпуском алкогольных напитков. Причем нигде не учтенный спирт производился исключительно из российского зерна. Согласно документам, в Бобруйск с полей соседнего государства стекалось совершенно бросовое зерно, предназначенное только на корм скоту. Соответственно и цена за тонну этой якобы третьесортной пшеницы была необычайно низкой. Почему якобы? Потому что, по одной из версий, белорусы умудрялись закупать нормальное зерно, делать из него спирт, а затем и популярные в народе «чернила». К слову, напитки, выпущенные могилевскими полулегальными предприятиями, особым качеством не отличались. Однако благодаря низкой цене и своему безакцизному происхождению они довольно активно раскупались на российском рынке. Таким образом, неизвестным белорусским дельцам удавалось обмануть россиян дважды.

По оценкам, спиртовой оборот теневой торговли, которая, как предполагается, была налажена на высоком правительственном уровне, в денежном плане можно было сопоставить с месячным бюджетом страны. Иными словами, между Бобруйским гидролизным заводом и российскими оптовыми покупателями «паленой» водки крутились огромные деньги. В чьем кармане они оседали, сейчас сказать трудно. Если же говорить о материалах следствия, то в них какие-либо намеки на дальнейшую судьбу «черного нала» отсутствуют напрочь. Однако если принимать во внимание прозвучавшее еще в ходе расследования громкого убийства предположение, часть левых доходов гидролизного завода попадала в карманы к госчиновникам Могилевской области.

Один из сотрудников комитета, входивший в состав следственной опергруппы, как-то заметил, что, вероятно, и сам Миколуцкий хотел получать от нелегальной торговли свой пай. Основанием для подобных умозаключений явился обыск в квартире борца за справедливость, во время которого даже видавшие виды оперативники поразились шикарному обустройству жилища госконтролера. Кроме того, по неофициальной информации из КГБ, в квартире Миколуцкого была-таки обнаружена черная папка. В ней — список чиновников, причастных к «гидролизному» бизнесу, и документы, которые, по мнению правоохранительных органов, могли быть использованы для давления и шантажа на высокопоставленных пайщиков.

Впрочем, когда данная версия начала только обрисовываться, глава государства на очередной правоохранительной совещаловке поспешил заметить, что Миколуцкий был его личным другом, и всяческие попытки бросить тень на погибшего борца за справедливость будут пресекаться на корню. После этого заявления тема причастности Миколуцкого к теневым махинациям больше не всплывала...

Оформить протоколом

...Если люди исчезают бесследно

Александр БАРНАТОВИЧ

Признанные виновными по делу о похищении оператора ОРТ Дмитрия Завадского бывшие офицеры «Алмаза» Валерий Игнатович и Максим Малик не согласны с вынесенным приговором. В июле Верховный суд Республики Беларусь рассмотрит их претензии и вынесет окончательный вердикт. В деле о похищении нашего коллеги, к сожалению, ничего не изменилось: никаких новых сведений о том, где Завадский — живой или мертвый, следствию получить не удалось. Однако нам удалось узнать подробности второго похищения, которое вменялось группе Игнатовича и по которому подсудимые были оправданы. Как и Дмитрий Завадский, житель деревни Ковалево Пуховичского района Владимир Котов исчез бесследно. О его судьбе до сих пор ничего не известно.

iREX/ProMedia

Валерий Игнатович и Максим Малик (справа)

Преступление

Вечером 9 марта 2000 года супруга Котова, как обычно, возвращалась домой с работы. У самого порога ее встретили соседи и пожурили: мол, чего это ты не приглашаешь по-соседски отметить замужество дочери, ведь после свадьбы больше недели прошло. Женщина сослалась на занятость и, извинившись, пригласила соседей в дом. Однако веселья не получилось. На полу среди разбросанных вещей и перевернутой мебели с перерезанным горлом в луже крови лежала 24-летняя новобрачная. Тело было связано, рот заклеен скотчем... Молодая женщина была уже несколько часов как мертва.

Вызванная на место преступления оперативно-следственная группа установила, что смерть наступила около десяти часов утра. В ограбленном доме преступники поживились деньгами и драгоценностями на общую сумму около 5 тыс. долларов. Кинулись искать хозяина дома — Владимира Котова, но он бесследно исчез. Позже следователи выяснили, что Котов вышел из дома 9 марта в 7.05 и отправился на работу. Однако на работе он так и не появился, и больше его никто не видел...

Исчезновение человека и убийство молодой женщины моментально стало обрастать слухами и различными домыслами. Особо «осведомленные» граждане объясняли это даже как мафиозные разборки наркодельцов, но следствие не нашло даже косвенного подтверждения подобной версии. И действительно, трудно было поверить, что молодая домоседка-учительница, о которой коллеги отзывались исключительно с положительной стороны, вдруг связалась с наркотиками или криминалом и оказалась замешана в каких-то разборках. Родные убитой вообще не могли поверить в произошедшее и воспринимали все как страшный сон, который должен вот-вот закончиться.

Следователи, которым поручили это дело, проверяли самые, казалось бы, абсурдные версии. Например, причастность к преступлению оставшегося в живых молодожена — тот ранее служил в спецподразделении «Алмаз» и в принципе должен был уметь убивать. Но эта версия не подтвердилась. Не подходило данное преступление и под случайный разбой: особой зажиточностью семья Владимира Котова не отличалась, подвергшийся нападению дом был стандартного типа и ничем не выделялся из множества соседних, таких же стандартных домов. В то же время следователи обратили внимание на то, что убийство было совершено весьма профессионально — в центре деревни средь бела дня, но никто не услышал ни одного подозрительного звука. Нашелся, правда, один сосед, который красил утром 9 марта забор. Он рассказал следователям, что видел возле дома Котовых трех незнакомых людей: двое из них были в камуфляжной форме, а один в черном пальто. Но на том вся свидетельская база по убийству была исчерпана. Что же касается исчезновения Котова, то следователям не удалось выяснить вообще ничего. Ходили, правда, слухи, будто кто-то видел, как мужчину запихивали в машину, однако официально, под запись в протоколе, никто ничего подобного представителям правоохранительных органов не рассказывал.

Дело повисло — ни концов, ни следов...

Задержание

В августе 2000 года по подозрению в совершении другого преступления был задержан бывший офицер спецподразделения «Алмаз» Валерий Игнатович. Чуть позже на нары угодили и его сообщники: Малик, Гуз и Саушкин. Мы достаточно подробно рассказывали о том, как это произошло, в предыдущих публикациях, поэтому повторяться не будем.

Как нам удалось выяснить, в ноябре того же года следователи заподозрили группу Игнатовича в причастности к убийству учительницы в Пуховичском районе и похищению Владимира Котова. Цепочка, позволяющая соединить совершенно разные уголовные дела, появилась практически случайно.

В рамках расследования других уголовных дел, в том числе похищения оператора ОРТ Дмитрия Завадского, следователи проверяли автомашину Валерия Игнатовича и выяснили, что она была приобретена у некоего Рабцевича, также бывшего бойца «Алмаза», который распродавал свое имущество в связи с отъездом на постоянное место жительства в Израиль. При помощи израильских коллег белорусские сыщики установили, что часть платы за машину Валерий Игнатович внес не деньгами, а ювелирными изделиями. Полиция Израиля сфотографировала драгоценности и выслала эти снимки в Беларусь. Супруге Владимира Котова и матери убитой учительницы, как одной из пострадавших, у которой были украдены ювелирные изделия, предъявили фотографии на опознание. И на три предмета женщина указала как на свои. Она опознала похищенные золотой кулон с драгоценным камнем и две пары сережек. Следователи недолго ломали голову над тем, каким образом Игнатович мог пересечься с Владимиром Котовым, поскольку очень скоро выяснилось, что эти два человека были хорошо знакомы. Так в преступлении появился мотив.

О мотивах

Владимир Котов в 90-х годах работал директором автобазы в Крупках, на родине Валерия Игнатовича. На этой самой автобазе работал водителем и отец офицера «Алмаза». Начальник и подчиненный не питали особой симпатии друг к другу, и, видимо, поэтому их взаимоотношения закончились довольно громким по местным меркам скандалом.

Началось все с увольнения с автобазы Игнатовича-старшего. Котов подписал соответствующий приказ с официальной формулировкой — в связи с сокращением штатов. Соответствовала ли запись истинной причине увольнения, сейчас сказать трудно: ни одна, ни другая стороны конфликта об этом особо не распространялись. Однако семья Игнатовичей развернула настоящую борьбу против директора автобазы: уволенный глава семейства подал в суд иск о восстановлении на работе, а также опубликовал в местной печати несколько статей, повествующих о нерадивом директоре. Сын вступился за отца. Есть несколько свидетельств, что Валерий Игнатович в то время неоднократно посещал автобазу и угрожал, что со временем разберется с обидчиком своего родителя.

После долгих судебных тяжб Игнатович-старший суд все-таки выиграл и на работе был восстановлен. Возможно, его сын Валерий удовлетворился таким исходом дела и не держал больше обиды на Котова. Но может быть, в тот момент он просто не мог мстить: в 1996 году боец спецподразделения «Алмаз» Валерий Игнатович получил серьезную травму позвоночника и вынужден был провести много месяцев на больничной койке. Котов же в 1997-м ушел на пенсию, продал дом в Крупках и уехал подальше от шумной семейки и поближе к своим детям — в Пуховичский район. Здесь Котов купил и обустроил квартиру в военном городке в Марьиной Горке, но поселился не в ней, а в деревне Ковалево — в доме своей новой гражданской жены. Вместе с почтенной семейной парой проживала и дочь хозяйки, учительница начальных классов в местной школе-гимназии.

К концу 90-х годов в Крупках разгорелся еще один крупный скандал, косвенно связанный с Котовым. Правоохранительными органами за различные махинации был осужден бывший руководитель района Попов, с которым в свое время был хорошо знаком директор автобазы. По Крупкам поползли слухи, что к уголовной ответственности привлечен и Котов. Эти слухи дошли до Валерия Игнатовича. По нашим сведениям, в деле есть показания свидетеля, которому Игнатович говорил, что вот, мол, не довелось разобраться с Котовым, без меня это сделали...

Закрытый суд — закрытое обвинение

По совокупности преступлений Игнатович и Малик были осуждены к пожизненному заключению, а Гуз и Саушкин — к различным срокам. Однако по результатам судебного процесса пуховичский эпизод был исключен из обвинения — «в связи с недоказанностью участия обвиняемых в совершении преступления». Единственный свидетель, заметивший в то злополучное утро людей в камуфляже, не смог их опознать, так как наблюдал за всем издалека и потому не рассмотрел лиц.

Не были исследованы в ходе процесса и драгоценности, которыми Игнатович расплачивался за машину. Их просто не прислали в нашу страну, так как между Беларусью и Израилем не заключен договор о правовой взаимопомощи. В результате суд исключил драгоценности из доказательной базы на том основании, что на них не было ни царапин, ни сколов, ни каких-либо иных отличительных черт, позволяющих выделить украденные ювелирные изделия среди других точно таких же.

Вроде бы все правильно: любые сомнения должны толковаться в пользу обвиняемых. Но все-таки вопросы остаются. Как нам удалось выяснить, опознанные по фотографии ювелирные изделия были сравнительно редкими. Так, например, золотой кулон с аметистом супруга Владимира Котова купила еще в 70-х годах и за большие деньги, так как подобные украшения выпускались не серийно, а были изготовлены в единичных экземплярах. То же можно сказать и о серьгах. Какова вероятность того, что у абсолютно разных людей окажется идентичный набор ювелирных изделий, купленных в разные годы и в разных местах, судить не беремся. Но суд посчитал, что такая вероятность велика, и исключил драгоценности из доказательной базы обвинения.

Кстати, приговор в части оправдания группы Игнатовича по пуховичским эпизодам по каким-то причинам не опротестовывала даже прокуратура. Хотя в других делах, когда суд оправдывает подсудимых, обвинители без конца спорят, стараясь использовать все предоставленные законом возможности, чтобы доказать свою правоту. Видимо, в данном деле прокуратура выполнила главную задачу — ничего не сказав о судьбе нашего коллеги, представила общественности «коварных похитителей Дмитрия Завадского». Все остальное — дело второстепенное...

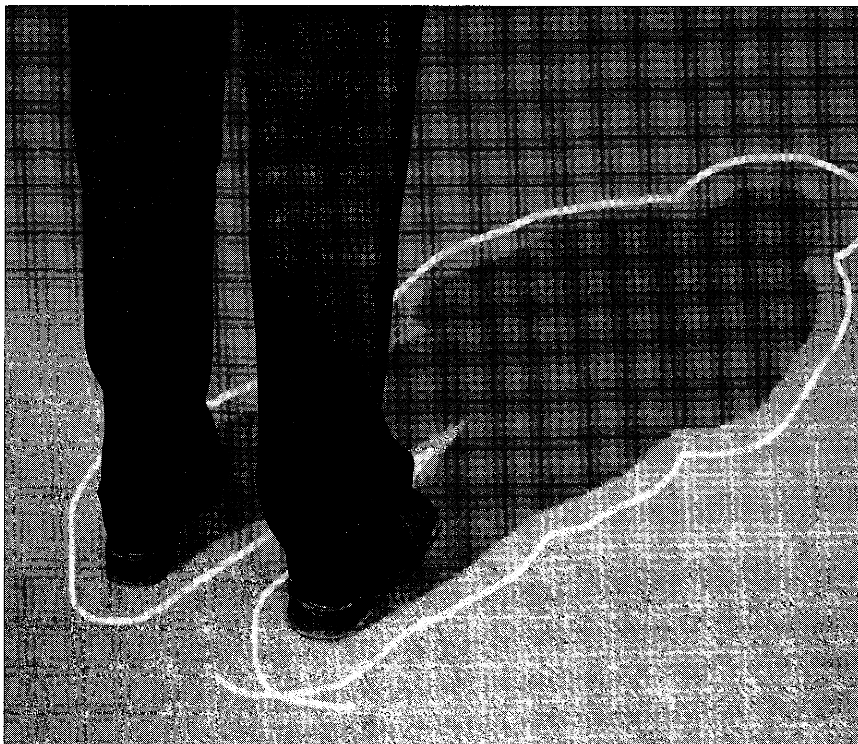
Подлежит возврату

Работа под заказ

Жизнь мозырского вице-мэра киллер оценил в 10 тысяч «зеленых»

Ирина МАКОВЕЦКАЯ

Если не выходить из своей квартиры, то Беларусь — спокойная страна. На самом же деле у нас и стреляют, и убивают. Причем, как и во всем мире, под замес криминальных разборок попадают и высокого уровня чиновники.

... Вечером 14 декабря 1995 года заместитель председателя Мозырского горисполкома 45-летний Леонид Белошицкий был дома один: жена ушла проведать родных. Незнакомец, которому он открыл дверь на звонок, уточнил его фамилию, а потом... выстрелил. Окровавленный труп вице-мэра города белорусских нефтяников нашла соседка. Она и вызвала милицию.

Несколько лет это дело оставалось нераскрытым, несмотря на то, что его вели лучшие сотрудники республиканской прокуратуры. На сегодняшний день все произошедшее в тот трагический день следствию известно. Известны и исполнитель, и заказчик. Правда, «стрелок» находится в бегах, и надежд на то, что он будет пойман, не много. Хотя все в этом деле — сплошная цепь случайностей, потому утверждать что-либо однозначно не берусь.

Власть и бизнес — компаньоны навек?

Братья Ашот и Сурен Мирзанян появились в Мозыре в начале 1990-х. Как и многие уважающие себя представители Кавказских гор, они, конечно же, вкалывать на заводе не хотели. Но и место на продуктовом рынке для них не являлось пределом мечтаний. Они решили начать с малого — со студии звукозаписи. И на пристрастиях меломанов довольно быстро сумели сколотить первоначальный капитал. Заработанные деньги вложили в производство кирпича, да вот бизнес что-то не пошел. Однако не зря говорится, что не бывает худа без добра: именно в этот нерадостный период фортуна подкинула братьям знакомство с влиятельным местным чиновником Леонидом Белошицким. Молодой заместитель председателя горисполкома курировал сферу капитального строительства. Для Мозыря — второго по величине города в Гомельской области — большая должность.

Знакомство братьев-армян с Белошицким вскоре перетекло в прикладное русло, и в результате на свет явилось ООО «Баско». Если покрутить это название в поисках сакрального смысла, то напрашивается такая трактовка: «Б» — Белошицкий, «А» — Ашот, «С» — Сурен, а «КО» — вероятно, производное от слова «компания». Учредителями общества выступили братья Мирзанян и... некий человек по фамилии Поляков. Как теперь выясняется, он являлся родственником жены зампреда и играл в новорожденной фирме роль свадебного генерала: подписывал бумажки и чинно улыбался партнерам. Роль мозга в торгово-закупочных делах принадлежала вице-мэру Белошицкому, спрятавшемуся в тени подставной фигуры, — чиновник, как вы понимаете, прекрасно знал о запрете совмещать госслужбу с предпринимательской деятельностью и обошел его.

При высоком покровительстве в мэрии дела у «Баско» пошли как нельзя лучше. Фирма открыла магазин, потом получила в собственность здание. Конкурентов в сфере, которой занимался альянс бизнеса и власти, — ремонте квартир для их последующей продажи — в городе в то время практически не было. Ашота Мирзаняна зачислили на Гомельщине в ряды удачливых бизнесменов, хотя соответствующие службы знали о теневой деятельности зампреда исполкома и, вероятно, о своем знании намекнули...

Конфликт в «Баско» разгорелся из-за желания Леонида Белошицкого покинуть бизнес. Шел бы себе и шел человек в высокое чиновничье кресло, но в качестве отступных ему понадобилось «выходное пособие». Как установило следствие, достаточной оценкой своего труда средней руки чиновник (в масштабах республики, конечно) посчитал полмиллиона долларов... Вот так — скромно, но с размахом.

Братья Мирзанян прекрасно отдавали себе отчет в том, что деньги Белошицкому надо отдать. В противном случае у чиновника была масса абсолютно легальных способов поставить фирму на колени: череда проверок, штрафы, конфискация имущества — да мало ли еще экзекуций мог придумать для экс-компаньонов рассерженный вице-мэр?! Но таких денег у фирмы не было. Ашоту Мирзаняну пришлось достать из широких штанин 30 тысяч у.е. и задуматься над тем, как решить возникшую проблему радикально. Белошицкий же в ожидании заработанного капитала коротал время на черноморском курорте, в Туапсе.

Первый ком, блин

Как радикально решить проблему — всем хорошо известно. «Пострелять» бизнесмен предложил 32-летнему Валентину Хурде. Выбор был не случаен: несмотря на свой молодой возраст, Валентин к тому времени уже прошел «академический» тюремный курс. Первый трехгодичный срок он начал мотать на зоне в 15 лет. Потом попал за решетку за угон автомобиля, но уже на 6 лет. Осенью 1995 года Хурда получил срок за превышение служебных полномочий: работая охранником в некой фирме, на самом деле он выбивал долги, на чем и попался. Правда, отделался легко, получив 6 месяцев исправительных работ с удержанием 20% заработка. Причем «исправляться» Хурде разрешили в прежней должности, хотя, согласно оперативной информации местного УВД, было известно, что непыльную работенку молодой человек совмещал с руководством одной из местных криминальных группировок.

Валентин Хурда согласился за разумную сумму пристроить «заказ» нужному человеку, и в качестве «ликвидатора» был выбран житель Новополоцка некто Виктор Таринов. Правда, на убийство Таринов согласился так же легко, как соглашался опрокинуть в себя стограммовку. Но никого это не насторожило, и подготовка к операции началась.

С «объектом» будущего киллера познакомили по видеозаписи: в свое время Леонид Белошицкий и Ашот Мирзанян побывали в Лондоне на международной конференции — поездку спонсировал армянский друг, он же фиксировал памятное событие на видеокамеру... Через пару дней Хурда выдал Таринову пистолет ТТ с шестью патронами и сообщил координаты Белошицкого в Туапсе. Расчет Ашота Мирзаняна был прост: следствию сложно будет «припутать» честного мозырского бизнесмена к гибели честного мозырского чиновника за тысячу верст от родного города. Но дальше началось нечто в духе гайдаевских комедий.

Таринов о намеченной акции разве что по национальному телевидению не рассказывал. О том, что Витька Таринов едет на разборку, в считанные дни узнали его родственники и в Мозыре, и в Новополоцке. В Новополоцк, кстати, он заскочил повидать супругу и нескзанно порадовал ее тем, что прямо на кухне уселся чистить оружие, а потом еще и пальнул из него в форточку...

Там же, в Новополоцке, Таринов уговорил своего двоюродного брата Петра Сомова поехать в Туапсе вместе с ним. «Зачем?» и «почему?» выясняли уже в поезде. Но скумекав, что за ответственная работа доверена братцу, Сомов прочел ему основательную лекцию на тему морали, нравственности, испорченной жизни и ближайших перспектив. Да так убедительно, что впечатлительный Таринов враз передумал «валить» мозырского дядьку и даже захотел выбросить пистолет. Но почему-то сразу этого не сделал. А потом, когда пьяных братьев задержала милиция на каком-то полустанке в Краснодарском крае, от «пушки» избавляться было уже поздно. Безоружного Сомова отпустили, а вот горе-киллер попал на три года в колонию за незаконное приобретение и хранение огнестрельного оружия и боеприпасов. На этот раз Таринову, правда, хватило ума ни словом не обмолвиться об истинной цели приезда на юг.

Вторая попытка

Вторым кандидатом в исполнители Хурда выбрал Алексея Потапова. Кандидат казался более надежным: несколько «ходок» за грабежи и разбои, последняя «работа» — убийство где-то в Оренбургской области налогового инспектора (кстати, тоже «по заказу»). Потому и бежал в Беларусь, где в Мозыре местная братва обеспечила ему и стол и кров.

Сначала Потапову дали задаток в 2,5 тыс. долларов. Узнав, что придется отправить в мир иной видного человека, он потребовал 10 тыс. «зеленых». Оружие у Потапова имелось — тот самый ТТ, которым он «работал» в Оренбуржье.

Кстати, Алексею тоже пришлось посвятить в цель операции двух друзей, но сугубо из соображений помощи. Один из них предоставил видик для ознакомления с внешностью будущего «клиента», а второй был нужен в качестве водителя. 14 декабря в семь вечера за Потаповым приехал автомобиль...

Шум, похожий на хлопок, услышала соседка Белошицких по подъезду. Женщина даже не успела сообразить, что к чему, как мимо нее промчался незнакомый мужчина. В тусклом свете подъезда она его даже не разглядела. Зато на площадке второго этажа в луже крови она обнаружила труп своего высокопоставленного соседа — зампреда исполкома.

Вместо некролога

Пока в подъезде дома работали врачи и милиция, исполнители преступления на всех парах мчались в Гродно. Из местной гостиницы позвонили Хурде и потребовали расчета. Тот лично доставил киллеру 7,5 тыс. долларов. Милиция тем временем безуспешно искала следы преступников. Но поскольку никто ни из коллег Белошицкого, ни из его родни даже словом не заикнулся о бизнесе вице-мэра, успехов эти поиски дать не могли. Пересидев первое время на Гродненщине, Потапов поехал по местам былых «боев». Он продал свой «жигуль» одному из помощников, себе купил «Опель» и прикатил... в Мозырь. Зашел к браткам, оставил им на память детальки от потрепанного ТТ и только потом испарился.

...Спустя три года освободившийся Витек Таринов прибыл в Мозырь навестить тещу. Тут-то он и попался на глаза следователям, которые корпели над возобновленным расследованием по делу об убийстве Белошицкого. На всякий случай Таринову предложили объяснить, зачем он с пистолетом шлялся по югам аккурат в то самое время, когда там отдыхал Белошицкий? О красноречии незадачливого киллера читателю уже известно... По его показаниям задержали Хурду, и он тоже не стал отмалчиваться. А вот заказчик был нем, потому что уже год как был мертв — скончался от сердечного приступа.

Таринову чудом удалось избежать очередной отсидки. Признали, что он добровольно отказался от доведения преступления до конца. Перед судом предстал лишь посредник. Но на юридическом языке его роль оказалась более серьезной — организатор. Брестский областной суд, куда дело было направлено из соображений объективности, назначил Хурде за организацию убийства 12 лет в исправительно-трудовой колонии строгого режима.

На свободе остается только исполнитель Алексей Потапов. Но хотя белорусские сыщики и объявили его в межгосударственный розыск, шансы на то, что Потапов ответит за свое преступление по нашим законам, ничтожно малы. Во-первых, он гражданин России, и выдаст ли его Россия — еще вопрос. Во-вторых, на нем убийство в Оренбургской области, за которое Потапов еще не понес наказание. Впрочем, нет гарантии, что безнаказанность вновь не потянет «стрелка» на Полесье!..

Обсудить в коллективе

Ян Сперскис

Бесконечная война Бешеного

Из легионеров в Советский Союз вернулись 32 человека, 12 оказались в Беларуси

Виктор ДЕМИДОВ

Их называют «солдатами необъявленных войн», «солдатами удачи», наемниками. Большинство этих людей до сих пор связаны подписками о неразглашении, поэтому от встреч с журналистами отказываются. Правда, некоторые не хотят уносить свои тайны в могилу и соглашаются на публикацию собственных воспоминаний. Только — после смерти.

Один из таких солдат, прошедших полпланеты, — могилевчанин Ян Михайлович Сперскис. Солдат Советской Армии и французского Иностранного легиона, свидетель и участник самых невероятных событий, обладатель множества наград — советских, польских, венгерских, французских. И клички — Бешеный.

Из литовских немцев — в русские евреи

— Мои немецкие предки носили фамилию Гольденберг, дальний предок-немец был кнехтом, во время Грюнвальдской битвы попал в плен к литовцам, там осел, женился, стал «своим».

Дед мой считался богатым — имел два парохода, много земли, комбайны, тракторы, наемных работников. Нас было семеро детей, я был младшим. По-русски не говорил — в семье говорили по-немецки и по-литовски. Отец мой был майором литовской армии, руководил гарнизоном в маленьком литовском городке Алитус. Там я родился, там мы и жили. Старшие братья были офицерами, служили в полиции. Жили мы достаточно богато, в доме была прислуга.

Советы пришли в Литву в 40-м году, когда мне было семь лет. Помню, сидел дома, мать схватила меня за руку и поволокла на улицу. А там колонна красноармейцев идет... В буденовках, с винтовками-трехлинейками, вещмешками и в ботинках с обмотками. Наши солдаты только смеялись над ними. Тогда был заключен договор, по которому литовская армия вливалась в Красную Армию на правах территориальных вооруженных сил. Так что для нас на первых порах ничего не изменилось. Уже потом, позже, началось разоружение литовского национального корпуса. Происходило это под предлогом «освобождения армии от реакционных офицеров». Помню, в один прекрасный день неожиданно поднялась пальба, повылетали разбитые окна... Отец с братьями в то утро ушли в артиллерийские мастерские. Больше я их не видел... Их окружили два взвода красноармейцев с двумя орудиями и двумя танками. Они отстреливались из табельного оружия и все погибли.

Зато видел, как грабили наш дом. Помню, как меня посадили в грузовик и повезли в Вильнюс. Детей везли как пленных, даже в туалет не отпускали. В Вильнюсе — сразу на вокзал. Посадили в вагоны-телятники и повезли. Нам не говорили, куда везут, а если что и говорили, так мы же все равно по-русски не понимали ни слова. Братьев и сестер разлучали, дети плакали, вокруг царили хаос и паника. В нашем «детском» вагоне кроме нас ехали еще католические монахини — тоже «враги народа». Так нас привезли в Свердловск — там был сортировочный пункт. В свердловском спецдетдоме НКВД, где мы провели некоторое время, дети сразу разделились на «буржуев» и «мужиков». Мы, «буржуи», были детьми дворян, офицеров, торговцев и так далее. Мы успели получить какое-то образование, нас воспитали, привили какие-то манеры. А «мужики» были детьми полицаев, деревенских старост и прочей подобной публики. Собрали нас отовсюду — из Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии, Бессарабии... Затем нас, прибалтов, отделили и отправили в спецдетдом на Дальний Восток. Там были в основном литовцы, совсем немного латышей и эстонцев. Шла война, все ждали нападения японцев. Проходили военную подготовку, учились стрелять, собрали все бутылки и наполнили бензином и керосином, привязали тряпочки. До сих пор помню эти батареи «коктейлей Молотова» на подоконниках...

Там же, в детском доме, в школе, когда мы заполняли метрики, директор детдома Макоев (сам он был осетином) нам честно сказал: «Дети, если вы укажете, что вы литовцы, латыши, эстонцы, всю жизнь будете мучаться». Поскольку мы находились в Ленинске Хабаровского края, который относился к Еврейской автономной области, мы все записались евреями. Я взял тогда фамилию матери — Гольденберг — как раз совпало, что эта немецкая фамилия очень похожа на еврейскую. Так я, литовский немец, стал русским евреем.

Это был специальный детский дом для «детей врагов народа». Он входил в структуру НКВД. Там мы и учились — четыре класса образования. А когда исполнилось 14 лет, нам сказали: «Лазарь Васильевич Каганович в виде исключения разрешил вам, детям врагов народа, учиться в железнодорожном училище. Но будете вы не путейцами и не машинистами, а только слесарями-вагонниками». И вся наша группа отправилась учиться на железнодорожников. Потом, после двух лет училища, нас отправили в Донецк — восстанавливать Донбасс. За это я получил свою вторую медаль. Первую — «За доблестный труд» — получил еще в училище. Потом работал на восстановлении Могилева.

А в феврале 1953 года меня призвали в армию. Я с четырьмя классами образования оказался в батальоне самым грамотным, даже был редактором батальонной газеты.

В мае 1953-го нас отправили в Германию ремонтировать железнодорожный мост через Одер. Во время войны его неоднократно бомбили — и наши, и американцы, так что мост был практически разрушен. Половина нашей роты расположилась на польском берегу, половина — на немецком. Я оказался на немецком береге. Ремонтировали пролеты, укладывали рельсы... Как-то, уже в июне, ночью спим, и вдруг начинается стрельба. Мы похватали карабины, старшина вытащил цинку с патронами. Повыскакивали мы с этими карабинами, старшина кричит: «Огонь!», — а по кому огонь-то? Ночь, ничего не видно, только из-за насыпи по нам стреляют. А рядом еще французская зона оккупации... Короче, палим в белый свет как в копеечку. А сами — в белых рубашках и кальсонах — идеальные мишени летней ночью. Утром, когда рассвело, мы побежали смотреть на «поле битвы». Смотрим — за насыпью лежат человек семь, пулями буквально в клочья разорваны: их французы со своей зоны оккупации крупнокалиберными пулеметами положили. Но дня через три старшина приказывает подшить новые воротнички, помыться, почистить форму. Привезли нас на грузовиках в Магдебург, построили. Командир корпуса, командир полка, все начальство, полевое и штабное... И даже замминистра путей сообщения. Зачитывают приказ министра обороны о награждении солдат и сержантов, отразивших атаку... подавивших фашистский мятеж... за заслуги перед отечеством... Тогда я получил две медали, причем одну — «За отвагу».

Награды у меня разные, некоторые – ни за что. Например, в июне 1956 года нас отправили в Познань перекладывать трамвайные пути. Вдруг как-то ночью влетает какой-то майор: «Мать вашу, спите, а в Познани контрреволюционный мятеж! Ваша задача — перекрыть такие-то улицы». Но, по большому счету, там особых боев не было, а мы так вообще в основном только документы у местных проверяли. Пострелять пришлось лишь один раз: там одну узкую улочку поляки перегородили баррикадой и стреляли по нам из-за нее. Тоже мне, 1905 год устроили... Но за Познань мне дали польский крест «Виртути милитари». Затем, уже из дисбата (я тогда первый раз в дисбате был), отправили нас «добровольцами» подавлять «контрреволюционный мятеж» в Венгрию. Вот там пришлось повоевать по-настоящему, даже ранение получил. И за Венгрию тоже награду дали. А потом началась вся эта заварушка в Африке.

Африканская одиссея

30 июня 1960 года бельгийская колония Конго (ныне Заир) объявила о своей независимости. Во главе страны стал один из лидеров Национального движения Конго Патрис Лумумба. Он назначил командующим Форс Пюблик — колониальной Народной армии — своего родного дядю Виктора Лундулу, бывшего военного санитара. Начальником штаба стал сержант Жозеф Мобуту. А уже 4 июля солдаты независимого Конго вышли из-под всякого контроля. По всей стране начались грабежи и массовые убийства бельгийцев. Однако Советский Союз моментально признал независимость Конго, выделил десять миллионов долларов и отправил туда военную помощь — грузовики, военную технику, своих солдат и офицеров, в общей сложности 3 тыс. человек. Операцию проводило Главное разведуправление Министерства обороны. Два военных транспорта — N24 и N26 — вышли 3 июля из Кронштадта. На борту одного из них был Ян Сперскис. Всем советским солдатам выдали комбинезоны из «чертовой кожи», береты синего цвета, как у учащихся ФЗУ, и рубашки в клеточку — «канадки», как их тогда называли. Личного оружия не выдали, хотя в грузовых отсеках разместился целый арсенал — от ракетниц до зенитных орудий. На борту был и десяток бронеавтомобилей образца 1945-1950 годов. Над транспортами развевались флаги торгового флота СССР... В плавании, которое длилось две недели, усиленно учили французский язык. Запоминали в основном технические термины по автоделу и железнодорожному транспорту.

Тем временем бельгийцы не стали терпеть насилия над своими соотечественниками. Да и сам Лумумба уже 9 июля обратился за поддержкой к Бельгии, с которой был заключен договор о военной и финансовой помощи. 13 июля 1960 года бельгийские парашютисты генерала Гейсена, высадившись в аэропорту Леопольдвиля Нджили, за 48 часов подавили мятеж конголезских солдат. В порт Матади вошли 4 бельгийских корвета и открыли огонь. Одновременно город бомбили самолеты бельгийских ВВС. Бельгийцы жестоко мстили за убийства соотечественников.

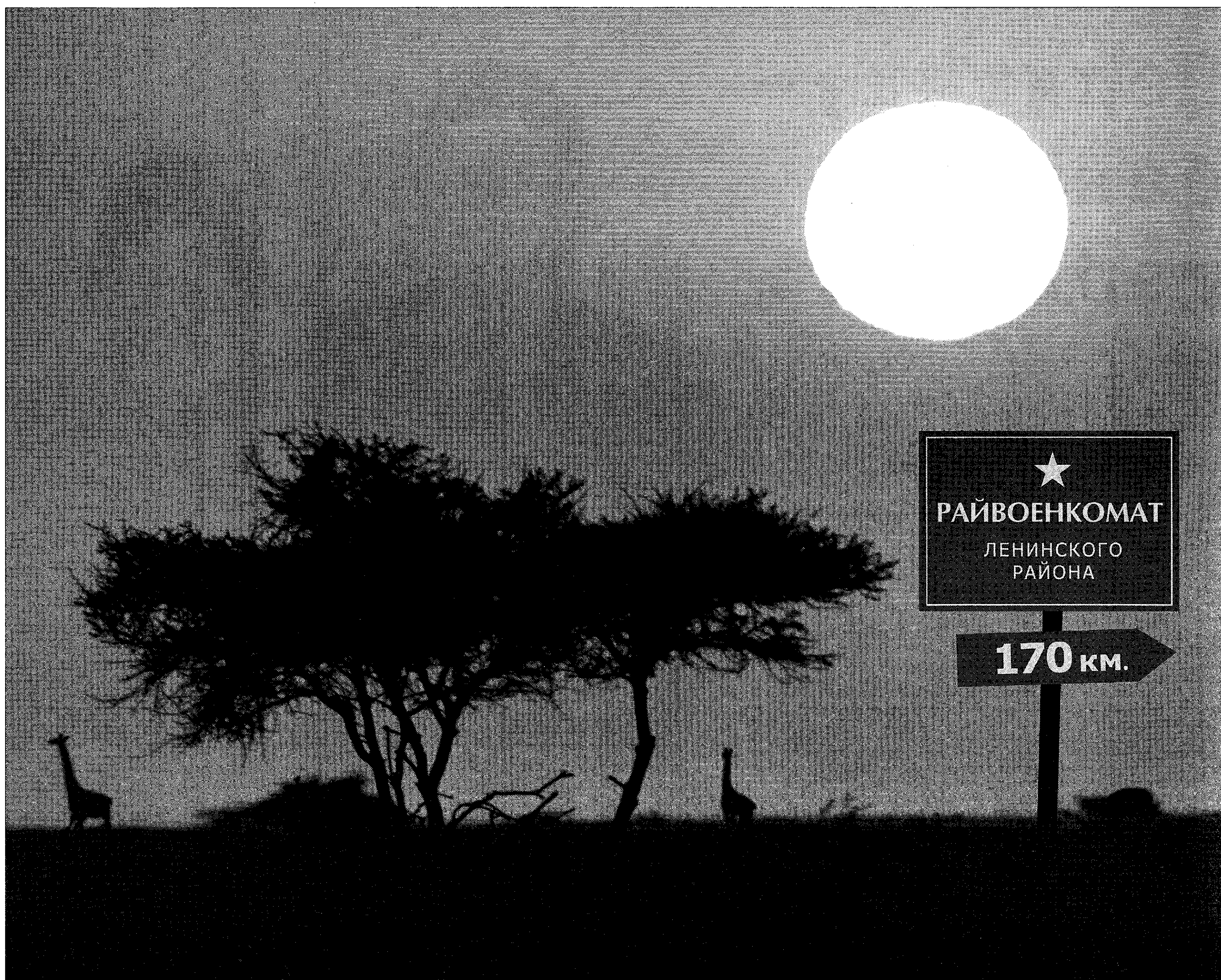
Ночью 18 июля 1960 года советские транспорты, не имея представления об обстановке (шли в режиме полного радиомолчания), вошли в порт Матади. Бельгийцы хоть и не ждали такого поворота событий, но не растерялись. По советским кораблям дали предупредительный залп, заставили бросить якоря, а затем всех, кто был на борту, интернировали. Катера бельгийского флота отвезли советских солдат на берег, там их посадили в товарные вагоны и отвезли под конвоем в лагерь бельгийских командос среди джунглей, неподалеку от границы с Французским Конго. Бельгийцы за один день намотали вокруг лагеря колючую проволоку, поставили вышки с пулеметами и прожекторами.

— Жизнь в лагере оказалась не слишком тяжелой. Кормили сытно, больным оказывали всю необходимую медпомощь, в палатках были вентиляторы и радио, а по вечерам в кино крутили французские комедии. Жили в больших тропических палатках, офицеры отдельно — в щитовых деревянных домиках. Командиры все твердили: «Родина про нас помнит, нас освободят». Но месяц шел за месяцем, а Родина про нас не вспоминала. Жаловаться было не на что, но мучила неизвестность и сам факт нахождения в лагере для военнопленных. И тогда некоторые решились на побег.

В этом лагере нас было человек 650. Бежать решились примерно 250-300 человек. Готовились долго — наблюдали за часовыми, за бельгийскими военными... И вот 16 августа 1960 года в 4 часа 30 минут (никогда не забуду!), душной африканской ночью, когда даже часовые на вышках кемарили, мы все, держа в руках заточки, вооруженные двумя десятками жердей — подпорок от палаток, бросились к воротам лагеря и к вышкам. Расстояние в 100-150 метров преодолели быстрее, чем любой олимпиец на соревнованиях... На выходе из лагеря творился настоящий кошмар. Ночной рукопашный бой. Помню, как проткнул кого-то заточкой, схватил оружие, стрелял... Вырвались практически все, только человек, наверное, десять наших погибли. У охраны забрали оружие. Еще оружие мы захватили в кемпинге, где жила охрана. Затем рванули к стоянке техники, захватили джипы. Мы, кстати, очень долго высматривали, где и какая у бельгийцев стоит техника. Карта у нас была, ее задолго до этого украли у одного бельгийского офицера. В 25-30 километрах от нас — река Конго, граница между Бельгийским и Французским Конго. Мы — туда. Повезло: паром стоял у нашего берега. Мы загнали джипы на паром, вывесили на нем белый флаг и заставили переправить нас на французский берег. Там нас сразу же окружили вооруженные французы и заставили сдать оружие. Вскоре на самолете прилетела большая группа офицеров. Всех раненых тотчас куда-то увезли. А мы остались ждать решения своей судьбы. Уже на следующий день нам предложили подписать контракт сроком на три года о зачислении во французский Иностранный легион. Многие согласились — прибалтам, да еще детям врагов народа, особо нечего было терять. Тогда же я познакомился с капитаном Роже Люнгвицем, офицером французского Иностранного легиона, нашим будущим командиром батальона.

В те годы Франция вела ожесточенные колониальные войны, в основном как раз силами своего Иностранного легиона. Поэтому потребность в людях была велика, да и сам легион тогда достиг своей рекордной численности — более 100 тыс. человек. Из Конго самолетами новобранцев перебросили на базу легиона в алжирский город Оран, потом во Францию, в Лион. За две недели обмундировали, обучили владеть французским оружием и на самолетах доставили в Сахару, в маленький городок Таманрассет. Так началась полуторагодичная эпопея на алжирской войне. Чтобы представить, через что пришлось пройти, скажу, что из 300 человек группы к 1962 году в живых осталось только 64 бойца.

Офицерами в легионе были, конечно, французы, в основном уроженцы колоний. Сержантский состав (капралы) — бывшие немцы-эсэсовцы, полицаи всех национальностей из СССР, солдаты и офицеры национальных дивизий СС «Литва», «Латвия», «Эстония», «Галичина», мусульманской дивизии СС «Анчар». Легион принимал всех, не интересуясь прошлым человека и такими мелочами, как документы. Несмотря на столь пестрый состав, на то, что в недавнем прошлом эти люди зачастую воевали друг против друга, национальной вражды между легионерами не было. А объяснялось все по-французски. Повоевать нам пришлось и в городах, и в голой пустыне.

Вообще, я считаю, что если бы не Советский Союз, никогда не было бы войны в Алжире. Это СССР спровоцировал арабскую страну, точнее, колонию, на конфликт с Францией. Разговорами о свободе, о строительстве социализма советские агитаторы толкнули этих темных кочевников в пекло войны, снабдили оружием, поддержали финансами.

Самыми тяжелыми были бои в пустыне, в нечеловеческих условиях. Арабы атаковали нас «верблюжьей кавалерией» — весьма эффективный прием в условиях пустыни. Верблюжью кавалерию мы встречали огнем автоматов, пулеметов и минометов, освещая ночью прожекторами со спецмашин. Сразу взлетали самолеты и вертолеты, бросали 10-килограммовые бомбы. Применялся вахтовый метод: неделю-другую — на базе в оазисе, столько же — на заставах в пустыне. Американские и французские винтовки, стоявшие на нашем вооружении, оказались ненадежными: легко засорялись песком и отказывали. Поэтому всегда надо было иметь что-нибудь на замену. Уважением пользовались «шмайссеры», которые захватывали у арабов. Задействовали и немецкие пулеметы времен войны. Для рукопашных использовали тесаки длиной 112 сантиметров от бельгийской винтовки «пежо» образца 1914 года. Против сабель арабов это было эффективно. Лучшими мастерами фехтования считались немцы. Но все же чисто рукопашные бои были редкостью.

Конечно, в чисто военном отношении Франция превосходила противника по всем статьям — в бронетехнике, самолетах, стрелковом вооружении. Кроме того, ее поддержали союзники по НАТО. Поля и пустыни Алжира были усеяны сотнями тысяч мин. Все караванные тропы контролировались самолетами и вертолетами. Любое скопление людей и верблюдов бомбилось и расстреливалось. Феддаины (партизаны) в основном действовали в крупных городах — Оране, Аннабе, Хасси-Мессуде и в столице — Алжире. В узких улочках они внезапно открывали стрельбу по патрулям, убивали всех французов и земляков, которые поддерживали Францию. Это делалось с расчетом запугать всех, в первую очередь европейское население страны. Они стреляли из-за угла, бросали оружие и скрывались на поджидавшем автомобиле. При блокировке квартала, откуда велась стрельба, обыски ничего не давали. Мы просто забирали молодых парней и сдавали их в полицию. Во время тех городских стычек моя рота потеряла пятнадцать человек, в том числе двух литовцев — моих земляков.

Во время боев в пустыне ни одна из сторон пленных не брала — их некуда было девать. Своих раненых делили на две категории — «живые раненые» и «мертвые раненые». К последним относились «безнадежные», которых добивали. Тела погибших французов вывозились во Францию, прочих хоронили на месте. Крест часто делался на основе пулеметного ствола. Однажды легионеры захватили в плен советского военного советника. Он бегло разговаривал по-арабски и был для достоверности даже обрезан. Его опознал одноклассник, земляк-тамбовец, оказавшийся в легионе. Пленного накормили, напоили и, дав верблюда, сказали: «Скачи отсюда!»

Мы ничего не платили за питание, и кстати, оно было отменным. Для некоторых легионеров повара даже готовили их национальные блюда. За все время боев в пустыне батальон потерял около семидесяти человек убитыми. Раненых было примерно вчетверо больше. Страдали также от дизентерии и малярии.

Повстанцы-арабы были решительны и жестоки, сила оружия уже не могла поменять ход истории. Франция проиграла войну, и 1 мая 1962 года французские войска были выведены из Алжира. За победу руководителю Фронта национального освобождения Ахмеду бен Белле было присвоено звание Героя Советского Союза! А легионеры-«алжирцы» около пяти месяцев отдыхали в Лионе — слушали концерты и ходили в рестораны. Их обследовали социологи, психологи и другие специалисты.

Ян Сперскис еще полтора года служил в легионе. Затем уволился и работал инструктором пулеметного дела на Мадагаскаре. Потом несколько лет жил во Франции. А в 1968 году решил вернуться домой. Формально это было невозможно — ведь, с официальной точки зрения, отправленных в Конго советских солдат попросту не существовало в природе. А тут еще служба в Иностранном легионе — вещь для советского человека вообще запредельная. Выручило соперничество двух спецслужб: операцию по отправке войск в Конго в 1960 году проводило ГРУ, не согласовав ничего с КГБ. И вот в 1968 году комитет в порядке мелкой мести позволил бывшим советским солдатам вернуться в СССР. В результате Ян Сперскис вернулся на родину довольно легко — «органы» только заставили внести 10 тыс. долларов в Красный Крест и Фонд мира, дать подписку «о неразглашении» и вытравить татуировку Иностранного легиона на руке. Вернувшись, Сперскис вновь поселился в Могилеве — там, откуда его почти 20 лет назад призвали в армию. Всего в СССР из легионеров вернулись 32 человека. Двенадцать оказались в Беларуси, восемь из них, включая Сперскиса, — в Могилеве.

За три года службы в легионе (полтора из них — в Алжире) литовский немец Ян Сперскис получил 25 тыс. долларов, три награды за храбрость и мужество (в том числе медаль Victoria), звание сержанта, контузию позвоночника средней тяжести и тропическую лихорадку. А еще — кличку Бешеный.

Непонятная история

С возвращением в СССР приключения Яна Сперскиса не закончились. В Могилеве он работал инженером по рационализации в облремстройтресте. В 1978 году при проверке состояния дел в подведомственных тресту РСУ Сперскис обнаружил злостные нарушения со стороны руководства. Конфликт замять не удалось, дело дошло до разбирательства на открытом партсобрании. Главный инженер треста оскорбил Сперскиса. Темпераментный литовец на глазах изумленного зала «вырубил» обидчика несколькими ударами из арсенала джиу-джитсу. После чего сам рухнул без сознания. Прибывшая «скорая» констатировала инфаркт.

Что произошло дальше — до сих пор не совсем понятно. Все участники этой истории рассказывают о последовавших событиях крайне неохотно. В целом картина выглядит примерно следующим образом. Пока старый воин лежал в больнице, в «Могилевской правде» с подачи местных партийных боссов был напечатан фельетон, в котором Сперскис был облит грязью, а сцена на партсобрании искажена до неузнаваемости. Состоялся суд, вынесший Яну Сперскису приговор — год принудительных работ с удержанием 20% зарплаты. Сперскис потребовал справедливости, но и в газете, и в местных органах власти его просто отфутболили. И тогда весенним утром 1979 года он вошел в редакцию «Могилевской правды» с израильским автоматом «Узи» и двумя ручными гранатами. Распахнув дверь в кабинет редактора, он дал длинную очередь и ворвался внутрь. Под прицелом автомата редактор написал: «Фельетон не соответствует действительности, он искажает факты, произошедшие в «Могоблремстройтресте». Виновные в его выпуске без проверки фактов наказаны в партийном порядке. Редакция приносит Сперскису свои извинения». Ян вышел из кабинета, развернулся, дал еще одну очередь и уехал на поджидавшей его машине. Оружие отдал друзьям, переоделся и отнес полученную от редактора бумагу в областную прокуратуру.

Примчавшаяся в редакцию милиция, несмотря на клятвенные заверения редактора и секретарши, так и не смогла подтвердить факт стрельбы. Пулевых отверстий не было — Сперскис стрелял холостыми патронами. Но еще важнее было отсутствие стреляных гильз — очевидцы ведь говорили, что стрелявший ничего не собирал на полу. Тем не менее гильз не было. Откуда милиционерам в конце 70-х было знать, что предназначенный для спецопераций автомат «Узи» оснащается специальным гильзоприемником... Следствие по этому инциденту закончилось ничем.

15 лет Ян Сперскис требовал пересмотра решения суда. Получил 76 отказов. И только в 1994 году был реабилитирован.

Для служебного пользования

Доложить

Политик, банкир, гэбист...

Бывшие руководители Афганистана живут в Минске

Андрей АЛЕКСАНДРОВИЧ

«Беларусь придает важное значение развитию связей с Афганистаном, и мы уверены, что наши страны смогут использовать имеющийся потенциал, чтобы вывести отношения на качественно новый уровень». Это выдержка из поздравительной телеграммы, которую в конце июня Александр Лукашенко направил президенту Афганистана Хамиду Карзаю. И насчет «имеющегося потенциала» глава нашего государства не врал: в Беларуси в настоящее время живут несколько высших руководителей Афганистана.

Представитель управления Верховного комиссариата ООН по делам беженцев в Беларуси Богдан Нагайло (слева) и председатель Международного благотворительного фонда «Помощь афганским беженцам, афганская община и землячество» Сафи Сайфурахман

Политик

В одном из общежитий Белорусского национального технического университета (так сейчас называется бывшая Белорусская государственная политехническая академия) среди вечно суетящихся вихрастых студентов и уставших от учебы и неразделенной любви студенток можно встретить моложавого мужчину. Его виски посеребрила седина, а взгляд, несмотря на приятную улыбку, постоянно вдумчив и серьезен. Серьезность можно объяснить тем, что он аспирант. Если, конечно, не знать этого человека ближе. Зухур, а именно так уважительно величают его вахтерши, — один из бывших руководителей Народно-демократической партии Афганистана.

В 1976 году Абдул Зухур Размджо окончил Кабульский политехнический институт по специальности инженер-гидротехник. После падения режима Амина в 1979 году стал первым секретарем горкома партии Кабула — членом Политбюро ЦК Народно-демократической партии Демократической Республики Афганистан. Этот пост он занимал в течение восьми лет. В 1987-1989 годах Абдул Зухур Размджо был секретарем ЦК НДПА и по совместительству — вице-спикером парламента. А потом...

1989 год стал переломным для всех граждан Афганистана, признавших новую власть. С уходом ограниченного контингента советских войск, который по своей поспешности напоминал бегство, Демократической Республике Афганистан была предоставлена практически неосуществимая возможность противостоять многовековым традициям исламского фундаментализма, насаждавшимся моджахедами. Технический прогресс, интеллект и стремление к цивилизованному развитию общества подменялись старыми устоями и канонами, клановостью, а также неприятием всего нового. Неолудиты в чалмах признавали лишь одну власть — власть автомата. В таких условиях бывшим строителям нового государства было рискованно оставаться в своей стране. Но они оставались. Остался и Зухур. В Кабуле его знали как человека, который всегда работал для других, а потому уважали и ценили.

Так продолжалось до 1998 года, пока город Пул-е-Нумри, где он в то время находился, не захватили талибы. В Зухуре они увидели врага, и хотя от политики бывший первый секретарь давно отошел, его признали советником генерала Дустума и взяли в плен. Далее были кандалы и темница. Неизвестно, чем бы эта «отсидка» завершилась, если бы не «хромая» дисциплина в армии экстремистов. Изменилась оперативная обстановка, и талибы были отброшены из Мазари-Шарифа, оставив пленника на попечение лояльного полевого командира. Тот, недолго думая, продал Зухура за определенное вознаграждение его родственникам. У получившего свободу Размджо много времени на раздумья не было. Тем более что он — пуштун, а пуштунов в войсках Северного альянса тоже не жаловали, и потому у него не оставалось другого выхода, как покинуть территорию Афганистана.

Пытаясь возродить старые связи, Абдул написал российскому президенту. В свое время первый секретарь Кабульского горкома очень часто и тесно общался с первым секретарем Московского горкома Ельциным, но Борис Николаевич не откликнулся. Тогда Зухур переехал в Минск, где поступил в аспирантуру БГПА, получил статус беженца. В начале прошлого года ему удалось переправить в белорусскую столицу жену и пятерых детей. Еще год назад Зухуру казалось, что вернуться на родину будет уже невозможно. И вот теперь он первым из полуторатысячной диаспоры белорусских афганцев заполнил анкеты Международной организации по миграции с просьбой отправить его на родину.

«До начала антитеррористической операции мне было нечего делать в Афганистане, — говорит Зухур. — Однако после того, как Управление Верховного комиссариата ООН по делам беженцев обратилось ко всем эмигрантам-специалистам с предложением поехать домой, пусть сперва и не на большой срок, чтобы восстанавливать разрушенные 20-летней войной промышленность, экономику, сельское хозяйство, я захотел помочь своему народу. Не как представитель власти. Нет, хватит! Я — инженер, моя жена — учительница. Мы и нам подобные должны восстанавливать свою страну. Надо отбросить свои амбиции и делать дело всем миром. Глава временного правительства господин Карзай стал президентом, и это хорошая тенденция. Афганистану нужна центральная власть, которой не было со времен Наджибуллы. Но это должна быть афганская власть, а не американская. Ведь американцы в Афганистане никогда не победят. Они могут являться третьей стороной, но не выступать на стороне одной из двух сил, существующих в нашей стране. Надо с точки зрения ислама объяснять людям, что Бен Ладен — террорист, что он — плохой, а не пугать и не предлагать деньги, этим ведь ничего не добьешься. Необходимо вернуть короля, создать парламент и благодаря международной поддержке возрождать экономику. Главное — чтобы не было возврата к прошлому. Ведь Северный альянс — это моджахеды, которые воевали против Бабрака Кармаля и Наджибуллы. Если вновь возникнет какое-нибудь противостояние, ни к чему хорошему это не приведет. Все устали от войны и пора жить в мире. Я же хочу вернуться домой. У меня там мать, братья, оставшийся от отца цитрусовый сад. Но основная причина в том, что я знаю, что смогу приносить своему народу пользу. Вот только ответ на мой запрос что-то долго не приходит...»

Банкир

В доме, где снимает квартиру Басир Раньджбар, многие знают его по имени и вежливо подсказывают, как к нему пройти. Раньджбару довелось немало попутешествовать по свету и приобрести опыт, который оценить очень сложно. В 1966 году он окончил экономический факультет Кабульского университета. В 1971-м по программе международного обмена поступил в Киевский институт народного хозяйства и, окончив его с отличием, продолжил обучение в аспирантуре.

В 1979 году Басир Раньджбар вернулся на родину и стал членом подполья, которое боролось с режимом Амина. После свержения шаха у молодой Народно-демократической Республики Афганистан стали налаживаться дипломатические отношения с другими государствами, и Раньджбар был назначен временным поверенным в делах Афганистана в Иране. На этом посту он работал с 1981-го по 1985 год, затем вернулся домой и в ранге министра возглавил Центральный банк Афганистана.

В 1992 году после свержения режима Наджиба и прихода к власти Северного альянса Басир Раньджбар вынужден был уехать в Россию, а в 1996-м по совету друзей приехал в Минск. В белорусской столице с женой и двумя детьми он живет до сих пор. Периодически дает экономические консультации белорусским фирмам, оплачивает визу, так как не имеет статуса беженца. Беларусь же считает своей второй родиной. Однако возвращаться на первую родину пока не собирается.

«У нынешних моджахедов изменились лозунги, но не изменилась сущность, — считает Басир Раньджбар. — Сейчас в Афганистане нет центральной власти, и говорить о возвращении туда пока рано. Ситуация нестабильна, и она напоминает ту, которая была после свержения Наджиба. Каждый полевой командир сам себе хозяин, каждый волен делать, что хочет. И хотя большинство из нас мечтает вернуться на родину, в нынешних условиях это опасно. Сначала в Афганистане должна появиться устойчивая власть. И только тогда, при наличии специалистов и инвестиций, можно говорить о восстановлении экономики. Ведь сейчас там разрушена вся инфраструктура».

Полковник

Сафи Сайфурахман Мухамад Хасан, несмотря на свою бывшую профессию, человек очень открытый. Поступив в 1974 году в Белорусский политехнический институт, через 6 лет его окончил. Далее — возвращение на родину, а с 1982 года — работа в отделе кадров ЦК заместителем начальника управления Совмина, потом — начальником управления строительства правительства Афганистана. В 1985 году его направили на двухгодичные курсы повышения квалификации в Высшую школу КГБ в Москве. Следующая должность — замначальника управления аналитики Министерства госбезопасности Афганистана, одного из самых секретных управлений этого ведомства. 19 декабря 1990 года полковник госбезопасности Сафи Сайфурахман покинул свою страну и снова приехал в Минск. Теперь он является председателем Международного благотворительного фонда «Помощь афганским беженцам, афганская община и землячество».

«Люди, с которыми мы боролись, сейчас у власти, — говорит Сафи Сайфурахман. — И они до сих пор не изменились, хоть и встали под знамена Северного альянса. Многие наши товарищи остались жить в Афганистане, их даже талибы не трогали. Мы поддерживаем постоянную связь со своей страной, и сейчас выясняется, что эти люди начинают пропадать. О каком возвращении в таких условиях может идти речь? Полевые командиры, привыкшие к общению с более податливыми людьми, видят в специалистах-государственниках конкурентов. В такой ситуации мы лучше будем находиться в режиме выжидания. Пусть все нормализуется. В принципе Беларусь — очень хорошая страна, здесь живут спокойные, добрые люди, но мы все-таки мечтаем вернуться домой. Хотя в ближайшей перспективе эти мечты вряд ли воплотятся в реальность».

«Кидалово» по-советски

Практически вся афганская диаспора, осевшая в Беларуси, состоит из людей, когда-то доверившихся Советскому Союзу, получивших здесь высшее образование и мечтавших создать свое государство, в какой-то мере похожее на СССР. Этого им сделать не удалось. Вывод советских войск из Афганистана оказался обыкновенным «кидаловом» для десятков тысяч афганцев. Экзюпери у нас читали и часто цитировали, но об ответственности «за тех, кого приручили», мы как-то не задумывались. В итоге афганцам пришлось эмигрировать из своей страны. Только вот на постсоветской территории с радушием их не встретили — мол, своих проблем по горло. А в пограничных структурах и вовсе назвали мигрантами, от которых до определения «нелегальный» — один шаг.

Они так и остались — не свои и не чужие. А определить их геополитический статус может лишь Афганистан.

Для ознакомления

Государственная граница Александра Янкова

Антон СИДОРЕНКО

Белорус Александр Янков внимательно следит за телерепортажами из приграничных районов Афганистана и Пакистана и с горькой улыбкой слушает бодрые рапорты офицеров США об успехе операции «Возмездие»...

В его жизни этот регион сыграл особую роль.

— После окончания Академии имени Фрунзе я только-только приехал в Алма-Ату, как меня вновь вызвали на учебу, — рассказывает Александр Макарович. — Отказывался, не хотел ехать, но оказалось, что в Главное управление округа пришла телеграмма примерно следующего содержания: «Подыскать и отправить для учебы в Москву двух офицеров. Требования к кандидатурам: не старше 35 лет, высшее военное образование, должность замначштаба отряда или офицер управления округом, склонность к изучению иностранных языков, по состоянию здоровья способность выполнять обязанности в условиях резко континентального климата и в экстремальных ситуациях. Подпись — Андропов». В общем, мне объяснили, что перехожу в подчинение КГБ и что после шести месяцев обучения меня отправят в одну из ближневосточных стран. Сразу догадался, что в Афганистан.

Мне и еще одному офицеру приказали явиться в Москву — в какой-то МУЦ. Оказалось, что МУЦ — это Международный учебный центр, специальная учебная база Высшей школы КГБ имени Дзержинского. Там я встретил многих однокашников еще по училищу. Зачем вызвали, чему будут учить — никто ничего не знал. Потом выяснилось: при ВШ КГБ создан факультет для высшего командного состава...

Учеба длилась не шесть месяцев, а два года. Оперативная подготовка, юриспруденция, международное право, дипломатическая деятельность, страноведение, востоковедение, углубленное изучение фарси (персидского языка, который является основным языком в Афганистане). За два года офицеры прошли пятилетнюю программу Института иностранных языков, хотя язык трудный — со сложной системой времен, особым произношением и письменностью.

Кабульская жара

1981 год. После получения очередного, уже третьего в жизни, диплома — вылет на транспортном Ил-76 в Кабул. Без семей.

— Первое впечатление от Афганистана: опускается рампа, и в самолет врывается жуткая жара. При распределении по местам службы, как всегда, сыграл «человеческий фактор»: те, у кого были «подвязки» в командовании, получили места поближе, а то и в самом Кабуле. Мне и моей группе из четырех человек, где я был старшим, достался городок Ургун, центр провинции Пактика на самой границе с Пакистаном, где располагалась афганская пограничная бригада, которую предстояло «консультировать». Нашей армии там не было, ближайшие советские части находились километров за 150. Добраться в Ургун можно было только на вертолете. Мы долго не могли выбраться из Кабула — афганцы боялись лететь, и подбросить нас согласились только советские вертолетчики. Летели на Ми-8, по сторонам нас прикрывала еще четверка Ми-24. Летели ниже гор, через ущелья. Приближаемся к Ургуну — и видим, что как раз в этот момент город обстреливают с гор и что посадочная площадка под огнем...

Советские советники расположились на вилле, которую построили еще до войны западные немцы. В мирное время эта местность была зоной влияния ФРГ. Сам Ургун в 1981 году представлял собой несколько небольших вилл, позиции пограничной бригады в старинной крепости и небольшой базарчик. Официально члены группы Янкова считались советниками пограничных войск Афганистана. Главной задачей советских пограничников являлось прикрытие участка линии Дюранда.

Специальная информация

12 ноября 1893 года эмиром Афганистана Абдуррахмен-ханом и британским представителем М. Дюрандом в качестве границы между Британской Индией и Афганистаном была принята так называемая линия Дюранда, которая в настоящее время является границей между Афганистаном и Пакистаном. Линия Дюранда разделила пуштунские племена, многие остались в Пакистане, где в Северо-западной пограничной провинции они составляют большинство населения. Из-за доминирования пуштунских племен приграничные области Афганистана и Пакистана имеют почти официальное название — Пуштунистан. Именно пакистанская часть Пуштунистана впоследствии стала родиной движения «Талибан». Многие талибы прошли подготовку в пограничных войсках Пакистана.

— Отправляя в Ургун, нам говорили просто: выплывете так выплывете. Даже положенного по штату переводчика не было. Не было в нашем районе ни партийных, ни молодежных советников. Очень нам помог проявленный с нашей стороны интерес к этой стране, то, что мы показывали свое уважение к исламу, местным обычаям. Начал я со знакомства с местными авторитетами: местной властью, религиозными деятелями и вождями племен. На территории, где мы работали, основное влияние имело пуштунское племя Джадран, которое насчитывало в те времена около 16000 человек. Беседа с аксакалами проходила по неизменной схеме. Вначале предлагаешь им чай со сладостями, особенно нравилось старцам сгущенное молоко советского производства. За чаем больше часа могла длиться беседа на разные малозначащие темы. И только потом, в конце визита, собеседник четко ставил интересующий его вопрос, и на него нужно было так же четко ответить. В Афганистане решать дело сразу — оскорбление для собеседника.

Военный советник Янков (в гражданской одежде)

Специальная информация

Александр Макарович Янков — уроженец Буда-Кошелевского района Гомельской области. После окончания школы в 1962-1964 гг. учился в горнопромышленном училище и работал на шахте в г. Енакиево (Донбасс). В 1964 году был призван на срочную службу в пограничные войска. 1965-1969 гг. — курсант Алма-Атинского высшего пограничного командного училища. В 1969-1975 гг. служил в пограничных войсках на границе с КНР, вначале заместителем начальника, а потом и начальником заставы, командиром мото-маневренной группы на Памире. 1975-1978 гг. — учеба на факультете пограничных и внутренних войск Академии им.Фрунзе в Москве. 1978-1979 гг. — служба в органах управления Восточным пограничным округом. 1979- 981гг. — учеба в Высшей школе КГБ СССР им.Дзержинского. 1981-1984 гг. — старший советник погранвойск Демократической Республики Афганистан. 1984-1999 гг. — служба в погранвойсках СССР и Республики Беларусь. Женат, имеет сына и внука.

Ликбез от Янкова

Моджахеды воевали за деньги: за каждый выстрел пулеметчик противоборствующей стороны получал 5 афгани. Однако некоторые воевали против новой власти по идейным соображениям: среди таких часто попадались помещики или офицеры прежнего режима. Отношения между противниками были запутанными, часто друг против друга сражались родные братья. Но пуштуны — торговцы по своей природе — охотно продавали информацию в обоих направлениях. Лидеры племен часто пытались использовать регулярную армию в собственных «разборках». Например, в надежде направить против враждебного племени правительственную авиацию приходили к советникам с заявлением, что в таком-то кишлаке находится база оппозиции... Конфликты между племенами чаще всего возникали из-за природных ресурсов. В бедной на растительность стране для межплеменной розни достаточно было вырубленного на чужой территории дерева или потравленных посевов.

С другой стороны, пуштуны — прирожденные воины. В люльку ребенку мужского пола вместо погремушки они кладут автомат, потому что автомат здесь — средство выжить. Оружие продается на каждом углу, поставка его в начале 1980-х шла из Китая, арабских стран, из СССР. Если нужного образца вооружения сегодня на базаре нет, необходимый товар доставят по заказу и точно в срок.

Живут пуштуны по Корану и Адату — особому древнему своду законов и правил. Пример: владельцы многих лавок в Ургуне сбежали от революции в Пакистан, но оставленное без присмотра имущество никто не трогал — строгие законы шариата и Адата предусматривают смерть за любое воровство. У обычного пуштунского мужчины — до семи жен, хотя официально, по шариату, он может иметь только четыре жены. Замуж девочек выдают в 10-12 лет. Причем жену покупают в буквальном смысле на вес: ее ставят на чашу больших базарных весов, а на другую чашу складывают деньги до тех пор, пока они не уравновесятся... Каждая пуштунская семья состоит из 10-30 мужчин (женщины в составе семьи не учитываются, и даже самый образованный афганец, отвечая на вопрос о количестве своих детей, назовет только число мальчиков). 10-20 семей составляют род. Племя состоит минимум из нескольких десятков родов, то есть из 2-3 тысяч прекрасных воинов. Воевать с ними может только сумасшедший противник...

Смыть позор, по Адату, можно только кровью. Если на базаре один мужчина внезапно вскинет автомат и убьет другого, никто из окружающих даже не шевельнется. Советник Янков сам был свидетелем такой ситуации. Кровную месть можно остановить только в двух случаях: если в племени умер мужчина, представитель противника должен пробраться на похороны и дотронуться до покойника прежде, чем того похоронят. Сделать это практически невозможно. Второй вариант: отдать во враждебное племя замуж самую прекрасную девушку. Другой интересный обычай — если вас преследуют враги, вы можете постучаться в любой пуштунский дом, и хозяева будут защищать вас до последнего человека. Иначе на дом падет несмываемый позор. Гость будет обеспечен всем, что только есть у хозяев, но как только вы покинете территорию племени — бегите как можно быстрее: вы перестали быть гостем, и бывшие радушные хозяева могут пуститься в погоню, чтобы убить или ограбить вас за пределами своих владений...

Земля горит под ногами

2-3 раза в неделю советникам приходилось участвовать в боевых операциях. Для этих целей в подчинении Александра Янкова была афганская пограничная бригада, включавшая до тысячи человек, с собственным командованием. Через линию Дюранда шли караваны с оружием, которые каждый раз с боем и пыталась перехватить пограничная бригада. Иногда в ургунскую крепость в качестве трофеев привозили в буквальном смысле горы новейшего оружия. И все-таки, как рассказывает Александр Макарович, самый тяжелый эпизод работы в Ургуне был связан с доставкой продовольствия. Как-то кабульские генералы, не посоветовавшись с Ургуном, подготовили целую войсковую операцию по доставке продовольствия: была сформирована колонна из более чем полутора сотен «КамАЗов» с прицепами. Для охраны к конвою были привлечены подразделения пехотной афганской дивизии, спецчасть афганских командос, танковый полк и инженерно-саперный батальон. Операция готовилась в строжайшей тайне, но, как было типично для той войны, это являлось тайной только для своих.

Трасса от Кабула до Ургуна растянулась на 200 километров. На пути дорога проходит по глубокому ущелью протяженностью километров четырнадцать. По всему ущелью засели пакистанские малиши («чернорубашечники», что-то вроде народного ополчения), к ним присоединились местные группировки, узнавшие, что на караване можно неплохо поживиться. Засаду разместили на склонах ущелья на всем его протяжении— в три эшелона с каждой стороны.

Янков должен был встречать колонну на подступах к Ургуну, однако точное время прибытия конвоя «в целях секретности» ему не сообщили. О начавшемся бое он догадался тогда, когда со стороны дороги послышались взрывы.

— По одной и той же дороге в Афганистане ходить нельзя — ваш след тут же минируют. Когда мы шли на помощь конвою, я первый раз в жизни ощутил на себе выражение «земля горит под ногами» — пятки в буквальном смысле горели: а вдруг наступишь на мину? Мины не только зарывали, но еще и сбрасывали с воздуха. Афганская правительственная авиация разбрасывала специальные пластиковые мины, напоминавшие и по форме, и по цвету растительность. О том, что в этой местности работают четыре советских советника, никто не думал, а потери среди местного населения в расчет не принимались.

Внезапно по нам открыли огонь. Бригада залегла. Хорошо простреливаемое пространство тянулось метров на 200, и его надо было преодолеть. Но никакие команды не помогали — солдаты не хотели подниматься в атаку: «Мушареф (советник) пойдет — тогда мы пойдем». И что вы думаете: встали и пошли через простреливаемую зону. Втроем: командир бригады, советник Андрей Братищев, с которым всегда были на операциях рядом, и я. О героизме не думали, шли как в бреду, ничего не замечая вокруг. Только потом я понял: Андрей все время находился сбоку от меня, прикрывая своим телом от выстрелов. Когда прошли самый опасный участок и остановились, подошел сапер и прямо между мной и командиром нашел фугас килограммов на 30 тротила.

На помощь мы едва-едва успели. Потери были очень серьезные: от конвоя осталось всего восемь машин, остальные или сгорели, или были разграблены.

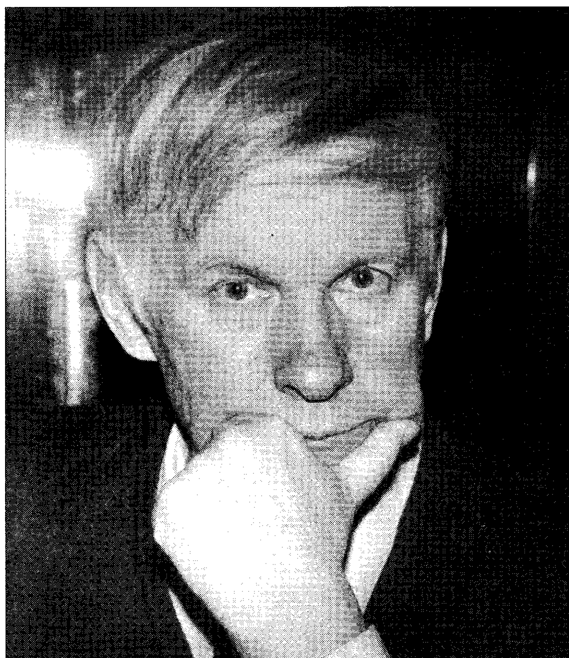
«Против нас воевали не бандиты, а народ. Силой набранные в республиканскую армию солдаты воевали против соплеменников крайне плохо. А вот когда они переходили в ряды оппозиции, то показывали чудеса боевого мастерства», — подытоживает Янков свои афганские воспоминания.

Кстати, когда его переводили из Ургуна советником в Джелалабад, местные аксакалы написали протест в Верховную Джиргу. Такие проводы были для него самой ценной наградой. Свой орден Красного Знамени Янков получил только несколько недель назад. Спустя 19 лет...

Наградить

Травля

Она началась в 60-х годах XX века

В.Корзинкин

Василь Быков

Сергей ШАПРАН

19 июня Василю Быкову исполнилось 78 лет. Вся его жизнь была вопреки — вопреки тому, что происходило в СССР тогда и происходит в Беларуси сегодня. Началось все еще в 60-х годах, когда главный печатный орган страны — газета «Правда» — опубликовал «разоблачительную» статью против Быкова. Тогда в доме писателя неизвестные выбивали окна, а в школах говорили, что Быков — едва ли не враг советского народа. Сегодня преследователи писателя идут еще дальше — они призывают вообще не печатать народного писателя Беларуси.

60-е

Быков живет в Гродно, работает в «Гродненской правде». Если в большом городе можно «раствориться», то в провинции ты у всех на виду, практически каждый твой шаг известен, и каждый раз он может истолковываться совершенно диким образом. Сам Быков позже скажет: «Жизнь художника в провинции — это особая жизнь. И хотя она несет какую-то иллюзорную свободу, тем не менее налагает на личность множество ограничений, связанных с провинциальным укладом, с отношением местного начальства, которое, в отличие от столичного, гораздо жестче и невежественнее. И потому жизнь провинциального писателя проходит главным образом в преодолении давления со стороны партийного и другого руководства».

Быков тогда находился под особо пристальным вниманием. В школы приходили люди в штатском и рассказывали ученикам (в том числе и в той школе, где учился младший сын писателя), что Быков — пособник немецких реваншистов и враг советского народа. Такие «профилактические» беседы имели результат: супругу писателя Надежду Андреевну, учительницу, со словами «Жена врага народа!» ученики закидали помидорами, неизвестные бросали в окна быковской квартиры камни.

В то же время местная интеллигенция была благожелательно настроена по отношению к земляку:

Тут штодзень дыміць азотнатукавы,
Копаць індустрыі несучы.
Тут штодзённа Быкава застуквалі
Абласнога рангу стукачы...

Быкова регулярно поносит пресса. Сам писатель признается однажды Ольге Ипатовой, также жившей в то время в Гродно: «Была или нет против меня новая статья в газете, я узнаю по тому, здоровается сегодня со мной редактор или отворачивается...» Уже тогда Василь Владимирович получил предложение из-за рубежа покинуть СССР. Но не принял его...

Основная причина начавшейся травли 40-летнего писателя такова: осенью 1965 года в журнале «Маладосць» вышла новая быковская повесть «Мертвым не больно», в 1966-м ее опубликовал «Новый мир». Именно это произведение наложило отпечаток на всю последующую судьбу писателя — с публикации повести началась, как скажет сам Быков, «большая литературная драма»: поднялась на дыбы сначала российская, а потом и белорусская пресса, созывались «народные сходы», появились «письма протеста». Быкова едва не еженедельно вызывали на «проработки» в Комитет госбезопасности и обком партии, приглашали в Минск на «профилактические» беседы к зампредседателя КГБ генералу Русаку, давили по линии Союза писателей. То был момент истины, способствовавший выявлению настоящих друзей и настоящих врагов Быкова. Одним из истовых и «профессиональных» быковских врагов стал некто Севрук. О первых шагах будущего аппаратчика ЦК КПСС, неотступно преследовавшего Быкова не один десяток лет, рассказывает секретарь Союза писателей Москвы Валентин Оскоцкий:

— В журнале «Маладосць» появляется повесть Василя Быкова «Мертвым не больно». Возбужденный аспирант Севрук носился по общежитию с журналом под мышкой, назойливо взывая едва ли не к каждому встречному: «Давай почитаю! С листа. Вслух. Остро... Разоблачительно...» Спустя несколько месяцев «Мертвым не больно» напечатал на русском «Новый мир». Оперативно откликнувшись, бдительная «Правда» заклеймила ненавистный ей журнал за публикацию повести, о которой «надо сказать прямо и бескомпромиссно как о неудаче автора». «Эта неудача — следствие серьезных идейно-эстетических просчетов писателя». Под статьей подпись: В. Севрук. (Опубликовано 27 апреля 1966 г. — **С.Ш.**) Нужно ли разъяснять, что значило в пору развитого социализма с его откатом к сталинистскому реваншу написать да еще опубликовать идейно порочное произведение?..

Кстати, сам писатель, отвечая однажды на вопрос: «Часто ли человек как таковой удивлял вас своей низостью?» — буквально сказал: «Если отвечать кратко и популярно, то — всю дорогу». Однако у Быкова были и есть друзья. Так, белорусского писателя поддержал в то сложное время Александр Трифонович Твардовский, ободривший его в письме: «Все минется, а правда останется». И именно друзья вступились за Быкова, когда в конце 60-х годов уже «Советская Белоруссия» опубликовала письмо генералов, резко критиковавших Василя Владимировича за то, что, показывая трагические стороны войны, он тем самым будто бы принижает героизм советских людей.

Вспоминает давний друг Быкова, поэт Геннадий Буравкин:

— В то время бытовало такое осуждаемое понятие как «окопная правда». Мол, это не вся, узкая правда про войну, а настоящая правда — где-то там, в генеральных штабах. Генералы считали, что Быков недооценивает их подвиг. Как будто писатель, показывавший подвиг рядовых, мог обидеть тех генералов! И тогда мы, группа писателей — Анатоль Вертинский, Иван Чигринов и Нил Гилевич (позже к нам присоединился Алесь Адамович), — написали в ЦК КПБ письмо в защиту Быкова. И с этим письмом мы пошли по белорусским коллегам.... Я до сих вспоминаю об этом с некоторым трепетом. Ведь под тем коллективным и непозволительным письмом поставили свои подписи Михась Лыньков, Аркадий Кулешов, Иван Мележ, Янка Брыль... Одно дело, когда письмо подписывали молодые, — это было само собой разумеющееся. Подписи же наших классиков, как теперь понимаю, значили многое не только для нас, но, думаю, были непростым решением и для этих седовласых мэтров. Для них это был действительно мужественный гражданский поступок... В результате мы собрали около восьми десятков подписей. Конечно, были и те, кто отказался подписаться — испугавшись, они говорили: «Быкова так ругать нельзя, но у него же есть недостатки...» Некоторые предупреждали: «Хлопцы, не надо этого делать! Подобные коллективные письма «наверху» не любят».

Кстати говоря, Михася Лынькова потом несколько лет не будут пускать за рубеж. Конечно, причину ему прямо не назовут, однако намекнут — не стоило подписывать кое-какие письма. Самого же Буравкина, когда он станет корреспондентом «Правды» по Беларуси, в ЦК КПБ начнут попрекать дружбой с Быковым — мол, почему вы, Геннадий Николаевич, приезжая в Гродно, первым делом идете не в обком партии, а к человеку, к которому у нас существуют о-о-очень большие претензии? Но Буравкин ответил: «К Быкову я прихожу по дружбе, а по службе иду в обком». И руководство самой «Правды», к его чести, защитит своего корреспондента — отвечая на претензии в адрес Буравкина, оно парирует: «Может быть, он говорит с Быковым как раз о тех вещах, которые послужат улучшению его произведений?»

Из разговоров с Василем Быковым

— Пыталась ли власть купить вас? Поступали ли предложения о сотрудничестве со спецслужбами? Или, скажем, написании повестей на «заданную тему»?

— В конце 60-х годов при очередной проработке я был вызван «на профилактику» к заместителю начальника белорусского КГБ, и тот после длительного разговора предложил мне исправиться: написать апологетическую повесть о чекистах. Я обещал подумать и стал тянуть время. Конечно, повесть я не написал, что не помешало, однако, московскому журналу «Знамя» поместить анонс с объявлением «о скорой публикации новой повести о чекистах. Автор — В. Быков».

(Повесть о чекистах потом все-таки появится — вместо Быкова ее довольно быстро напишет другой писатель.)

Тогда же состоялся съезд Союза писателей, на котором выступал и Василь Быков. В начале своей речи он сказал, что многие ждут от него такого же покаяния, какое сделал Гоможо, китайский философ, публично признавший свои идеологические просчеты. Но Быков заявил, что не намерен выступать в том же духе... Речь была честная, с чувством собственного достоинства и потому — вызывающая. По этой причине она не была напечатана ни в каких съездовских отчетах. Зато сразу попала в так называемые «списки», которые пошли по рукам сначала в Минске, а затем и в Москве.

70-е

Несмотря на наступившее после хрущевской «оттепели» «похолодание», Быков работает, по его собственному определению, «с воодушевлением — от намерения перехитрить цензуру». Но спустя годы заметит: «Наивные иллюзии!» Следует, впрочем, сказать, что две его повести, опубликованные в «Новом мире» («Мертвым не больно» и «Атака с ходу»), вышли с малыми потерями, а «Круглянский мост» — вообще без купюр. Правда, та же «Атака с ходу» потеряла авторское название — на белорусском языке повесть известна как «Праклятая вышыня», но в редакции сочли, что в слове «проклятая» заложен негатив, поэтому дали нейтральное название. Тогда же, в 70-х, кинорежиссеру Игорю Добролюбову не позволили экранизировать «Сотникова». Он вспоминает:

— Когда в печати появилась повесть «Сотников», я сразу же поехал в Гродно к Быкову. И Василь Владимирович после наших разговоров написал специально для меня сценарий. Но нас очень аккуратно «зарезали». Дело в том, что кто-то очень хитромудрый придумал, что «Сотников» — это повесть о гражданской войне в период Великой Отечественной...

Из разговоров с Василем Быковым

— Время вашего творчества хронологически совпало с периодом так называемого соцреализма. Наложил ли этот «литературный метод» отпечаток на манеру вашего письма?

— Конечно. Хотя до сих пор нет бесспорного определения соцреализма, я это понятие связываю с государственной системой подавления. Я не мог писать так, как того хотел. На пути моего «хотения» были редактура, цензура, критика да и общественное мнение, которое в массе было довольно консервативно. Сколько приходилось выслушивать всяческих нотаций не только от цензоров и редакторов, но и от читателей! Мол, что-то изображено неправильно, или, скажем, писатель льет воду на чужие мельницы!.. Если мы оглянемся на творчество таких выдающихся мастеров литературы, как Алексей Толстой и Михаил Шолохов, и других, в чьих художнических способностях мир не сомневается, то увидим, насколько стеснено было их творчество, ограничено их мировоззрение. И все это благодаря государственной системе соцреализма.

Но практически принципы соцреализма выражались не в каких-либо постулатах (постулаты как раз были иногда вполне приемлемы — например, требование писать правду о жизни), но больше в той тирании, которая следовала на уровне публикации и после нее. Если мне удалось в то время кое-что напечатать, то лишь благодаря особой позиции журнала «Новый мир» и его главного редактора Александра Твардовского. В Беларуси меня постоянно поддерживал главный редактор журнала «Маладосць» Пимен Панченко. Но всякий раз после очередной публикации («Мертвым не больно», «Атака с ходу», «Круглянский мост» и др.) следовала многолетняя кампания проработок на всех уровнях.

— Когда вам указывали на ваши «ошибки», вы что-то исправляли?

— Если я не реагировал непосредственно (хотя я не мог этого не делать, поскольку «ошибки» подчеркивались красным карандашом и произведение не пускали в набор, пока подчеркнутое не исправлялось), то при работе этот незримый редактор всегда присутствовал. По существу, происходила трудная борьба с внутренним цензором.

В 70-е особо ополчилась на Быкова литературная критика. Вот лишь некоторые выдержки. «Писатель ведет читателя по обочине войны», отсюда — «узость обозреваемой позиции» (И. Кузьмичев). «Автор тяготеет к изображению необычных военных историй, замкнутых, оторванных от общего фронта эпизодов, предлагает весьма искусственные, заданные комбинации неубедительных фактов, склонен использовать материал войны только как фон для абстрактных морально-нравственных категорий» (А. Петелин). «Ремаркизм подчас проявляется и в нашей молодой прозе. В каждом последующем произведении В.Быкова после его ярко вспыхнувшей «Третьей ракеты» мы найдем отголоски этого влияния. А это свидетельство не силы писателя, но его слабости. И слабость эту прежде всего обусловливает однажды выбранный автором герой, с которым он, вероятно, бессилен проститься решительно и навсегда, чтобы выйти на генеральную линию советской литературы в освещении Великой Отечественной войны! (Бор. Леонов).

После разгрома в «Правде» повесть «Мертвым не больно» не публиковали 20 лет. Критик Игорь Дедков вспоминает по этому поводу:

— Ее (повесть «Мертвым не больно». — **С.Ш.**) боялись и не переиздавали. И писали о ней, разумеется, мало: не велено было писать. То есть, конечно, пишите, если хотите, но печатать запрещено... Чтобы лучше почувствовать, что произошло с повестью, нужно представить себе идеологическую ситуацию в стране, управляемую малоподвижными, догматическими и трусливыми умами. Наиболее эффективным и демократическим способом управления была публикация статьи в «Правде», возражать которой не полагалось. Статья могла быть подписана любым именем, известным и неизвестным, и сила ее была не в авторитете имени, не в авторской логике и таланте, а всего лишь в том, что она явилась именно на этих могущественных непорочных страницах и, надо полагать, в должный час. Резонанс был велик и долог, особенно когда его подкрепляли организационной работой в центре и на местах.

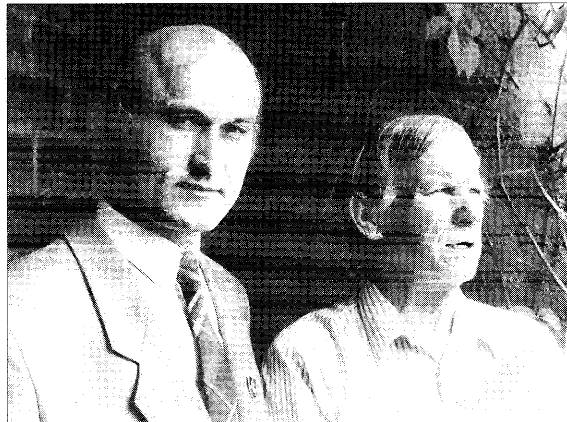
А прорабатывали Быкова на всех уровнях, за глаза или, как говорится, прямо в лоб. Верный быковский

Быкова

и продолжается почти 40 лет

Василь Быков и Рыгор Бородулин

Зенон Позняк и Василь Быков

друг Рыгор Бородулин вспоминает, что однажды Василя Владимировича уже так достали, что, обычно спокойный, писатель на одном заседании не выдержал и послал записку в президиум — одному писателю-земляку, работавшему в ЦК КПБ: «Далеко пойдешь, подлец, но плохо кончишь»… Что же касается «Мертвым не больно», то о по сути запрещенной повести быковские преследователи не забывали никогда. И вспоминали о ней порой совершенно неожиданным образом. Свидетельствует В. Оскоцкий:

— В 1979 году в книжном приложении к журналу «Дружба народов» выходил том избранной прозы Василя Быкова «Дожить до рассвета». Завершался он моим послесловием. Стремясь хоть задним числом заступиться за «Мертвым не больно», я привел в статье слова Твардовского о правде, которая непременно останется, когда все минется. И сопроводил их эзоповым рассуждением о том, что по прошествии стольких лет пора бы эту повесть, ни разу не издававшуюся после «новомировской» публикации, перечитать заново, непредвзято, без сиюминутного, как поначалу, раздражения. Вычитал верстку, подписал сверку, дождался сигнала и, умиротворенный, уехал в отпуск. Возвращаюсь через месяц — обухом по голове: книга задержана, отпечатанный тираж свозится в Москву и из послесловия выдираются страницы. Те самые, где речь о «Мертвым не больно»…

Книгу задержал Севрук. Правда, его распоряжение было саботировано: запретные страницы выдрали лишь в пятой части 220-тысячного тиража. Нечто подобное повторилось позже, когда «Советский писатель» издавал монографию Л. Лазарева о Быкове. Книгу, подписанную к печати, остановили на выходе с тем же требованием — изъять авторские суждения о «Мертвым не больно», если они не отвечают «правдинской» статье 1966 года. Как замечает В. Оскоцкий, на счету Севрука и указание исключить неугодную повесть из уже сверстанного собрания сочинений писателя, выходившего в Минске. Возмущенный самоуправством директор издательства «Мастацкая літаратура» Михаил Дубенецкий послал телеграмму Суслову и Зимянину: «Иезуит Севрук травит писателя с мировым именем Василя Быкова».

Однако эти события восходят уже к 80-м годам, записи о которых в своем дневнике оставил сам М. Дубенецкий (дневник этот до смены руководства публиковал журнал «Полымя»).

80-е

В мае 1982 года Михаил Федорович Дубенецкий записал в дневнике: новая быковская повесть «Знак бяды» будет опубликована в журнале «Полымя» полностью (после слова «полностью» Дубенецкий поставил восклицательный знак). Это предложение внес Иван Пташников, посчитавший, что хотя повесть — вещь острая, однако ничего крамольного в ней нет. «Можно опубликовать, если пропустит Главлит», — сказал Пташников. Быков, узнав об этом, только заметил: «Что бы все это значило?»

Удивляться было чему, ведь Быков, конечно, не мог забыть, как на редколлегии того же «Полымя» разносили в пух и прах одну из его повестей — автора специально вызвали тогда из Гродно в Минск. Кстати, это единственная история, за которую верному быковскому другу Рыгору Бородулину стыдно по сей день. Он вспоминает:

— Разбирали то ли «Круглянский мост», то ли «Сотникова». И хотя я работал тогда в журнале «Полымя», однако членом редколлегии не был. Кроме того, хорошенько выпил. Когда же на Василя начали нападать, я ничего не сказал — ни «за», ни «против». За что мне неловко перед ним и сегодня. Правда, позже я объяснял Василю, в чем же дело: во-первых, я не имел права голоса, а во-вторых, если пьяный начнет защищать, то это тоже не защита. Но Василь только махнул рукой — он не акцентировал на этом внимания…

Тем не менее «Знак бяды» в журнале «Полымя» вышел. К тому же Дубенецкий подписал-таки к печати 4-й том собрания сочинений — с «Мертвыми…» Правда, Главлит БССР «попросил» об одной жертве — выбросить следующий абзац:

«— Што глядзіш? Асуджаеш? Так? Асуджаеш? Дванаццаць на дзвесце, думаеш, дзе? У зямлі. І думаешь, злачынцы? Дудкі! З палону папрыбягалі. Не ўсядзелі да канца вайны. Во! Хто сёння ў героях? Брэсцкая крэпасць і так далей! А я чацвярых з Брэсцкай крэпасці на Сандамірскім закапаў. Во? Тады не пыталіся, як у палон здаўся. Пыталіся, чаму не застрэліўся. Ясна? Ты, чыгуначнік! — амаль абразліва заканчвае ён».

Странный, конечно, выбор — в принципе повесть «следовало» исполосовать вдоль и поперек. И Дубенецкий, понимая это и чтобы спасти большее, согласился выбросить этот абзац, предварительно связавшись с Быковым. «Оба едва не шокированы счастливым окончанием дела, — запишет Михаил Федорович. — Договорились согласиться (а куда денешься?), попросить оставить только начало (пять слов) и конец (шесть слов) этого абзаца». В результате разрешение на публикацию получено, и Дубенецкий напишет в письме к Валентину Распутину: «…Не могу не поделиться также радостью, под впечатлением которой сейчас находятся друзья В. Быкова: на днях вышел в свет последний том его собрания сочинений, в котором наконец-то издана повесть «Мертвым не больно». Инициатива этого предприятия принадлежала мне, синяки и шишки — тоже (принимаю их как высшую государственную награду)».

К слову сказать, кажется нелепым, но даже в 6-томном собрании сочинений, вышедшем в 1992-1994 гг., подцензурного абзаца… тоже нет. Что же касается госнаград — преследователи Быкова не раз любили пенять ему на то, что он-де получил от советского руководства не одно звание. И, действительно, почему власть «церемонилась» с писателем? Лучшее объяснение дает опять же М. Дубенецкий: «Василь Быков — действительно великий писатель нашего времени. Он имеет немало официальных советских регалий — народный писатель, лауреат Государственных премий СССР и БССР, депутат… Правда, тут есть «небольшой» нюансик: все регалии и почести даются ему властями не от души, а чтобы приручить его и показать миру, что Быков совсем не преследуется за свои отличительные эстетические принципы, за свой отличительный гуманизм, который не укладывается в рамки традиционного тупого социализма. Ему никогда не доверяли даже наименьшей руководящей должности».

Впрочем, есть еще одна сторона медали: именно в те годы Быков мог получить Нобелевскую премию. Однако этого не случилось именно по причине того, что на писателя, по ироничному замечанию Рыгора Бородулина, советских наград и званий навешали, как хомутов на коня. Во времена «холодной войны» это был веский аргумент, чтобы советский писатель не был удостоен престижнейшей международной премии. Сам же писатель относился к этим «знакам отличия» без должного пиетета. Вот что в этой связи вспоминает Р. Бородулин:

— Когда Василь был депутатом Верховного Совета, поехали мы как-то в Ушачи — отчитываться перед избирателями. Так вот Быков, достав газету, прочитал материал БелТА о том, что, мол, состоялась очередная сессия Верховного Совета, которая рассматривала такие-то вопросы. После чего сказал: «А теперь будем концерт слушать». На этом его отчет закончился.

Однако и будучи при «регалиях», Быков оставался практически бесправным. Символично, что, выезжая за границу, всемирно известный писатель находился в состоянии почти полного… безденежья — средств не хватило бы даже на обратный билет (правда, этот обратный билет всегда вынуждали покупать еще в СССР — то была иллюзорная гарантия того, что писатель не станет «невозвращенцем»). Безденежье объяснялось просто: хотя Быкова издавали за рубежом часто (дома у писателя целый шкаф этих изданий), но гонорары через ВААП и Союз книги присваивало государство. Взамен выдавались символические деньги на карманные расходы. Кстати говоря, однажды во Франции с Василем Владимировичем произошел такой забавный случай: французская сторона решила, что раз Быков советский писатель, значит, коммунист. Поэтому и повезли его к руководству компартии, чтобы рассказать о своих делах. Уже в завершение встречи спросили: «Что будет, если мы победим?» Быков ответил: «На первых порах будет тяжело, а потом — нормально». Ему тут же: «То же самое говорил и ваш секретарь ЦК КПСС по идеологии Капитонов!» Василь Владимирович посмеялся: «Я сказал, чтобы от меня отцепились, а они — на полном серьезе!»

90-е

Быков входит в оргкомитет БНФ и возглавляет «Мартиролог Беларуси» — общество, занимавшееся реабилитацией жертв сталинских репрессий (кстати, Минюст Беларуси тогда заявил о незаконности создания «Мартиролога», поскольку были-де не соблюдены требования постановлений ЦИК и СНК СССР от 1932-го и 1935 г.). Писатель не скрывал своих политических взглядов, был известен не только как талантливейший прозаик, но и блестящий публицист. Не случайно практически тайно изданный в 1998 году в Москве сборник его публицистики «Крыжовы шлях» шел к читателю три года — его презентация прошла лишь в 2001-м.

Быков всегда жил, думается, с ощущением чужого дыхания в затылок. Неизвестно, какое досье собрал на народного писателя КГБ. Неизвестно, прослушивался ли его домашний телефон. Но такой любопытный эпизод. Когда в 1990 году Г. Буравкин, оставив пост постоянного представителя Беларуси при ООН, вернулся в Минск, он получил довольно странное неофициальное предложение: поэт может рассчитывать на новый высокий пост, но лишь в том случае, если принародно откажется от дружбы с Быковым. Геннадий Николаевич ответил отказом. «Передайте вашему патрону, — заявил он, — что на свете нет и не будет таких должностей, за которые я мог бы продать мою дружбу с Василем Быковым».

Тем временем начался очередной период стагнации, теперь уже лукашенковской. После 1994 года новая власть поступала с Быковым просто — его перестали печатать. Совсем. Так, рукопись книги «Сьцяна» пролежала в госиздательстве три года, хотя была отредактирована и набрана. «Мастацкая літаратура» удосужилась выпустить сборник избранной прозы народного писателя лишь в 1999-м, когда Быкову исполнилось 75 лет — оставить без внимания юбилей самого известного белорусского прозаика было уже неловко.

Позже в одном из интервью Быков отметит, что в отношении него на телевидении и в официальной прессе началось новое преследование пропагандистского характера. «По воле этой пропаганды, — скажет писатель, — я сделался не только плохим писателем, но и сумасшедшим националистом, который мечтает отобрать у Польши Белосточчину, а у России — Смоленск. В результате этой кампании я потерял некоторых своих друзей из кругов российской демократии, хотя раньше был с ними достаточно близок». В итоге этой кампании писатель терял и друзей-однополчан, которые однажды даже опубликовали статью под заголовком «С Быковым в разведку не пойдем». И потому отнюдь не случайно, что в 1998 году Василь Быков, приняв приглашение Финского ПЕН-центра, уехал в Хельсинки. По сути, писателя спасали от преследований по той же программе, что и Салмана Рушди…

Третье тысячелетие

В январе 2000 года Быков был удостоен престижной российской премии «Триумф» и на некоторое время вернулся в Минск — истек срок его полуторагодовалой финской «командировки». И в эти дни напомнил о себе неугомонный Севрук (впрочем, не только он) — исчезнув из «гэкачепистской» Москвы и всплыв в Минске, бывший аппаратчик ЦК поносил Быкова уже с телеэкрана в дуэте с телекомментатором Ю. Козиятко. После этого эфира рада Союза писателей выступила с заявлением, осуждающим «аморальный и непозволительный, развязный и неуважительный тон участников передачи по отношению к одному из выдающихся сыновей Батьковщины». Однако по странному стечению обстоятельств из окончательной редакции заявления исчез призыв ко всем творческим союзам воздержаться от сотрудничества с БТ до тех пор, пока Быкову не будут принесены публичные извинения…

Тогда же в «Известиях» выступил Валентин Оскоцкий, призвавший мэра Первопрестольной Ю. Лужкова и председателя российского правительства В. Путина «пригласить в Москву писателя, опального и гонимого у себя на родине». Российская власть обращение проигнорировала, зато приглашение подтвердила Германия. Так, начиная с 2000 года Василь Быков живет в стране, против которой воевал полвека назад. Письма от него часто приходят в Беларусь вскрытыми и потрепанными. Очевидно, что кто-то очень внимательно читает быковскую корреспонденцию, и это обстоятельство вынуждает писателя иногда указывать вымышленный обратный адрес…

Александр Лукашенко публично признал писателя классиком только в 2001 году, на седьмом году своего правления. Однако через год тот же Лукашенко заявил, что «учился на стихах великого человека Василя Быкова». Поэтому так и остается загадкой, читал ли глава Беларуси хоть что-нибудь из творчества великого белорусского писателя.

Вслед за президентом выступил депутат Сергей Костян, недавно возглавивший редакционно-издательское учреждение «Литература и искусство». Новый руководитель литературно-художественных изданий страны считает, что Быков уже «приелся».

Но дальше всех пошел редактор «Информационного бюллетеня Администрации президента РБ» Эдуард Скобелев, призвавший не давать слова на страницах литературных журналов ряду «политически отсталых» писателей, в числе которых были названы Быков, Бородулин, Гилевич, Законников и Буравкин. Впрочем, Геннадий Буравкин по этому поводу замечает: «Кто такие эти Костян и Скобелев? — завистливые и бесплодные люди. Они не просто возвращают старые времена и порядки — они силком тащат их в день сегодняшний. Но как же можно жить и не учиться?!»

Оказывается, можно. И антибыковская кампания начинает снова разгораться. Как и 40 лет назад. Очевидно, что история ничему так и не научила старых и новых преследователей Василя Быкова. Впрочем… Кто бы знал Герострата, не сожги он одно из семи чудес света?..

Для служебного пользования

Решить

«Неправильное»

Белорусская автокефальная церковь намерена

Евгений ФИЛИППОВИЧ

Вот уж поистине неисповедимы пути Господни! Буквально пару лет назад мы сообщали, что судья Ленинского районного суда города Гродно Иван Гришкевич отказался принять к рассмотрению претензии оскорбленного священника Белорусской автокефальной православной церкви Ивана Спасюка, отклонив иск о защите чести и достоинства, адресованный Гродненской православной епархии. Теперь судья Гришкевич сам намерен стать священником Белорусской автокефальной церкви. Правда, не на родине, а в Соединенных Штатах Америки.

В.Кормилкин

Архиепископ Юрий Рыжы и отец Иван Спасюк

2 июня нынешнего года близ Нью-Йорка состоялся Чрезвычайный собор Белорусской автокефальной православной церкви. На нем избран новый руководитель церкви — 36-летний митрополит Александр. Он родом из Барановичей, в настоящее время проживает в штате Нью-Джерси (США). Замена прежнего первоиерарха — митрополита Николая — связана с необходимостью активизировать работу церкви в Беларуси и... денежными скандалами. Митрополит Николай жил и умер 20 июня нынешнего года в Канаде. И миряне из церковного совета последние годы тратили деньги церкви по своему усмотрению (сын казначея — некто А. Сильванович — даже умудрился купить личный самолет). Теперь решено, что деньги церкви будут направляться на материальную помощь соотечественникам, проживающим на исторической родине. Митрополит Александр в ближайшее время намерен посетить Беларусь, а сама церковь решила использовать все свое влияние, чтобы добиться от Комитета по делам религий и национальностей при Совете Министров РБ регистрации приходов БАПЦ в нашей стране.

Специальная информация

Первые автокефальные церкви возникли в процессе обособления провинций Византии. Русская автокефальная церковь была образована в 1448 году Собором русских епископов, когда митрополитом Московским и всея Руси стал Иоанн. По мере распространения православия и образования в XIX-XX веках новых государств появлялись новые автокефальные церкви. До распада Советского Союза их было 15. После того как СССР прекратил свое существование, многие из независимых республик пожелали обладать собственными, не связанными с Московской православными церквями. Самой известной из них является Украинская автокефальная церковь, которая по количеству прихожан конкурирует с украинским отделением РПЦ. Основу прихода новых автокефальных церквей, как правило, составляют люди, симпатизирующие национальной идее.

Формально приходов Белорусской автокефальной православной церкви в Беларуси не существует, однако всем хорошо известно, что они есть. В распоряжении редакции имеется аналитическая записка, в которой количество приходов БАПЦ оценено как «приближающееся к 100» — в Гродно, Гомеле, Минске, Витебске, Слониме, Светлогорске и других городах. Отмечается, что активисты церкви создали в нашей стране общественно-религиозное Белорусское христианское объединение им. святой Софии Слуцкой, цель деятельности которого — пропаганда идеи воссоздания БАПЦ в Беларуси. «БХО им. святой Софии Слуцкой поддерживает постоянные связи с консисторией БАПЦ в Нью-Йорке и приходами в других городах США, а также в Канаде, Великобритании, Австралии, Германии. Объединение тиражирует и распространяет периодический журнал «Церковный посланец», издаваемый в Нью-Йорке под редакцией секретаря консистории БАПЦ Бориса Данилюка», — говорится в аналитической записке.

По сведениям тех же источников, в ближайшее время приблизительно 60 священников Русской православной церкви могут заявить о переходе под юрисдикцию Белорусской автокефальной православной церкви. Кстати, небезынтересно, что угроза истинному православию видится его ревностным блюстителям во всем. Так, они зафиксировали, что появилась литургия на белорусском языке (в Свято-Петро-Павловской церкви Минска), что готовится перевод Библии на белорусский язык (перевод, кстати, уже осуществлен, причем после долгих раздумий Митрополит Минский и Слуцкий Патриарший Экзарх всея Беларуси Филарет, благословил на это благое дело известного переводчика Василя Сёмуху). Белорусский язык и связи с заграницей, вероятно, по мнению авторов, доказывают «вражеский характер» БАПЦ. Однако у белорусской автокефалии история куда более интересная и неоднозначная.

История формирования Белорусской православной автокефалии восходит к временам Великого княжества Литовского, к периоду правления князя Витовта, победителя битвы при Грюнвальде, расширившего ВКЛ. Помимо всего прочего, Витовт много сделал для становления Велико-Литовской православной митрополии, независимой от московского патриарха. Возможно, именно поэтому Библия на белорусском языке Франциска Скорины стала третьей в Европе и появилась почти на столетие раньше, чем Библия российского первопечатника Ивана Федорова.

Так или иначе, но историческим фактом остается то, что Церковный собор, созванный в Пинске в 1791 году, провозгласил автокефалию православной церкви. Однако в результате войн белорусские земли были присоединены к России, и автокефалия была упразднена.

В зависимости от того, как менялась власть, структуры БАПЦ то создавались, то упразднялись. К 1937 году большевики практически полностью уничтожили БАПЦ, сфабриковав дело о контрреволюционном заговоре под названием «Белорусская автокефальная церковь», пересажав и расстреляв большинство активистов церкви во главе с епископом Филаретом.

Сведения о деятельности церкви в период второй мировой войны неоднозначны. Советские историографы уверены, что оккупационные власти способствовали деятельности БАПЦ, зарубежные исследователи утверждают обратное. Так или иначе, но в августе 1942 года в Минске был созван Всебелорусский православный собор, который как наивысший представительский орган православного духовенства и верующих Беларуси во главе с епископом Могилевским и Мстиславским Филофеем принял постановление о каноническом возобновлении автокефалии Белорусской православной церкви. К 1944 году у церкви было 10 иерархов в 9 епархиях. Когда Беларусь освободили от оккупации, автокефальный статус церкви был отменен, епископы эмигрировали на Запад. После окончания войны, в 1946 году, некоторые из них во главе с митрополитом Пантелеймоном (Ражневским) аннулировали постановление Собора 1942 года и, оказавшись в послевоенной Германии, присоединились к Российской зарубежной православной церкви. Но с этим решением согласились не все.

Большая группа белорусских эмигрантов назвала себя «автокефалистами», и при участии мирян и духовенства украинской автокефалии 5 августа 1948 года в Западной Германии был созван собор, на котором объявили о воссоздании БАПЦ. Архиепископ Сергий, один из архиереев украинской автокефалии, перешел в БАПЦ. Известный в среде белорусской эмиграции Василь Тамащик, мирянин, окончивший Богословскую академию в Мюнхене, согласился принять монашество и был возведен в сан архимандрита. В декабре 1949-го он принял сан епископа БАПЦ в Розенхайме. Таким образом, с архиепископом Сергием в качестве первоиерарха и епископом Василем в качестве секретаря Белорусская православная автокефальная церковь была восстановлена.

Начало белорусской православной деятельности в Америке относится к 1949-1950гг. В 1948-м архиепископ Сергий поселился в Австралии, а епископ Василь — в Нью-Йорке. Первая божественная служба православных белорусов в США состоялась поздней осенью 1950 года. Сначала это происходило в «Белорусском домике» на Ashford street в Бруклине. Домик был небольшим, сбоку находились кухня и скромная комната, в которой жил известный белорусский композитор, профессор Микола Куликович. Он, кстати, руководил церковным и светским хором.

После распада Советского Союза создавать на территории бывших советских республик автокефальные церкви стало модно. Даже в России, где позиции и авторитет Русской православной церкви чрезвычайно сильны, приходы автокефалии официально зарегистрированы. Только Беларусь оказалась «святее всех святых» — ни одного не зависимого от Москвы православного прихода. Специалисты объясняют это обстоятельство тем, что долгие годы в БАПЦ были разброд и шатание, раскол. Раскол случился еще в конце 70-х годов после смерти архиепископа Андрея Крита. На тот момент у БАПЦ было 12 приходов (все, как вы понимаете, за границей). В результате одну группу возглавил архиепископ Михаил Мацюкевич (1 приход в Канаде, 1 — в Австралии и 5 — в США), другую — митрополит Изяслав Бруцкий (2 прихода в Австралии и 3 — в Англии), еще 4 прихода БАПЦ в США и 1 в Канаде оказались под юрисдикцией Вселенского патриарха (у этой группы нет епископа, но есть администратор, который непосредственно подчиняется архиепископу греческой православной епископии Америки Спиридону). В то же время в целом БАПЦ достаточно велика, и ее численность оценивается в 150 тыс. человек.

В связи с нерегистрацией приходов БАПЦ на территории Беларуси Госдепартамент США регулярно вносит эту проблему в доклад о нарушении прав человека в нашей стране. Политический мотив отказа в регистрации белорусской автокефалии западным экспертам очевиден: на самых значимых митингах и массовых акциях белорусской оппозиции, как правило, присутствуют священнослужители, и от имени православных вершат молитву именно представители БАПЦ. На одном из таких мероприятий объективы телекамер зафиксировали священника Петра Гущу, который громко и внятно скандировал: «Жыве Беларусь!» Вскоре стало известно, что в отношении Гущи возбуждено уголовное дело и что он обвиняется в совращении малолетних.

Дело это странное. По предложению прокурора суд был закрытым. Любопытно, что обвинение, дошедшее до суда, имело совершенно другую формулировку — «Злостное хулиганство» (ст.201 ч.2 УК РБ). Суд первой инстанции признал Гущу виновным и приговорил к трем годам заключения, затем наказание было изменено на два года условно. Когда в декабре 1998 года президиум Минского городского суда восстановил приговор о трехлетнем заключении, Гуща бежал. По сведениям из достоверных источников, он достаточно долго скрывался в Беларуси, а потом обратился за помощью к зарубежным религиозным общинам и организациям по правам человека.

На другого священника БАПЦ — Ивана Спасюка (отца Иоанна) — милиционеры надели наручники прямо во время молебна. Иван Спасюк — протоиерей Белорусской автокефальной православной церкви поселка Пограничный Берестовицкого района. Уже много лет он настойчиво пытается зарегистрировать свой приход. Однако власть в лице районной администрации и правоохранительных органов запрещает собираться на молебны, арестовывает Спасюка по подозрению в краже (суд его оправдал), приостанавливает строительство храма и т.д. В чем же провинился Иван Спасюк? Будучи православным священником, он вышел из подчинения Русской православной церкви. Молебны отец Иоанн проводит в армейской палатке, а единственное отличие в службах заключается в том, что они проходят на белорусском языке. Непонятно, почему для многих церквей естест-

А.Спрончан

Протоиерей Леонид Акалович

православие

добиваться регистрации своих приходов

венно, что люди обращаются к Богу на родном языке, а православный канон это запрещает? Еписком Гродненский и Волковысский Артемий вместе с другими представителями духовенства обратился к отцу Иоанну и призвал его покаяться. В письме от епископа говорится, что батюшка из Пограничного «попал под запрещение в священнослужении за нарушение иерейской присяги» и за то, что «соединился с одним из лживых церковных обществ». Грешного священника призвали раскаяться в своих заблуждениях на собрании духовенства Гродненской епархии.

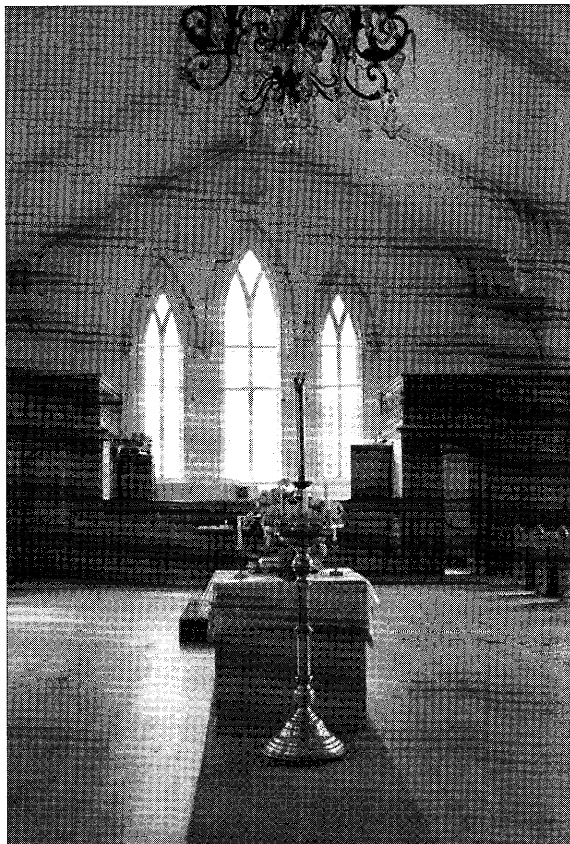
Отец Иоанн братьям по вере ответил письменно. Он напомнил об истории Белорусской автокефальной церкви, которая была полностью уничтожена, а духовенство сослано в Сибирь. «Знаете ли вы, возлюбленная братия, за что хотите меня погубить? За то, что я не приказывал стлать перед собой богатые ковры, что никогда не хотел одеваться в золотую и шелковую одежду, что я не унизился до того, чтобы удовлетворить жадность этих людей, и не держал стола, накрытого для них», — процитировал Священное писание Иван Спасюк. «Я магу прынесці пакаянне Богу і людзям роднай матулі-Беларусі, а не тым, пра каго гаворыць Іаан Златавуст, — написал батюшка из Пограничного в своем ответе. — Самым цяжкім грахом я лічу тое, што толькі ў 35 гадоў адчыніў вочы, што не стаў раней на шлях барацьбы за аднаўленне Беларускай аўтакефальнай царквы, аднаўленне беларускай культуры і роднай мовы». За это отец Иоанн попросил прощения у своих коллег по духовенству. Постскриптум его письма заканчивается следующими словами: «Я за тое, каб у Рэспубліцы Беларусь суіснавалі розныя канфесіі, людзі павінны самі вырашаць, у які храм ім хадзіць».

...Пути Господни действительно неисповедимы. Бывший судья Гришкевич, не признавший права отца Иоанна на защиту чести и достоинства, сегодня сам пришел к Белорусской автокефальной церкви. Бывший коммунист-атеист Валерий Щукин попросил пригласить к себе в СИЗО священника белорусской автокефалии. Многие люди неосознанно уходят в «неправильное» православие, и одной из причин, вероятно, является то, что во время правления Александра Лукашенко церковь от государства отделена весьма условно. Как следствие, оппозиционные нынешнему режиму настроения распространились и на духовную сферу.

Еще одна причина — в неприятии белорусами позиции Русской православной церкви по отношению к Ватикану. В нашей стране издавна уживались и православные, и католики, и конфронтация между этими конфессиями противоречит белорусскому менталитету. Поэтому протесты отцов РПЦ по поводу приезда в ту или иную страну Папы Римского у наших людей вызывают неприятие. Так, во время пребывания Иоанна Павла II в Киеве и протестов по этому поводу иерархов из Москвы одна из минских социологических лабораторий провела экспресс-опрос, попытавшись выяснить позицию белорусов по поводу конфликта. Практически все опрошенные, имеющие высшее образование, заявили, что не приемлют (либо не понимают) мотивов, которыми руководствуется РПЦ. Для отцов церкви это должно стать «звоночком»...

Митрополит Изяслав служит в кафедральном соборе св. Кирилы Туровского

Кафедральный собор св. Кирилы Туровского в Нью-Йорке

Одним из самых видных деятелей Белорусской автокефальной православной церкви является Митрополит Минский и Белорусский Мелхиседек

Сведения справочного характера о митрополите Мелхиседеке (Михаил Львович Паевский, 1878-1931гг.) впервые появились в печати после рассекречивания части архивов КГБ. До революции его жизненный путь складывался достаточно традиционно. Родился в деревне Витулино Бельского уезда Холмской губернии (сейчас — Люблинское воеводство Польши) в семье сельского священника Льва Семеновича Паевского. Отец воспитывал сына в православной вере. Михаил Паевский учился в монастырской школе, затем — в духовной семинарии. За успехи в учебе получил возможность завершить обучение в Казанской духовной академии. Дата пострига в монашество с именем Мелхиседек неизвестна. Достоверно известно лишь то, что после окончания академии в 1904 году иеромонах Мелхиседек был направлен в Могилев, где стал преподавать в Могилевской духовной семинарии богословие. В конце 1905-го иеромонах Мелхиседек стал исполнять обязанности игумена Могилево-Братского Богоявленского монастыря и благочинного над мужскими монастырями — Белыничским, Охорским, Оршанским и Неклюдовским. В декабре 1906 года Священный Синод утвердил его в качестве игумена Братского Богоявленского монастыря, а епископ Могилевский и Мстиславский Стефан вручил ему игуменский жезл. 24 января 1907 года игумен Мелхиседек был переведен в Белыничский монастырь в сане архимандрита, затем его перевели в качестве игумена в Херсонский Свято-Владимирский монастырь. До первой мировой войны Мелхиседек находился в Крыму и был рукоположен в епископа Таврического, затем — архиепископа Астраханского, в 1917 году являлся епископом Ладожским, викарием Петербургским. Участвовал в Поместном соборе РПЦ 1917-1918гг. В самом начале 1919 года получил назначение в Минскую епархию и стал епископом Слуцким, викарием Минским. После отъезда епископа Минского и Туровского Георгия в Варшаву епископ Мелхиседек оставался единственным руководителем Минской епархии.

Весной 1919-го Минск был занят польскими войсками. В сентябре этого же года в минской Свято-Петро-Павловской церкви Мелхиседек встречался с главой польского правительства Пилсудским. По некоторым данным, Пилсудский предлагал Мелхиседеку возглавить будущую Польскую автокефальную православную церковь, но священник отказался.

К моменту прихода советских войск Мелхиседек стал правящим иерархом Минской епархии — епископом Минским и Туровским, пытался наладить отношения с советской властью, а лозунги большевиков наивно принимал за искреннее стремление к равенству, справедливости и братству.

Избрание епископа Мелхиседека на правящую должность Митрополита Белорусского и Минского произошло в 1922 году при участии всего городского духовенства и большом стечении верующих. Схожие, хотя и более сложные процессы происходили тогда в Украине, в 1921 году была предоставлена автономия православной церкви в Эстонии, Финляндии, Латвии и Польше.

В 1922-м митрополит Мелхиседек обратился с воззванием к пастырям. В обращении (кстати, оно было на русском языке) говорится о необходимости возвращения автономии Белорусской православной церкви, которая принадлежала ей ранее. Митрополит ссылался на особенности национальной культуры и быта, а также на тот факт, что образована Советская Белорусская республика.

Обновленная автономия носила неопределенный характер. В первой редакции воззвания объявлялось о «духовном единении, братском общении и сыновьем соподчинении Всероссийскому поместному Собору».

Митрополит Мелхиседек был известным аскетом. Достаточно сказать, что доходы его были настолько низки, что советская власть освободила его от налогов. Однако с 1922 года ГПУ занималось им вплотную. Есть свидения, что раз в неделю в Москву шли госинформсводки: власть пыталась оценить религиозную ситуацию, то представляя Мелхиседека и его деятельность как «наименьшее зло», то докладывая о фактах энтузиазма и активного поведения верующих во время церковных служб. Уже через месяц после избрания Мелхиседека митрополитом он и его сподвижники были обвинены в том, что «объявление автономной белорусской церкви намеревались использовать в контрреволюционных целях».

В 1923 году митрополит Мелхиседек оказался под домашним арестом. В июне 1924-го было начато уголовное дело, а в 1925-м — судебный процесс по ложному обвинению в массовом сокрытии от конфискации церковных ценностей. Хотя хорошо известно, что епископ Мелхиседек издал в апреле 1922 года послание, в котором призвал к добровольной сдаче всех церковных ценностей, кроме сакраментальных, чем сохранил жизнь многим белорусским священникам.

Абсурдность обвинений была видна даже «компетентным органам» из Москвы, которые не рекомендовали, за давностью дела, применять по отношению к Мелхиседеку так называемую «высшую меру социальной обороны». Семь дней длился процесс над митрополитом и его соратниками. Суд проходил при огромном стечении народа. Люди стояли за окнами, на улице. Приговор — три года условно.

В конце ноября этого же года митрополит Мелхиседек был вызван в Москву, где попал сначала в Бутырскую тюрьму, а затем его отправили в Сибирь — в Мариинское спецпоселение. Священник выполнял тяжелые и унизительные работы, включая чистку свинарника, хотя все хорошо знали, что митрополит болен чахоткой. В Мариинском поселении митрополит Мелхиседек настолько тяжело болел, что в начале 1926 года по документам даже прошло сообщение, что он умер.

К весне 1927 года Мелхиседек был освобожден и назначен епископом Красноярским, а 4 мая вновь арестован «за использование настроения масс в антисоветских целях». Однако пробыл в тюрьме он недолго и уже к началу октября был освобожден. Небезынтересно, что Московская патриархия тогда не восприняла деятельность Мелхиседека по созданию белорусской автокефалии как нечто несогласующееся с православными канонами. Более того, в мае 1931 года митрополит Мелхиседек был избран в Священный Синод РПЦ.

Скончался митрополит внезапно в мае 1931 года. Белорусский архипастырь вначале был похоронен в Москве, на Кузьменках, затем перезахоронен на Преображенском кладбище. На похоронах присутствовали представители Минской епархии. Однако через 6 лет после смерти Мелхиседека советская власть вспомнила его встречу с Пилсудским, и в 1937 году его обвинили в шпионаже в пользу буржуазной Польши.

Имя митрополита Мелхиседека сегодня весьма почитаемо Белорусской автокефальной православной церковью. Многие отечественные исследователи жизни и деятельности митрополита призывают причислить его к святым земли белорусской. Однако по понятным причинам надеяться на это не приходится.

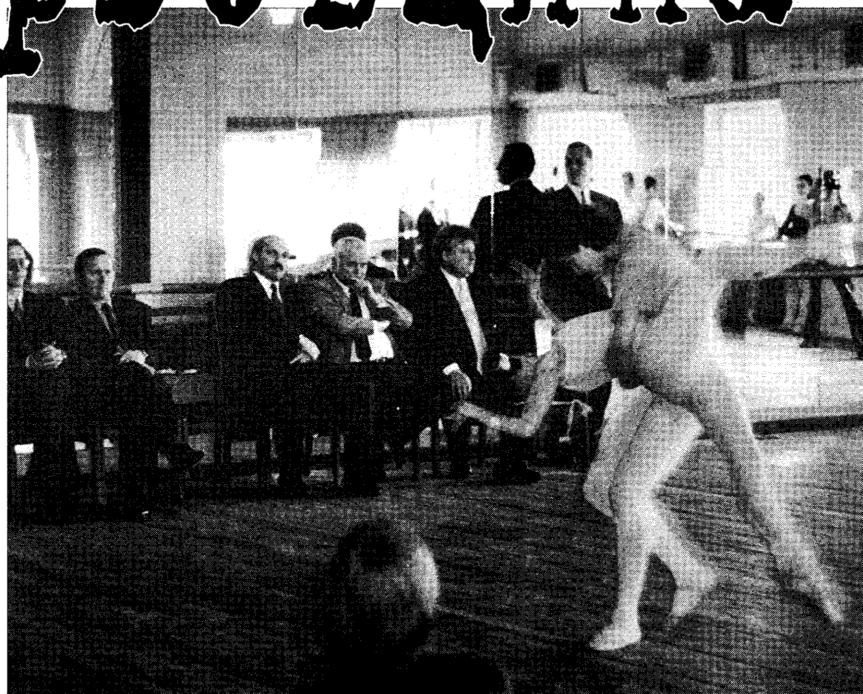
Кстати, имя Мелхиседек означает «царь правды», «царь мира», «священник Бога Всевышнего». Из Библии известно, что Мелхиседек, царь Салимский, таинственен как по отношению к своему лицу, так и к своему служению. Неизвестно о времени его рождения, жизни, предках. Умолчание Священного писания знаменательно. Псалмопевец пророчествовал о Мессии, что Он — священник «вовек по чину Мелхиседовскому». В послании апостола Павла указывается и то, что это пророчество осуществилось в Иисусе Христе. Мелхиседек, как Царь и Первосвященник, пророчествовал апостол Павел, «уподобляясь сыну Божию, пребывает священником навсегда».

В разработку

Елизарьевщина

Екатерина НОВОЖИЛОВА

Как-то так получается, что о признанных мэтрах еще при жизни либо хорошо, либо ничего. Их роль в становлении белорусской культуры настолько велика, что даже самые дерзкие критики вынуждены молчать либо отписываться восторженными «охами» и «ахами». Они — государственные люди, работают в государственных изданиях, и в результате из года в год кочует миф, что даже «в области балета мы впереди планеты всей». Тем временем наш Большой в очевидном кризисе — нет новых имен, постановки похожи одна на другую, те, кто работает сегодня, работают на износ и... пьют. Но под страхом смертной казни критиков не заставишь написать об этом.

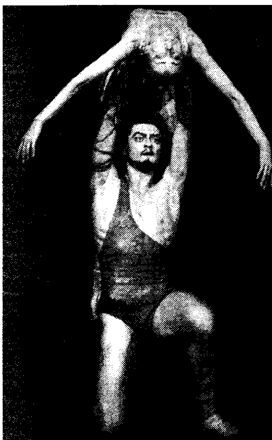

Таланты и поклонники

В то же время о реальной ситуация в белорусском балете согласился поговорить ведущий солист театра Руслан Минин.

Специальная информация

Руслан Минин, заслуженный артист Республики Беларусь. Родился в 1974 году. Выпускник Белорусского государственного хореографического училища. Свою творческую деятельность на сцене Большого театра начал в 1992 году. Благодаря хорошей технике, сценической выразительности, артистизму, а также неисчерпаемому трудолюбию быстро занял ведущее положение в театре. Его танцу свойственны образная содержательность, искренность, эмоциональность. Успешно выступает в партиях разного плана — героических, лирико-драматических, характерных.

Спартак— Руслан Минин

Исполняет Спартака и Красса в «Спартаке», Принца и Дроссельмейера в «Щелкунчике», Базиля и Эспада в «Дон Кихоте», Зигфрида и Ротбарда в «Лебедином озере», Хозе и Тореро в «Кармен-сюите», Бенволио и Тибальда в «Ромео и Джульетте», Юнака в «Весне священной», Владимира в «Страстях», Конрада и Ланкедема в «Корсаре», Абдерахмана в «Раймонде», Адама и Дьявола в «Сотворении мира», Феба и Актеона в «Эсмеральде» и др. За лучшее исполнение партии Кощея в балете «Жар-птица» в 1998 году был удостоен специальной балетной премии «Филип Моррис — Дебют». (Интернет-сайт Национального академического Большого театра балета РБ.)

— Руслан, что происходит в театре, почему нет новых имен?

— В театре у нас все как всегда. Очень много работаем, получаем среднюю заработную плату. Но зарплата зависит от премиальных — кто сколько натанцует. Наработал больше часов — получил больше денег, наработал меньше часов — соответственно меньше денег.

— Учитывая, что ты не сходишь со сцены и три раза в неделю задействован в спектаклях, я делаю вывод, что в театре некому танцевать...

— Это не совсем так. Игорь Седько работает, Игорь Артамонов потихоньку набирает репертуар, вечный Володя Долгих... Ну а так, пожалуй, ты права: это, по большому счету, все — больше солировать некому. А из балерин... Ну вот Катя Фадеева опять в театр вернулась, она танцует все — и современные спектакли, и классику. Оля Гайко — в основном классический репертуар. Люда Кудрявцева сейчас окрепла и уже много ведущих спектаклей станцевала. Жанна Лебедева довольно неплохо танцует современный репертуар, классику — похуже. Так что есть народ. Но если честно говорить, то мало, конечно, танцовщиков, и особенно это сказывается, когда в театре готовится новый спектакль. Вот сейчас ситуация, можно сказать, критическая: очень тяжело танцевать весь текущий репертуар и совмещать все это с постановочными репетициями, потому что получается двойная нагрузка.

— Ты занят во всех спектаклях, которые сейчас идут в Большом. По-моему, это невыносимо тяжело.

— Да, вот я станцевал в среду Хозе в «Кармен», в пятницу — Дроссельмейера в «Щелкунчике». Роль, надо сказать, не из легких, в других театрах у Дросселя не такая дикая нагрузка, а вот в редакции Валентина Николаевича Елизарьева Дроссельмейер практически весь спектакль на сцене. В воскресенье же получилось так, что один мой коллега заболел, и мне пришлось танцевать стражника в «Чиполлино» — роль, конечно, ерундовая, но все равно репетировать надо. В общем, в понедельник — один законный выходной в неделю. Тяжело, но, как известно, легких денег не бывает. Хотя, конечно, из-за таких огромных нагрузок потом каждый выход на сцену — большой или небольшой, но все-таки стресс. Тем более что артисты любят расслабиться, выпить...

— ...И выпивают много, а на следующий день вновь идут на репетиции и спектакли. Сердце-то выдерживает?

— У меня выдерживает, а у начальства не всегда *(смеется)*. Но танцевать все равно особо некому, поэтому и выговор получаю, и ругают меня... Я и сам себя иногда ругаю, но что поделать — и расслабляться как-то надо, и танцевать кому-то надо. Я даже песню сочинил:

«На сцене — принц, в балетном зале — раб,
И никому не нужен, если станешь слаб.
Но так проходит день за днем,
И, говорят, поэтому мы пьем».

— До меня дошли слухи, что уже на протяжении нескольких лет театр не подпитывается «новой кровью», то есть не пополняется молодыми танцовщиками. В чем проблема?

— Это не совсем так. Каждый год к нам в театр после хореографического колледжа приходят 2-3 мальчика и 4-5 девочек. Они не ведущие, конечно, я бы даже сказал, что бесперспективные. Мы их называем «пятый лебедь у воды» *(смеется)*. Хотя, конечно, смешного здесь мало.

— Но тогда непонятно: либо бездарей набирают в колледж, либо нация вымирает и нет талантов?

— Ребята, у которых есть данные, ленятся, а трудолюбивые обычно не обладают ни данными, ни талантом. Да и с педагогами проблемы. Были в БГХУ шикарные педагоги, которые выпускали ведущих танцовщиков, — Леонид Станиславович Чеховский и Александр Иванович Коляденко. Чеховский, например, выпустил Олега Корзинкова, Сергея Мовзалевского, Веню Захарова, Володю Долгих. Коляденко — Володю Иванова, Минина-старшего и Минина-младшего, Игоря Седько... Это была плеяда мастеров, и часть из них до сих пор держит театр. Но после того как Чеховский ушел на пенсию, а Коляденко уехал в Польшу, все и закончилось — нет нормальных выпусков, одни бездари. Хотя сейчас Коляденко вернулся, и Елизарьев предложил ему пост худрука хореографического колледжа. Так что, думаю, сейчас все пойдет заново. Тем более что есть мальчик один — Еремкин — талантливый, фактурный, трудолюбивый, я бы даже сказал — фанат. Он еще маленьким танцевал в театре сына Банко в «Макбете», и вот подрос, окреп, на выпускном в хореографическом колледже «Арлекинаду» па-де-де станцевал довольно неплохо. Ему, правда, еще учиться года три, и если, конечно, за границу никуда не уедет, надеемся, что смена в театре наконец-то появится.

— Ты затронул тему отъезда танцовщиков за границу. Знаю, что из белорусского театра уехал довольно талантливый солист Турко. Правда, пока он единственный, кто уехал и не вернулся. А ты почему не уезжаешь? Предложений не поступало?

— Понимаешь, у меня здесь друзья, любимая дача, я уже здесь корнями врос. Зачем мне уезжать? Меня все время приглашают в Канаду — танцевать в Торонто. Но я уже здесь привык, никуда не хочу, мне здесь нравится. Игорь Седько, между прочим, проверялся к Эйфману, его даже взяли, но почему он не остался, я не знаю. Тоже, наверное, корнями врос. (По секрету скажу, что я спрашивала самого Игоря, почему все-таки он не остался в труппе Эйфмана. Он ответил, что он вообще человек не очень контактный, боится идти в чужую труппу, вдруг не приживется, а обратной дороги не будет. — **Е.Н.**)

— Один из ваших ведущих солистов мне говорил, что вы в театре как крепостные, что вас не отпускают ни на конкурсы, ни тем более работать в другие труппы. Елизарьев действительно достаточно ревностно относится к своим артистам?

— Это так. Шеф боится, что если мы где-то засветимся, нас сразу раскупят и разберут, поэтому он нас особо никуда не отпускает. Хотя я работал с кишиневской труппой, но во время своего отпуска. Потом мне предложили поработать с другим театром по контракту, но Валентин Николаевич не отпустил, сказав: «Вы ездили танцевать с другой труппой в свой отпуск, в свое личное свободное время, а сейчас у нас текущий репертуар, если я вас отпущу, кто будет танцевать? Вы мне нужны здесь».

— Елизарьев — человек злопамятный? Если вдруг ты пойдешь работать по контракту в другой театр, то обратной дороги уже не будет?

— Нет, у меня будет дорога обратно, но это будет такой геморрой... Был у нас в театре солист Веня Захаров, прекрасный танцовщик. (Вениамин Захаров — заслуженный артист Беларуси, лауреат Государственной премии 1996 года, лауреат международных конкурсов им. С.Дягилева, «Арабеск-92», VII международного конкурса артистов балета. — **Е.Н.**) Поехал он танцевать в Югославию, в Белград, но не прижились они там с Катей Фадеевой. После возвращения его взяли в театр на испытательный срок, а потом все равно уволили. Может, из-за того, что Веня пил много, а может, Валентин Николаевич не смог простить измены... Не знаю.

— Руслан, мне кажется, что ваш театр сейчас переживает кризис жанра. Критики не особо хотят «дразнить» Елизарьева, дают после премьер хорошие рецензии, однако в приватных беседах признают, что новых постановок-то у вас много, но все они какие-то одноплановые, елизарьевщина какая-то...

— Конечно. Елизарьев преподает режиссуру танца, поэтому естественно, что он воспитывает плеяду учеников и своим ученикам дает возможность практиковаться на нас...

— А ты сам как относишься к новым постановкам?

— Да, несомненно, хореографию Елизарьева трудно не узнать, и это сильно сказывается на его учениках. Все очень похоже. Вообще-то есть интересные моменты: вот сейчас спектакль «Белоснежка» репетируется, гномы поставлены просто здорово, очень интересно, потрясающе весело. А все остальное — это не детский балет, а какая-то заумная тягомотина...

— Ну тогда «Макбет» — это взрослая тягомотина. Хронометраж 50 минут всего, а такое ощущение, что балет длится несколько часов. И главное — все эти 50 минут солист не покидает сцену. Тяжело?

— Такое тягомотное ощущение от музыки. Там как гул этот начинается с самого начала, так и идет через весь спектакль. У меня от него даже голова потом побаливает. Мне кажется, главный недостаток этого спектакля в том, что уж очень он похож на «Страсти». А нагрузка в «Макбете» действительно страшная — и моральная, и физическая: все-таки 50 минут не сходя с паркета... Но это как раз понятно — главный герой есть главный герой. Вот попробуй не выпей после такого!

— Наверное, из-за таких перегрузок, физических и моральных, артисты балета так рано уходят на пенсию.

— Ну, в общем, да. В театре все пенсионеры уже в 38. Можно потом еще поработать пару лет по контракту, если здоровье позволит. Ну до 42-х, до 43-х можно протянуть... А потом все — танцевать нереально. Реально на пенсии можно танцевать пенсионные партии: хана Гирея в «Бахчисарайском фонтане», отца Китри в «Дон Кихоте», пашу в «Корсаре»... Так можно и до 60-ти работать. Кстати, недавно у моего отца была премьера: представляешь, в 55 лет новая партия. И сейчас он еще одну премьеру готовит — Квазимодо в «Эсмеральде». Вот это просто супер! А я кому на этих партиях буду нужен? От меня сейчас Спартака требуют, а там такая «физуха», что не каждый сдюжит...

Разобраться, как договорились

А судьи кто?

Почему футбольный Кубок получил гомельскую прописку

Сергей ЯКОВЛЕВ

Не прошло и половины футбольного сезона, а уже успели сесть в лужу два именитых отечественных арбитра. Рефери ФИФА брестчанин Сергей Шмолик в этом сезоне больше не будет обслуживать матчи высшей лиги чемпионата страны, а судья международной категории прославленный Вадим Жук будет отдыхать до конца первого круга во всех лигах. Интересно, что оба «ошибались» в пользу футбольного клуба «Гомель» и в некотором смысле помогли ему выиграть Кубок страны. Впрочем, существует несколько версий произошедшего.

Как это было

2 мая на минском стадионе «Динамо» в ответном матче 1/4 финала Кубка Беларуси между столичными динамовцами и «Гомелем» Сергей Шмолик не заметил игру рукой у одного из гостей в своей штрафной площади, а также ошибочно отменил взятие ворот «Гомеля» из-за якобы имевшегося положения вне игры. В результате и основное, и дополнительное время закончилось вничью — 1:1. А поскольку в первой встрече этих команд был зафиксирован аналогичный результат, то пришлось назначать послематчевую лотерею — серию пенальти. И счастливый билет здесь вытянули футболисты города над Сожем.

Естественно, такой исход не удовлетворил руководителей минского «Динамо», и они подняли бучу — как в СМИ, так и в стенах Белорусской федерации футбола (БФФ). После продолжительных разбирательств судейский комитет БФФ принял решение отстранить Шмолика до конца футбольного года от обслуживания матчей команд высшей лиги. Заметим, что такому суровому наказанию за всю историю белорусского «суверенного» футбола арбитр был подвергнут впервые.

10 мая. Полуфинал. 1-й матч. На своем поле брестские динамовцы разошлись мирно с «Гомелем» — 1:1. После игры тренеры «Динамо» не были согласны с некоторыми решениями главного арбитра Александра Чебыкина, поэтому не подписывали протокол до тех пор, пока не посмотрели видеозапись поединка. Однако съемка оказалась неудачной, и истину установить не удалось. У себя же дома «Гомель» одолел «Динамо» и вышел в финал. Судейского скандала не последовало.

26 мая. В Витебске в решающем матче Кубка Беларуси «Гомель» выиграл у борисовского БАТЭ — 2:0. Но прежде чем гомельчане забили два гола, арбитр матча Вадим Жук не засчитал гол и не назначил два 11-метровых удара. Как вы понимаете, в роли пострадавшего оказался борисовский клуб. Впоследствии экспертно-судейская комиссия засвидетельствовала вину Жука лишь в одном из трех спорных моментов. Но Вадим Дмитриевич все-таки будет наблюдать за происходящим на футбольных полях с трибун. Срок бездействия — до конца первого круга чемпионата страны во всех лигах.

Не слишком ли много судейских ошибок в пользу одного клуба?.. Сейчас многие пытаются ответить на этот вопрос.

Что это было-1

Первая версия заключается в том, что судьба Кубка страны была заранее предрешена. Многие специалисты склоняются к тому, что в этом году владелец почетного трофея был известен как минимум до финального матча. Одна ошибка судьи в пользу гомельчан могла бы трактоваться по-разному. Но когда огрехи рефери следуют три раза кряду... Согласитесь, можно задуматься о чистоте мундира.

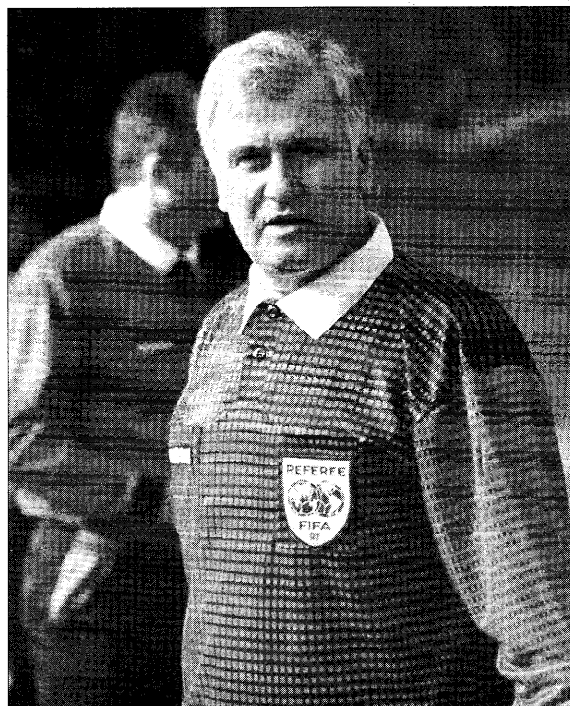
Напомним, что выигрыш Кубка Беларуси помимо медалей и дипломов дает право участвовать в Кубке УЕФА, втором по рангу после Лиги чемпионов европейском клубном турнире. А выход в Старый Свет сулит хорошую финансовую подпитку (только за участие в Кубке УЕФА команда получит 80 тыс. евро). К тому же при удачном стечении обстоятельств клубу могут быть проданы права на телевизионную трансляцию матчей. Кроме того, у клуба появляется возможность удачно продать одного или нескольких игроков. Наглядный тому пример в минувшем году — БАТЭ, когда после встречи с «Миланом» Виталий Кутузов перебрался на Апеннины. По нашим сведениям, трансфер обошелся борисовчанам в 5 млн долларов.

Однако не только для самих гомельчан попадание в еврокубок было хорошим материальным подспорьем. О продвижении в Кубок УЕФА, видимо, грезили и на Кирова, 8, в стенах Белорусской федерации футбола. Дело в том, что до сих пор никак не удается завершить реконструкцию гомельского суперсовременного стадиона «Центральный», а потому в федерации футбола наверняка прикинули, что выход «на Европу» «Гомеля» станет толчком к достройке арены. (Напомним, что не так давно спортивные боссы Гомельщины обвинили БФФ в нежелании помочь финансовыми средствами стадиону-долгострою, и неизвестно, до чего бы дошел скандал, если бы не «новые обстоятельства».)

На взгляд наших источников, БФФ помогла «Гомелю», назначив удобных арбитров. Почему для таких целей сгодились титулованные Шмолик и Жук? Так они же опытные! Однако опытные — это не только те, у кого футбольные правила от зубов отскакивают, но и те, кто может обеспечить «нужный» результат, и при этом «нужность» никто не заметит. В соперничестве двух примерно равных команд требуется пара свистков или взмахов флажком в определенную сторону — и инициатива оказывается в нужных руках.

Почему же, спрашивается, так серьезно пострадал Шмолик? Вероятно, потому, что слишком много и прилюдно начудил. Тем более к нему и раньше были претензии. Вот почему на этот раз в судейском комитете решили: пусть годик побудет без «вышки». Он человек молодой — 37 лет. Еще может 8 лет «на мире» работать и 13 на родине. И другим будет хорошая наука.

А почему же брестские шероховатости для минчанина Чебыкина обошлись без последствий? А потому, что нынче «Динамо» (Брест) на многое не претендует. Зачем зря дергаться?

Вадим Жук

Что это было-2

Впрочем, среди специалистов выдвигается и гипотеза, что в победе «Гомеля» не стоит искать подводных камней. Футбольные арбитры тоже люди и имеют право на ошибку. Защитники судейского мундира говорят, что часто допускаемые просчеты свидетельствуют лишь о плохой готовности отечественного судейского корпуса и не более того.

Вадим Дмитриевич Жук, за плечами которого — финал Кубка УЕФА-96, чемпионат Европы-96, полуфинал Лиги чемпионов, свыше 100 матчей чемпионата Советского Союза, после завершения зарубежной карьеры в 1997-м не только не перестал работать на играх национального чемпионата, но еще и возглавил управление по проведению соревнований БФФ. Естественно, такое совмещение постов не могло пойти на пользу. Но Жук делал себе поблажки, судил посредственные, ничего не значившие матчи. Допускал ошибки и там, но инспектора-пенсионеры не могли пойти против своего непосредственного шефа, выставляли высшие баллы. В нынешнем же году Вадиму Дмитриевичу исполнилось 50. И захотелось Жуку на мажорной ноте распрощаться с судейством. Поправил физические кондиции — и в бой! Но какой же прощальный аккорд без финала Кубка страны? Однако произошел конфуз. Сказалось отсутствие практики на матчах, подобных финальному. Это и засвидетельствовала экспертно-судейская комиссия: «В.Жук методически неверно занял позицию, вследствие чего оказался далеко от сложного игрового момента и оценил его неверно, не назначив 11-метровый удар».

Юрий Дупанов

На протяжении последних 5-6 лет состав судейского корпуса практически не обновлялся. В нем новых имен — раз-два и обчелся. Поэтому старики не боятся потерять место. На данный момент средний возраст арбитров составляет почти 43 года. В следующем сезоне полку опытных судей убавится. Виктор Матюшев, Вадим Жук и Бронислав Ясинский распрощаются с активной деятельностью. Молодежь же пока постигает судейскую науку не так быстро, как хотелось бы. Да и чему удивляться? Ведь школы молодых арбитров функционируют совсем недавно, да и то только в трех городах — Минске, Бресте и Гродно. А занятия там проводятся нечасто — один месяц в году.

Кто же виноват в случившемся? Наверное, Вадим Жук и главный судья чемпионата Юрий Савицкий. Вместо того чтобы поддерживать славные традиции белорусского арбитража, они заняты больше «бумажными» делами. Известно, что они оба были сторонниками возвращения формата чемпионата страны в высшей лиге с 16 командами. Только не встал бы остро вопрос: а где найти еще и судей?

Впрочем, болезнь начала прогрессировать не вчера. В прошлом году, когда в БФФ определяли десятку лучших судей, едва отыскали семерых достойных. Еще столько же имели разного рода дисквалификации.

Вообще, 2001 год был самым тяжелым и для наших рефери ФИФА, представляющих страну на международной арене. Сначала из-за неубедительного судейства во внутреннем чемпионате не смог поработать еще один год гродненец Казимир Знайдинский. К тому же он угодил под урезание судей из Восточной Европы. Следующим пострадал Геннадий Якубовский, который попал под прицел правоохранительных органов и вынужден был около года провести в местах не столь отдаленных. Пострадал же Якубовский за сокрытие финансовых средств, вырученных от продажи одного футболиста. После попадания в такую историю пытаться вернуться в судейство было бы наивно. Теперь Геннадий занимает один из руководящих постов в борисовском БАТЭ. Освободившееся же место занял бывший нападающий минского «Динамо» самый молодой арбитр Валерий Величко.

Ну а про то, как набедокурил Шмолик, вы знаете.

Единственным светлым пятном является ассистент рефери ФИФА Юрий Дупанов, который на завершившемся чемпионате мира в Японии и Корее отработал на неплохом уровне на трех встречах.

В тесном контакте с судейским корпусом находится корпус инспекторов. С этими комиссарами, которым положено наблюдать, а затем оценивать работу судейской бригады, дела обстоят практически так же плачевно, как и с судьями. Средний возраст наших инспекторов — 61,5 года. Старость дает о себе знать. Поэтому многие из них выполняют роль свадебных генералов. Из 19 инспекторов, которые трудятся на матчах высшей лиги, треть никогда в жизни не держала свисток. Как же они могут объективно оценить действия арбитра?

В чем причина, что наши судьи постоянно допускают ляпы? Главное — в отсутствии здоровой конкуренции многие из них чувствуют себя незаменимыми. К тому же большинству арбитров недостает судейского образования, физической подготовки. Что могут дать кратковременные сборы в межсезонье? Да и деньги некоторых расслабляют. За работу в белорусском чемпионате рефери получают довольно хорошие гонорары. За одну игру, проведенную в высшей лиге, главный арбитр имеет 250 тыс. рублей, а его боковые помощники — по 150 тысяч. За матчи в первой лиге — 150 и 100 тысяч соответственно, во второй — 120 и 70. Иногда выпадают и премии от команд за хорошее судейство. Но об этом вслух говорить не принято.

Размножить

Красноярск-26

Из записок военного строителя

Продолжаем публикацию глав из новой книги Семена Букчина

Изгнание из университета

Да, на «губе», действительно, вспомнилось многое...

Первый раз меня дернули в военкомат осенью 1959 года, как только исполнилось восемнадцать. Я был фрезеровщиком на Минском электротехническом заводе (тогда он еще не носил имя Козлова, поскольку сам партизанский герой, занимавший пост председателя Верховного Совета БССР, был жив) и по всем статьям представлял несомненную ценность для вооруженных сил. Кроме здоровья. Положили на обследование, а врачи признали порок митрального клапана и выдали заключение: «Негоден к строевой службе». Второй раз дернули через пять лет, в 1964-м, и тут оказалось, что согласно новому «Расписанию болезней и физических недостатков» я к службе вполне годен. Проблема была только в одном: я учился на четвертом курсе отделения журналистики филологического факультета, до окончания БГУ оставался год. Впрочем, это была моя проблема, а не государственная. Государству нужны были воины. Призывали тогда 1946 год рождения, и было их мало по причине демографической — война. Вот и стали «подгребать» более ранние годы, включая и мой 1941-й. Военной кафедры на нашем факультете не было. А мне уже исполнилось двадцать три.

Военком Заводского района был приличный человек. Полковник, кажется, Герой Советского Союза, в принципе он вообще мог не объяснять мне моей ситуации, тем более не подсказывать выход из нее. Однако и объяснил, и подсказал. По закону призывали тогда до 25 лет. Следовательно, у меня в запасе был еще год. Но для того, чтобы получить отсрочку, нужна была серьезная причина. В противном случае мог «зацепиться» прокурор, проверяющий дела призывников: на каком, мол, основании этого освободили? Такой причиной, по мнению военкома, могла стать официальная бумажка из университета, подтверждающая, что я, будучи успевающим студентом, могу сдать экзамены за четвертый и пятый курсы за один год. Закончив в будущем году университет, я мог быть призван на срочную службу, но, как имеющий законченное высшее образование, уже только на год, а не на три.

— Ну, а уж как тебе удастся сдать экзамены за два курса — это твое дело, — усмехнулся на прощанье военком. — Да и за год может что-то измениться... Понимаешь?

Все я понимал. Военкомату нужен документ, не хотят они срывать меня с четвертого курса, тем более что до университета я два года после школы оттрубил на заводе. Но понимал я и другое: не дадут мне этой бумажки на факультете. Достаточно гуманного профессора белорусской литературы Ларченко на посту декана к этому времени сменил доцент Волк, большой борец за идейность, а сама эта борьба к концу хрущевской «оттепели» уже выдвигала на первый план таких людей. В замах у Волка был тоже большой поборник идейной чистоты — заведующий кафедрой партийно-советской печати Булацкий. У обоих я, мягко говоря, не пользовался симпатией. Ну, разумеется, прежде всего сказывался пресловутый пятый пункт. Человеку с этой «отметиной», попавшему на такое идеологическое отделение как журналистика, сидеть бы тихо, не высовываясь, и все было бы в порядке. А я высовывался. Время было интересное. Эхо антисталинских XX и XXII партсъездов уже заглушалось проработочными «встречами руководителей партии и правительства с интеллигенцией», постановлениями Идеологической комиссии, которую возглавлял приснопамятный секретарь ЦК КПСС Ильичев (тогда и шутка такая ходила: мол, живем «от Ильича до Ильича»). Уже поносили «клеветника» Солженицына, автора еще недавно официально одобренного «Одного дня Ивана Денисовича» (а вместе с ним и других авторов, «слишком уж углубившихся в разоблачение культа личности» на фоне несомненных побед социалистического строя); Эренбурга за его «неправильные» мемуары «Люди, годы, жизнь». Уже разгромили выставку «абстракционистов» на Манеже. И даже Аксенову доставалось за вполне невинную повесть «Звездный билет» — не тех мальчиков прославляет, не похожих на его же героев из официально одобренной повести «Коллеги».

Мне, конечно, хотелось поговорить на эти темы, о которых много писала периодика. И я говорил, спорил, не задумываясь о том, что моя, понятно, неправильная идейная позиция становилась тут же известна и начальству факультетскому, и, безусловно, тем, кому, что называется, по службе следовало знать о настроениях в студенческой среде. Видит Бог, я не хочу бросить тень на моих товарищей-сокурсников. Хотя и не намерен скрывать, что был в немалой степени разочарован, оказавшись единственным минчанином среди бывших сотрудников районных газет и отслуживших срочную службу солдат и матросов тоже родом из провинции. Ну не то чтобы я мнил себя «столичной штучкой», право, не в этом дело, хотя, конечно, характер имел нелегкий. Скажем так, выделялся... Но и культурный уровень большинства из этих уже в солидном возрасте парней, как правило, поступивших по направлениям партийных организаций и, конечно, имевших свой жизненный опыт, в общем, не соответствовал моим представлениям о студенте университета. Многие попросту были малообразованны, мало читали, говорить с ними было не о чем... В то же время некоторые бывшие сотрудники «районок», сержанты и матросы отличались принципиальной идейностью. Один из них постановил прочитать всего Ленина, все пятьдесят пять томов собрания сочинений, и время от времени приносил известие, что вот уже осилил шестнадцатый или двадцатый том. Ребята, которые были гораздо интереснее для меня, с культурным кругозором, начитанные, учились на русском и белорусском отделениях.

Всего двадцать пять человек училось на отделении журналистики, столько было мест на стационаре. Но на втором курсе, придя осенью на занятия, мы неожиданно обнаружили четверых новичков. Бывшие «районщики», солдаты и матросы, почти сплошь члены партии, естественно, возмутились. Дело в том, что тогда для поступления на специальность «журналистика» требовался двухлетний стаж. Некоторые «районщики» имели и значительно больший, солдаты отпахали на срочной службе три года, матросы — четыре, я два года отмотал станочником на заводе. Ну а эта четверка новичков обошла закон. Сразу после школы поступили на вечернее отделение и, проучившись год, перевелись на дневное. Такой вот нехитрый фокус, впрочем, возможный лишь при соответствующих связях. Ну а как им не быть, этим связям, ежели у одной девицы папа был замминистра, у другой — тоже какой-то крупный чиновник. И двое парней не без «крыши»: один — сынок известного скульптора, чьи памятники Ленину усеяли всю республику, другой — родной брат собственного корреспондента Всесоюзного радио по Белоруссии. Партгруппа нашего отделения решила добиваться изгнания «блатных». Но бывшим солдатам и матросам партбюро факультета быстро указало на меру их «компетенции», и борцы за справедливость тут же увяли. Этот случай несколько сблизил меня с некоторыми сокурсниками, поскольку я оказался прав, указывая с самого начала на обреченность их выступления. А с другими, напротив, отношения стали прохладнее...

Но еще на первом курсе произошла история, в которой я при всем, на первый взгляд, косвенном отношении к ней уже, как говорят, зарекомендовал себя не с лучшей стороны. Неожиданно по факультету разнеслось: госбезопасность раскрыла группу студентов с четвертого и пятого курсов русского отделения, духовным вождем которой был старше их по возрасту некто Ким Хадеев. На своих сборищах они вели антисоветские разговоры, читали антисоветские тексты. Спустя несколько лет (после того как Ким выйдет из тюрьмы) я познакомлюсь с этим поразительной образованности и одаренности человеком. Впрочем, не буду отвлекаться... Год назад Ким умер, и его друзья опубликовали в «БДГ» прекрасный по силе чувства и точности портрета некролог. А тогда, в 1962 г., имя Хадеева произносилось в интеллигентских кругах с оглядкой. И вот — факультетское комсомольское собрание, на котором какой-то кагэбист делает сообщение о «группе Хадеева», а затем начинается избиение ее членов. Выступают профессора, доценты, студенты. Кто-то предлагает после исключения направить «антисоветчиков» на завод: пускай, мол, поработают, узнают, почем фунт лиха... Это предложение вызвало резкий отпор с моей стороны. Выскочив на сцену, я заявил, что как бывший рабочий не считаю завод местом какой-то ссылки-каторги. А если кого-то не устраивает идейный облик этих студентов, то где еще, как не в университете, и не попытаться помочь им, здесь же такая культурная сила собрана, такой интеллект...

Я хотел, чтобы эти ребята остались в университете. Дело шло явно к исключению. Я жалел, что не познакомился с ними раньше. Впрочем, если бы это знакомство произошло, наверняка я вылетел бы из университета вместе с ними, не дойдя до четвертого курса, с которого отправили в армию. Но моя попытка, как выразился тут же взявший слово секретарь партбюро факультета, «превратить очевидную вещь в дискуссионную проблему» провалилась. Кажется, четверых парней и одну девушку исключили, две фамилии запомнились — Кобля и Буткевич... А Кима Хадеева и молодого актера Русского театра Эдуарда Горячего посадили.

Мой однокурсник, руководитель партгруппы отделения, выглядевший уже пожилым «районщик», сказал мне: «Зря ты это... Уж если вышел на сцену, так надо было развенчивать... А ты, рабочий парень, вроде в адвокаты полез...»

Так постепенно накапливалось на факультете «досье» на меня: «нехорошие» разговоры, выступления... А тут и конфликт с главным знатоком истории партийно-советской печати, доцентом Булацким, подоспел. Позже я понял, что сделал глупость, поступив на «журналистику». Образование там давали куцее: курсы литератур «обрезанные», сокращенные, что ли, языковые программы тоже были усеченные, зато налегали на идеологию, историю партийной печати и прочую дребедень. На белорусском и русском отделениях учили куда основательнее. Немало повстречалось и преподавательской бездари и даже убожества. Хотя, конечно же, были и замечательные педагоги. Зарубежную литературу читал истинный златоуст Давид Евсеевич Факторович (его убрали из университета, кажется, за передачу на Запад документов о дискриминации евреев при поступлении в первый вуз республики, году в 1966-м я встретил его случайно в московском метро, какого-то жалкого, напуганного); историю русской журналистики — молодая и обаятельная Нина Александровна Сницерева (всегда вспоминается в паре со своей подругой, рано ушедшей из жизни Ариадной Ивановной Апелинской, приохотившей меня к занятиям в научном студенческом кружке, где я сделал свой первый доклад — о Гиляровском); античную литературу — основательный Наум Исаакович Лапидус; современный русский язык — добрейшая Людмила Александровна Шевченко... С Федором Ивановичем Кулешовым, замечательным знатоком творчества Куприна, я достаточно близко сошелся несколько позже. А накануне ухода в армию он не позволил мне досрочно сдать экзамен по русской литературе — был великий формалист.

Но, в общем, в университете было скучно, не тянули меня туда особо ни лекторы, ни друзья, с которыми хотелось бы поговорить, обсудить какие-то литературные новинки. И еще была существенная причина, по которой я стал активно пропускать лекции. По результатам вступительных экзаменов (сплошь пятерки) я вполне мог рассчитывать на стипендию. Но на первом же заседании нашей группы выяснилось, что число стипендий ограничено и предназначаются они в первую очередь тем, у кого доход на члена семьи не превышает сорока рублей. Совместный заработок моего отца и матери, поделенный на четырех членов нашей семьи, был выше этой суммы. Таким образом, я, бывший фрезеровщик, получавший до 120 рублей ежемесячно на заводе, оказался без копейки в кармане. А расходов и у тогдашнего двадцатилетнего молодого человека, хотя и не было в ту пору компьютеров, хватало. Во всяком случае, общество трезвости вряд ли сделало бы меня своим активистом. Кстати, Минск конца 50-х—начала 60-х годов давал широкие возможности для недорогой и эффективной выпивки. Помимо разного рода шалманчиков и забегаловок, на Комаровском рынке прямо из цистерны торговали хорошим, а главное, дешевым молдавским вином. Впрочем, такие цистерны появлялись не только на Комаровке, но и в других районах города. Вообще Минск той поры был больше городом традиций, нежели ныне, а потому в большей степени напоминал все-таки город по сравнению с той непомерно разросшейся деревней, которую он являет собою ныне. 500 тысяч жителей... Уютно, зелено, провинциально-спокойно... В центре тон задают почтенные граждане с довоенным воспитанием — мужчины в драповых пальто, габардиновых плащах и шляпах, женщины в жакетах с накладными плечиками и в ботиках. Не скажу, что все всех знали, но многих... Ну и традиции, само собой... Первомайская и октябрьская демонстрации, суть которых состояла в проходке по свежему воздуху, после которой (и во время, чему способствовали многочисленные стоявшие вдоль улиц прилавки) следовало законное пьянство и обжорство в гостях. Ну а у молодых свои, заранее сговоренные компании с вином, новыми и старыми пластинками, танцами... А еще были маевки, коллективные выезды на природу с той же целью — выпить, закусить, попеть песни. Был и общий гражданский порыв. Например, существовала замечательная традиция бить минский «Спартак» (вскоре превратившийся в «Динамо») после проигрышных матчей. У стадионного выхода, откуда должна была уезжать команда, собиралась громадная толпа, вслед шедшим сквозь строй понурившимся футболистам летели крепкие слова и угрозы, наиболее ярые из болельщиков тянулись с кулаками к физиономиям своих любимцев, те прятались в клубный автобус, который толпа начинала тут же раскачивать... В дело вмешивалась конная милиция... Народ грамотно разбегался.

В общем, деньги требовались на многое: билеты на футбол, в кино, в театр... И ведь не один идешь, девушек приглашаешь. А в букинистическом отделе магазина подписных изданий на проспекте (тогда не говорили — Ленинский, а просто — проспект, и все знали, о чем идет речь) можно было купить настоящие раритеты, и не то чтобы уж очень задорого...

К тому времени я уже сотрудничал в газетах «Зорька» и «Знамя юности». Но по-настоящему много писать и неплохо зарабатывать стал на Белорусском радио. Много мотался по республике с тяжеленным — тогда еще на лампах — магнитофоном марки «Репортер». Однажды встретил в центре Минска Николая Андреевича Павленко, он вел у нас курс введения в языкознание. Прищурив острый украинский глаз, он скептически хмыкнул: «А я-то думал, глядя на пустующее ваше место, что вы бездельничаете! А вы, оказывается, делом занимаетесь! Ну что ж, до встречи на экзамене!»

С Павленко все обошлось, экзамен я сдал. А вот Григорий Васильевич Булацкий не мог мне простить не только отсутствия на его лекциях. Я его смертельно обидел. На факультете рассказывали, что в юности он получил телеграмму от Сталина, благодарившего молодого колхозника за деньги, сданные в начале войны на танк или самолет. Трудно было понять, откуда у сельского жителя, да еще совсем молодого, взялись такие деньги. Но вроде все так и было в действительности, помнится, что как будто об этом факте рассказала какая-то газета и даже снимок этой самой сталинской телеграммы воспроизвела. Еще запомнилось, что Булацкий всю жизнь занимался изучением жизни соратника Ленина и уроженца Беларуси Пантелеймона Лепешинского, он выпустил о нем монографию под названием «Ленинской гвардии солдат».

И вот на лекции такого человека я позволил себе более чем рискованную шутку. «Царские сатрапы разгромили типографию народовольцев...», — читал давно выученное наизусть наш педагог. Я поднял руку и, делая вид, что старательно конспектирую, спросил: «Григорий Васильевич, простите, как пишется слово — «сатрапы» или «сотрапы»? И получил ответ, на который рассчитывал: «Сотрапы». Сдавленное хихиканье нескольких знатоков русского языка дало понять нашему

Военные строители. Красноярск-26, 1960-е годы

доценту, что он вляпался. Он напрягся, покраснел, но лекцию закончил. После этого случая я сдавал ему историю партийно-советской печати шесть раз. Я запомнил на всю жизнь, что в Женеве Ленин начал издавать газету «Вперед», а в Цюрихе она уже превратилась в «Пролетарий», что в 1932 году ЦК ВКП(б) издал постановление об архангельской газете «Северная коммуна»... Короче, я знал предмет не хуже самого Булацкого. Наконец, он поздним вечером в пустой аудитории поставил мне тройку и сказал: «Ну и чего ты добился? Хотел показать, что ты грамотнее меня?»

И вот к этому человеку мне нужно было идти за бумажкой, которая бы удостоверяла, что я смогу сдать за один год экзамены за два курса, то есть досрочно закончить университет по особой, ускоренной программе. И я пошел. А что было делать? Пошел, сознавая, что надежды нет никакой.

— И ты решил, что я дам тебе такую справку? — искренне удивился Булацкий. — Да я еще и позвоню в военкомат, чтобы тебя побыстрее забрали в армию.

И я опять не удержался:

— Вам, Григорий Васильевич, конечно, известно, что Ленин протестовал, когда царское правительство сдавало студентов в солдаты. Почему бы вам не последовать его примеру? Тем более что у нас сегодня не самодержавие...

— Молодец! — сказал Булацкий. — Не зря мы тебя, выходит, учили, знаешь предмет. Но ты лучше не теряй времени, иди в учебную часть, подай заявление об отчислении из университета в связи с призывом в армию, может, и примем тебя обратно через три года... Когда поумнеешь...

Уж не знаю, звонил ли он в военкомат, но позже мне рассказывали, что Булацкий мою отправку в армию с четвертого курса стационара на разных курсах преподносил как наказание, которое понес «нехороший» студент, из чего прочие обязаны извлечь соответствующий урок...

Дорога в зону

Полдня нас, призывников, продержали в обширном, изолированном дворе старой, дореволюционной застройки на площади Свободы, где находился областной военкомат. Бегали офицеры, сержанты, куда-то нас вызывали, переписывали, но понять, куда отправляют и в какие войска, было невозможно. Наконец, построили и пешком — благо расстояние невелико, потому, вероятно, и решили обойтись без автобусов — погнали довольно унылую и даже мрачно, лагерно выглядевшую колонну (потрепанная одежда, ватники, старые сапоги) на вокзал. Помню, что мне было стыдно (не хотелось, чтобы увидел кто-то из знакомых) идти по проспекту в такой колонне, хотя одет был вполне прилично — плащ и даже шляпа.

Я до сих пор не могу разгадать эту загадку, понять, кто это сделал, кто написал, но на запыленном окне тамбура нашего вагона прочитал без труда, хотя надпись и была сделана с обратной стороны и потому выглядела как перевернутое зеркальное отражение: «Красноярск». Может быть, кому-то из родных или друзей удалось узнать... Едва я разобрал буквы, как кто-то из сержантов, проходивших по платформе, стер их обшлагом шинели.

Выходит, нас везут в Сибирь, в Красноярск? И было похоже на то: эшелон миновал Москву и устремился на восток. Чувство обреченности не оставляло меня. Сын офицера, я был крайний индивидуалист по характеру, не терпел малейшего насилия над личностью, все строевое, казарменное, армейское было мне чуждо и потому страшило. Я отчетливо понимал, что не выдержу всего этого в течение трех лет и, следовательно, просто погибну. Потому в дороге был мрачен, неразговорчив, что вызывало некоторую озабоченность старшего сержанта Шумратова, под командой которого и еще нескольких «купцов» (так называли офицеров и старослужащих, приезжавших за молодым пополнением) находился наш вагон.

— Тебе, наверное, выпить нужно, — сказал Шумратов, когда состав наш приближался к Кургану. — У тебя деньги есть?

Выпить, конечно, хотелось не только мне, но и самому старшему сержанту. И то, что деньги у меня были, он быстро просчитал. Кстати, сумма была немаленькая, что-то около 80 рублей: на прощанье мне выплатили щедрый гонорар на радио. Шумратов четко объяснил, что в своей приличной гражданской одежде — плащ, шляпа, да еще и нестриженый, я не вызову никаких подозрений со стороны патрульных нарядов, обычно присылаемых на вокзалы городов, через которые проходят поезда с призывниками. Они быстро отлавливают отоварившихся водкой в вокзальных буфетах и окрестных магазинах наголо остриженных парней в старых ватниках и рваных куртках, безошибочно распознавая в них выскочивших из поезда призывников.

— Не должны тебя зацепить, — сказал, критически оглядывая меня, Шумратов. — Очень даже прилично выглядишь! Не меньше шести бутылок должен пронести!

— Это как же? Не полезу же я обратно в вагон с авоськой. Засекут ведь!

И тогда старший сержант, великой мудрости человек, которому оставалось до дембеля пару месяцев, объяснил мне, как следует вставлять в оба рукава плаща по три бутылки водки, одна на другую, да так держать руки, чтобы ничего не было заметно. Я прекрасно справился с заданием и при возвращении в вагон был подстрахован двумя сержантами, коллегами Шумратова.

Спустя час наше купе и два ближайших сильно отличались по настроению от остальных. Языки развязались и у старослужащих, им явно хотелось показать нам, «салагам», что они знают нечто такое, о чем мы и понятия не имеем. И в то же время что-то сдерживало их. Они недоговаривали, обходились намеками. А мы напирали, и разговор, естественно, вращался вокруг одной темы: «Так куда же нас, в конце концов, везут?»

Наконец Шумратов, опрокинув очередной стакан, рубанул:

— Я только одно скажу: через три года кое у кого волосы повыпадают, лысые будете, вроде меня.

Он провел рукой по голове с плотным светлым ежиком и добавил:

— И член стоять не будет.

— Да ты вроде и не лысый, — заметил кто-то из призывников.

— Да был я лысый, но мне мазь кедровую по знакомству достали, вот и отросло, — разъяснил наш командир.

— А это... у тебя, что, в самом деле... не стоит? — продолжали допытываться явно напуганные «салаги».

— А это я после дембеля проверю, — отрезал Шумратов и вышел в коридор, давая понять, что разговор на эту тему закончен. Я вышел следом за ним и без обиняков потребовал, чтобы он тут же назвал мне место, куда нас везут.

— Я тебе только как в кроссворде назову — первую и последнюю букву, а ты уж сам догадывайся. Больше не могу — служба! Сам понимаешь!

И он назвал первой буквой «Т», а второй — «А». Полночи бился я над этой загадкой, призывая на помощь весь свой географический багаж. И откуда же мне было знать, что все попытки мои обречены, ибо подразумевалась деревня Терентьевка, пункт нашей выгрузки и последующего распределения по частям в зоне. Позже, уже в «двадцатке», я узнаю от того же Шумратова гораздо больше, а пока он проявил истинную заботу обо мне, посоветовав сменять плащ и шляпу на ватник и шапку-ушанку. Более того, он сам добыл мне эти теплые вещи, без которых я просто погиб бы на том жутком морозном ветру, который охватил нас при выгрузке в Терентьевке. Это была не только благодарность за водку, но и за то, что я не назвал его имени, все взял на себя, когда через пару часов после окончания нашей гульбы меня вызвали в штабной вагон.

Кто-то стукнул по начальству, что это я пронес водку, и вот в штабном вагоне, где ехали сопровождавшие нас офицеры, не в купе, а в проходе, со мной ведет воспитательно-дознавательную беседу майор Машалов. Это был новейшей формации Порфирий Петрович из романа Достоевского. Приторно вежливый, он настойчиво добивался одного: «Кто же это помог вам выйти из вагона и пронести столько бутылок, что вы все купе споили? Ведь сержанты наши кругом контролируют, следовательно, вам кто-то из них позволил выйти из вагона?»

Я скучно и однообразно уверял майора, что мне удалось усыпить бдительность сержантов, вышел в туалет, а потом незаметно вышмыгнул из вагона.

— Что значит вышмыгнул? — удивлялся Машалов. — У каждого входа в вагон стоят наши солдаты. Да еще патрули... Это невозможно — вышмыгнуть, вы должны сказать мне, кто вас пропустил.

Наконец, убедившись, что другого ответа не будет, он сказал:

— Вы знаете, в этом штабном вагоне, в отдельном купе лежат личные дела призывников, мы их просматриваем. И ваше просмотрели и уже подобрали вам такую должность, такую замечательную работу. И вот теперь этот случай... Не знаю, не знаю... Вряд ли теперь что получится... Шесть бутылок. Зачем так много? Ну я понимаю — еще бы одну, ну две, а то ведь шесть.

— Так ведь народу много, товарищ майор, всем вроде понемногу.

— Нет, это пьянство, это распущенность, — решительно заявил Машалов. — Я тоже, к примеру, выпиваю. Но немного... Так, к примеру, пятьдесят граммов вина. Перед обедом, для аппетита.

Потом мне случалось видеть, какова «доза» майора Машалова. Две бутылки — это была норма, с которой все только начиналось.

... Позади почти десять суток очень медленной, с долгими стоянками на каких-то запасных путях, езды. И вот действительно Красноярск, пересекаем широченный Енисей. Но это не конец нашего путешествия. Здесь нас пересаживают в электричку, которая спустя час с небольшим тормозит у какой-то крохотной станции. Наверное, это и есть та самая Терентьевка, хотя названия никакого не видно. Мы выходим из вагона на платформу и оказываемся в узком проходе, образованном слева и справа высоко, под два метра, натянутой колючей проволокой. За проволокой стоят богатырского вида сибирские тетки в белых армейских полушубках, с карабинами на плече. С поводков рвутся и лают на нас здоровенные псы. Мороз явно за тридцать градусов, да еще с жутким, пронизывающим до костей ветром. По проволочному лабиринту, начинающемуся прямо от платформы и тянущемуся добрую сотню метров до железных ворот, мы попадаем в лагерь-распределитель. И платформа и лагерь — все это действовало с конца сороковых годов, когда сюда стали доставлять заключенных. А потом пошли составы с военными строителями. И хотя в положении первых и вторых была существенная разница — одни осуждены и отбывают наказание, другие призваны в армию и выполняют «священный долг», — никакой разницы по части «приема» новоприбывших не было, поскольку процедура была отработана раз и навсегда, а главное — утверждена «наверху».

В лагере-распределителе вокруг одного капитального барака стояло множество больших брезентовых палаток, внутри которых находились двухэтажные нары, топилась железная печка с трубой наружу. Было тепло. Мы забились на нары и ожидали, пока нас по очереди, по три-четыре человека, выкликали в барак, где заседала комиссия. Рабы были доставлены на место, теперь их распределяли по частям. Время от времени в палатку забегали старики-дембеля из охраны и внимательно осматривали нас: нельзя ли чем поживиться из более-менее приличной одежды, которая сгодилась бы на гражданке. Предлагали и меняться на старое армейское добро — ремень или гимнастерку, убеждали, что отправленная посылкой домой хорошая одежда все равно не дойдет. Кто-то соглашался на добровольно-принудительную менку, а у кого-то и отбирали силой...

Часа в два ночи выкликнули меня. За столом, на котором горками лежали наши личные дела, сидели два капитана и майор Машалов. Было видно, что верховодит процедурой капитан с усиками, имевший погоны внутренних войск, позже я узнал его фамилию — Литовкин. Машалов наклонился к нему, что-то зашептал на ухо.

— Журналист? Ну и что? — недовольно скривился капитан. — Это ж тот самый, что полвагона в Кургане споил! Сразу его в Управление взять? Да вы что? И кто за него, за такого кадра, может поручиться?

Машалов снова что-то шептал ему на ухо, похоже, на меня были какие-то виды. Но Литовкин был настроен решительно:

— Нет, пускай сначала в ДОКе послужит, в «двадцатке»! А может, он алкаш вообще! Нет, товарищ майор, пишем его в «двадцатку», а там посмотрим...

Анекдот:

— Товарищи, кто знает слова нового гимна?

В ответ - гробовая тишина.

— Вот засада! Опять танцевать будем!

БГ *Для служебного пользования*

Ежемесячное приложение к «Белорусской деловой газете»

N6 2.07.2002 года

Главный редактор **Светлана Калинкина**

Газета зарегистрирована в Министерстве информации, регистрационное свидетельство NN1758 от 21.03.2002г. Редакция может опубликовать материалы, отражающие только мнение авторов, в порядке обсуждения. Перепечатка со ссылкой на «БДГ. Для служебного пользования». Редакция не несет ответственности за содержание рекламных объявлений и за ошибки в них.

Подписные индексы ДСП:

индивидуальная подписка **63568**

ведомственная подписка **635682**

Генеральный менеджер издательства «БДГ» **Петр Марцев**

Учредитель и издатель **Издательское частное унитарное предприятие «Марат»**

Отпечатано с диапозитивов заказчика на полиграфическом РУП «Красная звезда», 220073, г. Минск, 1-й Загородный переулок, 3.

Материалы, помеченные знаком ▤ печатаются на правах рекламы.

Тираж 27000

Заказ 2077

Подписано в печать 1.07.2002г. в 17.00

Выходит 1 раз в месяц

Размещение рекламы: тел/факс (017) 216-25-87, 216-25-88,285-08-93,285-08-94. **Отдел распространения:** тел/факс (017) 226-87-99, 222-27-20. **Адрес редакции:** 220039,Минск,ул.Чкалова,12,4-й этаж. **Телефоны редакции:** 216-25-85, 285-08-92, 224-95-70, 216-25-84